

2021

ТОМ: 2

■
ГОМЕР: 2

ЖУРНАЛ
КЛИНИЧЕСКОГО
И ПРИКЛАДНОГО
ПСИХОАНАЛИЗА

■

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том II. № 2. 2021.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

Адрес редакции:
НИУ ВШЭ,
Кафедра психоанализа
и бизнес-консультирования
департамента психологии,
ул. Мясницкая, д. 20, каб. 410,
Москва, 101001
Тел.: +7 (495) 772 95 90
E-mail: arossokhin@hse.ru

Электронный журнал «Журнал клинического и прикладного психоанализа» издается с 2020 года. Учредителями журнала являются Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» и Андрей Владимирович Россохин (<https://www.hse.ru/staff/rossokhin>) – главный редактор.

Миссия журнала – содействие развитию психоаналитического знания во всех областях его возможного применения, создание открытой творческой площадки для встречи российских и зарубежных психоаналитиков, психоаналитически ориентированных практиков и исследователей из разных клинических и прикладных сообществ и университетов.

Основные цели журнала:

- интеграция отечественных научных, клинических и прикладных психоаналитических исследований на базе Журнала;
- знакомство читателей с ключевыми зарубежными публикациями в клиническом и прикладном психоанализе;
- создание публикационного междисциплинарного пространства, позволяющего специалистам-психоаналитикам взаимодействовать с представителями других наук;
- поддержка научных теоретических и эмпирических исследований по клиническому и прикладному психоанализу;
- содействие интеграции современного российского психоанализа в более широкий контекст мировой психоаналитической теории и практики;
- открытие новых направлений в дискуссионном психоаналитическом поле;
- знакомство с новейшими тенденциями в российской и мировой психоаналитической практике.

Доступ к электронному журналу постоянный, свободный и бесплатный по адресу: <https://psychoanalysis-journal.hse.ru>
Каждый номер содержится в едином файле (в PDF).

Требования к авторам изложены на

https://psychoanalysis-journal.hse.ru/auth_req.html

Все статьи, поступающие в редакцию, проходят анонимное рецензирование. Все материалы проходят через полный цикл редакторской обработки и корректуры. Плата за публикацию статьей не взимается.

С публикационной этикой можно ознакомиться на

<https://psychoanalysis-journal.hse.ru/etika>

Редакция

Главный редактор Россохин А.В., доктор психол. наук, профессор, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Заместители главного редактора:

Чершинцева М.А., кандидат культурологии

Чекункова О.В., кандидат Парижского психоаналитического общества

Карпов А.Н., кандидат философских наук

Редактор выпуска: Чершинцева М.А.

Литературный редактор, корректор: Озерская Т.Ю.

Вёрстка: Михайлова Ю.С.

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том II. № 2. 2021.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Клинический психоанализ:

Барюк Кларисс (Франция), Ph.D., почетный профессор психологии университета Париж-Х – Нантер, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), Президент Парижского психоаналитического общества (SPP)

Евсеева М.Л. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA)

Дяткин Жильбер (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, директор восточно-европейского образовательного направления Парижского института психоанализа

Жибо Ален (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-Президент Европейской федерации психоанализа (EPF), экс-Генеральный Секретарь Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), почетный директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов

Леви Руджеро (Бразилия), Ph.D., тренинг-аналитик Психоаналитического общества Порто-Алегре (SPPA), член Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), глава комитета по координации рабочих групп Международной психоаналитической ассоциации

Капсамбелис Василис (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), директор Парижского центра психоанализа и психотерапии имени Э. и Ж. Кестембергов, экс-генеральный директор Ассоциации психического здоровья 13 округа Парижа (AMS 13)

Майн Н.В. (Россия), канд. психол. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Канестри Хорхе (Италия), Ph.D., профессор, обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации, экс-президент Итальянской психоаналитической ассоциации, экс-президент Европейской психоаналитической федерации (EPF)

Коротецкая А.И. (Россия), член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Миназье Николь (Бельгия), Ph.D., титулярный член Бельгийского психоаналитического общества, экс-Президент Бельгийского психоаналитического общества

Потапова В.А. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), экс-Президент Московского Общества психоаналитиков (МОП)

Рибас Дени (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), экс-президент Парижского психоаналитического общества, экс-главный редактор «Журнала французского психоанализа» (Revue française de psychanalyse)

Ришар Франсуа (Франция), Ph.D., профессор Университета Париж-VII имени Дени Дидро, директор Центра исследований психопатологии и психоанализа Университета Париж-VII имени Дени Дидро, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Романов И.Ю. (Украина), обучающий психоаналитик Украинского психоаналитического общества, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Россохин А.В. (Россия), д. психол. наук, проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Руссийон Рене (Франция), Ph.D., профессор клинической психологии и директор департамента клинической психологии Университета Люмьер Лион 2, экс-президент Лионской группы психоанализа, титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP)

Станкевич Т.Л. (Россия), Ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Фусу Л.И. (Россия), канд. мед. наук, член Парижского психоаналитического общества (SPP), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), член Международной ассоциации психоаналитической психосоматики им. Пьера Марти (IPSO, Paris)

Шафер Жаклин (Франция), Ph.D., титулярный член Парижского психоаналитического общества, лауреат психоаналитической премии им. Мориса Буве (1987)

Чибис В.О. (Россия), Канд. мед. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Чивитарезе Джузеппе (Италия), Ph.D., обучающий аналитик и супервизор Итальянской психоаналитической ассоциации (SPI), член Международной психоаналитической ассоциации (IPA)

Эриль Ален (Франция), Ph.D., член Французской ассоциации психотерапевтов и Парижской ассоциации психоаналитического обучения и фрейдовских исследований «Espace analytique», профессор Université Paris XII, La Sorbonne (Paris III)

**«Журнал клинического
и прикладного
психоанализа
(Journal of Clinical
and Applied
Psychoanalysis)»
Национального
исследовательского
университета
«Высшая школа
экономики»
Том II. № 2. 2021.**

Электронный журнал
<https://psychoanalysis-journal.hse.ru>

ISSN: 2687-1475

**Журнал выходит
четыре раза в год
(поквартально).**

Учредитель и издатель:

- **Национальный
исследовательский
университет
«Высшая школа экономики»**
- **А.В. Россохин**

Издается с 2020 года

Редакционная коллегия

Прикладной психоанализ:

Анжелло Елизабет (Франция), Ph.D., профессор менеджмента международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD) во Франции, Сингапуре и Дубае, директор-основатель Института Кетса де Вриса (KDVT), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Евдокименко А.С. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, эксперт Oxford Russia Fund

Кетс де Врис Манфред (Франция), Ph.D., профессор международной бизнес-школы ИНСЕАД (INSEAD), основатель и экс-директор Центра глобального лидерства ИНСЕАД. Психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант. Член Международной психоаналитической ассоциации (ИПА). Экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO).

Кранц Джеймс (США), Ph.D., профессор Йельского университета (Yale University). Управляющий директор консалтинговой компании Worklab (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Кречмер Томас (Германия), Ph.D., основатель и директор Института психики (Mind Institute SE), член Международного общества психоаналитического исследования организаций, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Лейкина А.С. (Россия), канд. филолог. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Лонг Сьюзан (Австралия), Ph.D., профессор менеджмента Университета RMIT в Мельбурне, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Мамедов Шираз (Россия), Ph.D., профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Медведев В.А. (Россия, Эстония), канд. философ. наук, действительный член и глава российского отделения Международного общества прикладного психоанализа (ISAP), руководитель международного исследовательского проекта «RUSSIAN IMAGO». Директор образовательных программ Санкт-Петербургского психологического центра

Мерски Роуз (США, Германия), Ph.D., экс-Президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Морган-Джонс Ричард (Великобритания), Ph.D., член Британского психоаналитического Совета, член Совета Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), международный почетный попечитель Фонда Лоуренса Гордона, действующий супервизор и тренинг-терапевт общества British Psychotherapy Foundation, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рафаелли Дерек (Великобритания), Ph.D., член-корреспондент Британского Психологического Общества, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), член Британского психоаналитического Совета, член Совета Waiswater Institute, организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Рингер Мартин (Новая Зеландия), Ph.D., профессор Edith Cowan University, член Международной Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант, психоаналитический психотерапевт

Россохин А.В. (Россия), д. психол. н., проф., рук. магистерских программ «Психоаналитическая психотерапия» и «Психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, титулярный член Парижского психоаналитического общества, почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования

Сиверс Бурхард (Германия), Ph.D., почетный профессор по Организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера, экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Стрижова Е.А. (Россия), канд. психол. наук, доцент кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Таккер Саймон (Великобритания), Ph.D., проф., программы по орг. консультированию и стратегическому лидерству в Клинике Тависток, экс-исполнительный директор OPUS (Organisation for Promoting Understanding of Society and organisations within society), организатор и ведущий рабочих конференций по групповым отношениям в организациях, психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Уорд Грэм (Великобритания), директор программ в Глобальном Центре лидерства INSEAD, член Американской Психологической Ассоциации (АПА), член Международного Общества Психоаналитического Исследования Организаций (ISPSO) и Международной Организации Клинического Коучинга (ICCO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шенкман А.И. (Россия), Доктор эконом. наук, профессор кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ

Хиршорн Ларри (США), Ph.D., профессор Fielding Graduate University (Саппа Барбара, Калифорния), University of Pennsylvania и Wharton School. Основатель и партнер консалтинговой компании CFAR (Нью-Йорк), экс-Президент и почетный член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), психодинамический Executive коуч и бизнес-консультант

Шаповалова Е.В. (Россия), ст. преп. кафедры психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, управляющий партнер консалтинговой компании Subcon Business Solution, член Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO), член Совета Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК)

**Журнал клинического
и прикладного психоанализа
Том II
№ 2.2021**

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

- Бернар Пено**
Психоаналитический акт или действия психоаналитика
на службе у процесса субъективации 6

КЛАССИЧЕСКИЕ СЛУЧАИ ПСИХОАНАЛИЗА

- Россохин А.В.**
Эдипова и/или архаическая первосцена.
«Человек-Волк» – новое прочтение (часть 2) 22

КЛЯЙНИАНСКАЯ ШКОЛА ПСИХОАНАЛИЗА

- Энн Эмос**
Идентификация и патологическая идентификация:
влияние на развитие идентичности 41

- Романов И.Ю.**
«Я – не Я»: отождествление, разотождествление и собирание себя.
Заметки на полях статьи Энн Эмос 57

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МАТТЕ-БЛАНКО

- Олесова Е.В.**
Модель психического пространства Матте-Бланко – взгляд
с позиции когнитивных вариаций на внутренний мир
клиента и взаимодействие психоаналитической пары 66

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Субботина Л.Н.**
Психоаналитический подход к пониманию феномена трансгендерности 85
- Цанав О.В.**
Динамика развития ипохондрического расстройства
в картине патологического нарциссизма у главного
героя повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» 98

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛАССИКИ ПРИКЛАДНОГО ПСИХОАНАЛИЗА

- Буркард Сиверс**
Психотическая организация: социоаналитическая перспектива 109
- Джеймс Кранц**
Анализ организационной культуры и рефлексивное пространство 131

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Смирнов Д.В., Федин В.В., Кияткина А.Д., Стрижова Е.А., Евдокименко А.С.**
Роль личностных деструкторов в оценке надежности
персонала производственных организаций 151

КЛИНИЧЕСКИЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛЮЧЕВЫЕ СТАТЬИ ФРАНЦУЗСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Психоаналитический акт, или Действия психоаналитика на службе у процесса субъективации

Б. Пено

(Пер. с фр.: О. В. Чекунова)

Пено Бернар – психиатр, тренинг-аналитик, титулярный член Парижского психоаналитического общества (1992), медицинский директор дневного стационара для подростков Серен Монсури (14-й округ Парижа) с 1988-го по 2004 год.

Признание активной роли психоаналитика в процессе лечения является необходимым условием для определения специфики психоаналитического акта, то есть того, что отличает психоанализ от других психотерапевтических подходов. В первую очередь важно учитывать, какие характерные черты, присущие психоаналитику, создают особые условия для начала анализа, когда аналитик предлагает себя как объект для переноса. Затем в процессе лечения он должен лавировать между, с одной стороны, необходимостью воспринимать, принимать и выносить перенос без предубеждения, с другой – должен в определенный момент быть способным интерпретировать перенос («опровергать»), для того чтобы сделать его субъективирующим и доступным для понимания пациента.

Ключевые слова: интерпретация, субъект, предположительно знающий, желание аналитика, перенос и контрперенос, аналитический процесс, субъективация.

Сегодня в гораздо большей степени, чем раньше, психоаналитики должны работать над тем, чтобы дать лучшее определение психоаналитическому акту. Это нужно для того, чтобы более точно объяснить специфику действий психоаналитика, отличающих психоанализ от других многочисленных психотерапевтических практик. Для этого необходимо также, чтобы психоаналитики начали признавать свое активное участие в процессе лечения, которое они осуществляют.

Следует отметить, что в течение долгого времени среди психоаналитиков существовала тенденция избегать того, чтобы признать значение, которым обладают действия психоаналитика, как если бы им было сложно взять на себя ответственность за свое активное участие.

Тем не менее на Конгрессе франкофонных психоаналитиков на тему «Психические изменения», который проходил в мае 2002 года в Брюсселе, я обрадовался и удивился, увидев, что мои уважаемые бельгийские коллеги без раздумий вынесли на первый план значимость активности психоаналитика в его работе (*Godfrind-Haber, 2002*). В первую очередь речь, конечно, идет о словах психоаналитика, о выборе, который он совершает между интерпретациями и молчанием. Кроме того, сюда входят в большей или меньшей степени проявленные поведенческие агирования и даже ошибочные действия. Такие агирования со стороны аналитика ни в коем случае не должны быть оставлены им без внимания. Аналитик не должен лишать себя возможности рассматривать свои агирования как ценные знаки, указывающие на процессы, которые могут проигрываться в переносе при работе с тем или иным сложным пациентом.

Ранее Жак Лакан уже предпринимал попытки концептуализировать это измерение – действий аналитика в его психоаналитической практике. В историческом контексте студенческих волнений в мае 1968 года (с тех пор прошло более полувека!) он выбрал для своего семинара этого года название «Психоаналитический акт». В первую очередь он также отталкивался от идеи о присутствии в работе психоаналитика такого измерения, как действие, что всегда и повсеместно не признавалось. «Его истинность [действия] остается завуалированной», – отмечает он. Он даже считает себя первым, кто открыто заговорил об этом.

И действительно, внутри психоаналитического движения знаменитая доброжелательная нейтральность скрыла под собой активное включение аналитика в процесс лечения, которое он осуществляет. Следует отметить, что сам Фрейд никогда нигде не говорил о нейтральности аналитика, он говорил только лишь о сдержанности и осторожности. Тем не менее в 1930-е годы он не принял интерактивные концепции Ференци, в которых, несмотря на это, черпает сейчас вдохновение влиятельное англосаксонское интересубъективное направление психоанализа.

Необходимо отметить, что большинство психоаналитиков XX века скорее имеют тенденцию избегать вопроса об их активном участии в терапевтическом процессе, как если бы они испытывали сложности этического порядка, признавая этот факт. Тем не менее превалирует мнение, что Фрейд во время аналитических сеансов в полной мере обеспечивал качество психоаналитического акта. Можно также отметить активную

тональность в его статьях, написанных между 1910 и 1918 годами и собранных воедино под названием «Заметки о психоаналитической технике», где Фрейд обозначает общий план практических действий, которые, по его мнению, должен осуществлять тот, кого он продолжает называть *врачом*.

В «Заметках о любви в переносе» (1914) Фрейд акцентирует внимание на том, что психоаналитику необходимо *использовать любовь в переносе*. Он рекомендует врачу-аналитику не только выдерживать любовный перенос со стороны пациентов (пациенток), но и использовать его во благо аналитической работы, конечно, ни в коем случае не отвечая на него. Интересно увидеть, какими словами Фрейд описывает эти процессы: «Требовать подавления влечения отказом от удовлетворения и сублимирования, когда пациентка созналась в своем любовном переносе, значило бы поступить не аналитически, а бессмысленно. Это было бы то же самое, как если бы специальными заклинаниями старались вызвать из преисподней духа, а затем, ни о чем его не спросив, отправили бы обратно. Ведь в таком случае довели бы вытесненное до сознания только для того, чтобы, испугавшись, снова его вытеснить» (Фрейд, 1914, с. 204).

Как бы то ни было, такое снисходительное отношение со стороны врача очевидно выглядит как нарушение правил, описанных Гиппократом, которые, как мы знаем, запрещают любые любовные связи врача со своим пациентом (пациенткой). Фрейд в данном случае защищает психоаналитическую этику и обозначает значимые границы между психоанализом и традиционной медицинской моралью, через это разделение он стремится к тому, чтобы еще точнее определить особенности психоаналитической практики, которые включают в том числе и использование любовного переноса и отказ от его подавления, равно как и отказ от совместного отреагирования.

Начиная с 1910 года в процессе концептуализации первой метапсихологии Фрейд также работал над определением психоаналитического акта, куда входили не только правила, регулирующие поведение терапевта, подобные правилам Гиппократа, но и характерные черты, отличающие психоанализ от других методов и практик, где объектом также выступала личность человека: воспитание, обучение, управление. Мы знаем, что Фрейд любил сравнивать профессию психоаналитика с другими профессиями, имеющими дело с субъективностью человека, которые он также называл *«невыносимыми»*. Таким образом, действия психоаналитика отличаются и от действий *воспитателя*, имеющего дело с нормами и моралью, и от действий *преподавателя*, который в основном передает уже существующие знания, и от действий *руководителя*, который отдает приказания.

Что касается активной стороны психоаналитической практики, Фрейд высказал свою позицию по этому вопросу в своем докладе, представленном на V Международном психоаналитическом конгрессе, который проходил в Будапеште в 1918 году после окончания войны. Казалось, что в это время психоаналитическая практика может возродиться в Европе, поэтому была выбрана актуальная тема «Пути психоаналитической терапии».

Фрейд ясно выразил свою поддержку идеям Ференци, который уже в то время делал акцент на *активности психоаналитика* и, более того, заявлял, что «*пассивное ожидание*» часто оказывается контрпродуктивным при работе с невротическими пациентами.

Но давайте сейчас вернемся к идеям, которых придерживался Лакан в 1968 году и которые он развивал на своем семинаре «Психоаналитический акт». В первую очередь он заявляет, что суть психоаналитического акта – «*произвести в чем-то коренной переворот*». В этом можно было бы, конечно, увидеть несколько оппортунистский способ Лакана переместить аналитическую практику в «хорошую сторону» протестных настроений, которые преобладали в этом году, особенно в среде молодежи. Но Лакан предлагает следующую идею: студенческие протесты, говорит он, пытаются «*выявить*» то, что было «*спрятано внутри университетских стен*». Он считает, что протестные движения мая 1968 года в первую очередь стремились выявить различные пагубные последствия научно-технического прогресса, ущерб, нанесенный экономической и социальной жизни, особенно все более и более сильная капиталистическая эксплуатация, которую можно было бы назвать десубъективирующей. Университеты, отмечает он, долгое время молчаливо потворствовали и обеспечивали прикрытие для этих процессов. Можно сказать, что настоящее *общество отрицания* официально поддерживалось вокруг пагубных эффектов достижений научно-технического прогресса. Подобное утаивание правды привело, по мнению Лакана, к тому, что тайное стало явным через *возвращение в реальное* баррикад и мостовых...

Интересно было бы отметить, что, обозначая таким образом нечто скрытое, которое неожиданно возвращается в конкретную реальность, Лакан обращается к словам, которые использовал Фрейд, описывая феномен переноса в психоаналитическом лечении (Фрейд, 1912). В первую очередь Фрейд говорит о переносе как о внезапном появлении в актуальной реальности сеанса какой-то неловкости, которая создает помехи для аналитической работы, поскольку пациент испытывает по отношению к аналитику чувства, которые приводят его в замешательство. Таким образом, с самого начала этот воображаемый феномен рассматривался как сопротивление, поскольку он становился препятствием для свободных ассоциаций пациента, более того, он мог даже прервать поток ассоциаций, создавая эффект ослепления.

Но более внимательно рассмотрев этот феномен, нарушающий равновесие, Фрейд очень быстро пришел к осознанию того, что на самом деле перенос является носителем важнейшей ключевой информации, перенесенной и смещенной из прошлого в настоящее терапевтических отношений, таким образом, исследование переноса может открыть доступ к драгоценной правде из личной истории пациента, которая была ему неизвестна. Фрейд заканчивает свою статью, посвященную переносу, следующими словами: «Нельзя отрицать, что преодоление феноменов переноса доставляет психоаналитику наибольшие трудности, но нельзя забывать, что именно они оказывают нам неоценимую услугу, делая скрытые и забытые любовные побуждения больного непосредственными и явными,

ибо, в конце концов, никого нельзя убить *in absentia* ("в отсутствие", лат.) или *in effigie* ("в воображении", лат.)» (Фрейд, 1912).

Таким образом, благодаря тому что перенос осознается и учитывается, аналитик может, по выражению Лакана, «*вцепиться в реальное*» сырого опыта пациента, что сделает возможным процесс его *субъективации*. В целом, если, согласно Лакану, психоаналитический акт обладает способностями «произвести в чем-то коренной переворот», это возможно лишь при условии, если аналитик знает, как использовать перенос, улавливать скрытый смысл, который он в себе несет, брать его в расчет и работать с ним.

Революционная позиция психоаналитика

Давайте сначала попробуем определить, какие именно составляющие позиции аналитика позволяют ему извлекать пользу из переноса, феномена, нарушающего равновесие процесса, и использовать его во благо пациента. Рассматривая историю научного прогресса, было бы интересно отметить, что особая субъективная позиция исследователя, которая может воодушевлять его в процессе работы, как правило, «забывается» по мере того, как полученные данные официально признаются в научном сообществе. Тем не менее мы видим, что современная физика все больше и больше берет в расчет воздействие *позиции наблюдателя* на наблюдаемые процессы, можно сказать, речь идет о совместном участии наблюдателя и наблюдаемого в возможных открытиях. С еще большим основанием такое отношение должно распространяться на гуманитарные науки (и, конечно, на психоаналитические наблюдения), чье развитие очень сильно зависит от субъективной позиции тех, кто продвигает науку вперед.

Можно сказать, что в своей работе Фрейд опирался на научную базу, выдвигая в качестве объекта то, что он описывал, используя выражение «жизнь души» (*Seelenleben*), отдавая дань философской традиции, не подразумевая, впрочем, при этом ничего сверхъестественного. В первую очередь речь идет о клиническом наблюдении всех движений и изменений этой «жизни души», благодаря которым можно понять условия (или предварительные условия) и законы, необходимые для развития нормального психического функционирования.

В результате этих исследований появился практический кадр «кресло-кушетка», который оказывает благоприятное воздействие на некоторые субъективные составляющие позиции аналитика, такие, например, как «свободно плавающее внимание».

И если принимать во внимание, что мы обычно обнаруживаем именно то, что ищем, особенно важно как можно лучше изучить субъективные составляющие (или правила), которые лежат в основе действий аналитика (Канестри, 2004). Это соотносится с тем, что Лакан называл «желанием аналитика», то есть качество его желания анализировать, то, что его мотивирует в процессе исследования, то, что он ожидает от анализа и какую пользу он рассчитывает из него извлечь.

Очевидно, что ожиданиям психоаналитика, согласно Лакану, предшествует феномен, который Фрейд обозначил как «контрперенос», а именно то, что аналитик почувствует в ответ на способ инвестировать его, который присущ тому или иному пациенту. Субъективные особенности аналитика, качество его желания проводить анализ представляют собой скорее отправную точку, предложение, которое он делает пациенту (более или менее сознательно) его инвестировать. Это предложение в начале каждого аналитического случая обеспечивает условия, благодаря которым пациент может (или нет) успешно развивать перенос, через который проявляется материал из бессознательного.

Таким образом, развитие переноса, качество, позитивное или негативное, которое он примет, в большей степени зависят от способности аналитика принимать пациента и создавать благоприятные условия для начала работы. Эти факторы, определяющие субъективные составляющие позиции аналитика в начале терапии, во многом похожи на то, что происходит с младенцем после рождения: его родители ждут его, их отношение будет для ребенка одним из важнейших условий, влияющих на его способность стать субъектом. Отношение родителей, их поведение, способность с предвосхищением видеть в своем ребенке уже сформировавшегося субъекта создают базовые условия, разумеется, наряду с хорошей врожденной конституцией и физическим состоянием младенца, для его развития в качестве субъекта (Penot, 2001). Эта взаимосвязь уже давно доказана благодаря наблюдениям специалистов, которые изучали поведение детей, воспитанных в природе дикими зверями. Было замечено, что психическая жизнь этих детей оказалась крайне ограниченной.

Давайте зададим себе сейчас вопрос о том, какие составляющие могут лежать в основе «желания анализировать». Мне кажется, что кроме личных особенностей каждого аналитика сюда входят минимум три предпосылки, каждая из которых обладает своими собственными чертами и оказывает влияние на психоаналитическое приключение.

1) В первую очередь в начале каждого нового случая психоаналитического лечения есть ключевая цель – получить больше нового знания (Лакан говорит об этом, используя слова «больше ценности»). Это относится не только к пациенту. Поиск еще большего знания является также дополнительной выгодой аналитика, которая питает его усилия и, более того, позволяет ему выносить перенос. Мне кажется, на базе материалов, представленных аналитиками, защищающими свои клинические случаи, можно констатировать следующий факт: лечение будет по-настоящему успешным в том случае, если не только пациент, но и аналитик узнает и достигнет в процессе анализа чего-то нового, например прогресса в своем личном анализе, который, как мы знаем, является бесконечным у тех, кто выбрал психоанализ своей профессией...

2) Это ожидание получить больше знаний по факту предполагает, что аналитик рассматривает любое знание как недостаточное. Позиция аналитика представляет собой позицию настоящего исследователя, который в обязательном порядке считает, что любое полученное до этого знание является неполным, более того, он видит структурные недостатки в любой

сформировавшейся системе знаний. Таким образом, обязательным условием истинного психоаналитического подхода является освобождение от *догматизма* в виде представлений о своем всемогущем знании и тем более от *консерватизма* и фундаментализма. Очевидно, что психоаналитическое исследование только при соблюдении этих условий может претендовать на принадлежность к научному знанию.

3) Из этого следует, что динамика процесса лечения не может поддерживаться и развиваться за счет *объяснений*, которые может давать аналитик на основании *уже имеющихся* у него знаний. Напротив, динамика будет скорее зависеть от способности аналитика сохранять и поддерживать свое *желание проводить анализ*, иными словами, от поиска неизвестного знания аналитика о пациенте, о нем самом и о мире вокруг... Этим, возможно, объясняется удивительный успех, который мы часто можем наблюдать в работе начинающих аналитиков...

Поддержание динамики процесса

Но после того как процесс каждого отдельно взятого аналитического случая начал разворачиваться, аналитик не должен способствовать развитию трансформирующей динамики (революционной), за исключением способности сохранять в дальнейшем свою продолжающую оставаться двойственной позицию.

А) Действительно, тот факт, что аналитик предоставляет себя пациенту как субъекта, предположительно знающего (конечно же, не считая себя при этом таковым!), является механизмом, запускающим начало процесса. Благодаря своей позиции «Большого Другого, который хранит молчание», аналитик в самом начале способствует развитию переноса, который является необходимым условием для работы, давая при этом возможность пациенту «выбирать» подходящую для него форму, которую примет перенос: позитивный, негативный, агрессивный, эротический, зависимый, регрессивный и т. д.

Б) Но когда перенос устанавливается, какими бы при этом характеристиками он ни обладал, у психоаналитика появляется задача его постепенно раскрывать и анализировать таким образом, чтобы он стал заметным и доступным для понимания пациента. Интерпретативная речь аналитика обладает функцией прояснения, то есть речь идет о том, чтобы в большей или меньшей степени «разоблачить недоразумение переноса», который Фрейд (1912) вначале рассматривал как анахроническую «ложную связь», однако в дальнейшем перенос стал рассматриваться как обладающий особой ценностью знак, из которого аналитик должен извлекать пользу.

Можно ли в этом контексте сказать, что активность психоаналитика базируется на шатком фундаменте, необходимом для поддержания динамики процесса лечения? Фрейд (1906) дал прекрасную иллюстрацию подобного процесса в комментарии к пьесе Вильгельма Йенсена «Градива», который позволяет увидеть, что определенное нарушение равновесия (дестабилизация на уровне тела) оказывает положительное воздействие на

появление способности для движения вперед. Отсюда проистекает искусство нашей невозможной профессии, суть которой состоит в том, чтобы извлекать выгоду из неустойчивого положения, обеспечивающего динамику процесса.

Лакан был, несомненно, прав, утверждая, что психоаналитический акт в первую очередь включает способность аналитика «выдерживать перенос». Речь идет не только о том, чтобы испытывать на себе воздействие переноса, принимать его на себя или его выносить, но и о том, чтобы создавать благоприятные условия для развития переноса, следуя рекомендациям Фрейда, изложенным в статье «Любовь в переносе» (1914).

Действительно, первичная задача психоаналитика состоит в том, чтобы хорошо встречать и принимать перенос, который формирует каждый из пациентов, даже если речь идет о «негативном», враждебном переносе. Таким образом, аналитик, обладающий знаниями и опытом, необходимыми для понимания того, что может включать перенос, предлагает себя в качестве объекта для переноса пациента и использует этот материал для анализа. Очевидно, что, предлагая себя как «субъекта, предположительно знающего», в самом начале аналитик не знает, объект какого бессознательного наслаждения он станет воплощать для пациента. Может ли аналитик претендовать на обладание знаниями, которыми пациент еще не поделился? Таким образом, опыт переноса, в котором постепенно раскрывается информация, является компасом, который указывает психоаналитику направление в процессе психоаналитического путешествия...

Интерпретация психоаналитика как «опровержение»

В дальнейшем (семинар от 18 июня 1968 года) Лакан говорит о том, что «через свои действия аналитик реализует функцию предъявлять в процессе лечения опровержение».

Первичные действия аналитика, которые состоят в том, чтобы выносить перенос, на самом деле стремятся к тому, чтобы установить молчаливый сговор. Принятие того, что вновь актуализируется в переносе, не несет в себе никакого опровержения. В процессе лечения скорее проявляется симптом – носитель того, что будет в дальнейшем проанализировано, то, что Фрейд обозначил как «невроз переноса». Так называемый перенос, как мы уже сказали, вначале появляется как сопротивление, на первый взгляд похожее на непонятное затвердевание симптоматической массы, перенос вначале не является шифром, необходимым для разгадывания тайн. Эти тайны прояснятся в дальнейшем в процессе интерпретативной работы, по мере того как процесс проговаривания и надления смыслом станет доступным для понимания пациента. Именно вербальное распознавание и принятие сговора между пациентом и аналитиком в нужное время сделают возможным «опровержение», поскольку глагол «опровергать» буквально обозначает «освобождение от обмана». Опровержение, которое несет в себе интерпретация психоаналитика, проявляется только во втором этапе аналитического акта, когда аналитик

проясняет и прорабатывает перенос-симптом и поддерживаемый до этого времени молчаливый сговор.

Лакан говорит, что в данном случае речь идет о том, чтобы «проиграть что-то, что ваши действия будут опровергать». Он уточняет: это должно включать в себя «превращение какой-то части наслаждения в слова». Действительно, интерпретация переноса состоит в том, чтобы помочь пациенту отказаться от первичного наслаждения, присущего симптому, способствовать переходу от отреагирования в виде компульсивного повторения к получению выгоды от понимания. Это работа, которая требует от пациента отказа от прямого удовлетворения (мазохистического) ради того, чтобы получить доступ к преимуществам, полученным благодаря лучшему пониманию одновременно и анахронизма своего переноса («ложной связи», по словам Фрейда), и ценного заряда правды относительно личной истории, происхождения, становления пациента в качестве субъекта, который несет в себе перенос.

Из этого следует, что аналитик, для того чтобы хорошо проделывать эту работу по опровержению, должен показать себя способным лавировать между двумя рифами, я бы даже сказал, найти точку равновесия между двумя пропастями, падение в каждую из которых приведет к разрушению аналитического процесса.

1) Если интерпретировать (на самом деле опровергать) слишком быстро, без того чтобы принимать и выносить достаточное количество времени перенос, это может восприниматься пациентом как его неприятие (я не тот, кем вы меня считаете!), то есть отказ со стороны аналитика принимать то хорошее, что несет в себе перенос, направленный на него. Это приводит к тому, что пациент начинает рассматривать свое инвестирование аналитика через перенос как неуместное, не способствующее его личной проработке... и пациент поворачивается спиной к своему анализу.

2) И, напротив, если не интерпретировать перенос и продолжать его нести на своих плечах под предлогом того, что он приносит психотерапевтическую пользу, такой подход будет бесконечно поддерживать мистификацию процесса для пациента. Потворствующая пассивность аналитика приводит к тому, что перенос (и субъект, предположительно знающий) начинает ощущаться как принадлежащий к регистру реальности, и между аналитиком и пациентом продолжает поддерживаться сообщество отрицания. Винникотт (1962) сформулировал свое видение необходимости давать интерпретации: «Если я не делаю никаких интерпретаций, пациенту кажется, что я понимаю все».

Различные источники приводят нас к мысли о том, что, к сожалению, особая практика Лакана и его способ вести терапию не всегда содействовали достижению конечной цели – демистификации психоаналитического акта.

В императиве, провозглашенном Лаканом в 1953 году в Риме, содержались рекомендации принимать во внимание только лишь означающие пациента, что привело к тому, что он с этого момента начал воздерживаться от любых объяснений и прояснений переноса и от любых конструкций, предлагаемых пациенту. Отныне Лакан придерживался следующего

подхода: он «скандировал», произносил по слогам слова пациента, используя звукоподражательные слова, а также останавливал сеанс для того, чтобы таким образом оказывать воздействие на смысловые разрывы.

Нежелательные последствия подобной практики состояли в том, что перенос на аналитика в этом случае никогда не может быть интерпретирован как «опровержение», он лишь используется для того, чтобы в конечном итоге сделать пациента приверженцем своей школы... Действия психоаналитика не ограничиваются только лишь тем, что он выдерживает перенос, аналитик должен помочь пациенту получить новые знания о себе, способствовать субъективации, которая обеспечит ему ощущение более наполненного существования.

Именно благодаря этому психоаналитический процесс можно назвать действиями по демистификации, в данном аспекте психоаналитический подход приближен к научному, как этого и желал Фрейд. Мы можем лишь сожалеть о том, что эвристический подход Лакана заменился в итоге практикой, которая избегала истинного объяснения переноса и, следовательно, присваивания этого знания пациенту, субъективации опыта.

И все же не следует умалять заслуги Лакана, который ввел понятие субъективации, которая является истинной целью, направляющей действия психоаналитика.

Субъективация – комплексный природный объект

Термин «субъективация» появился в виде неологизма, придуманного сюрреалистами, в период между Первой и Второй мировыми войнами. Первым этот термин употребил Андре Бретон в своей автобиографической книге «Надя» (1928). Лакан, который часто бывал в кругу сюрреалистов в 1930-е годы, был первым психоаналитиком, использовавшим это слово в своих послевоенных «Психоаналитических сочинениях». Сначала термин появился в тексте «Агрессивность в психоанализе», представленном в 1948 году на X Конгрессе франкоязычных психоаналитиков в Брюсселе (CPLF), где он говорил о том, как «субъективировать свою смерть». Затем он затрагивает тему драмы, которой для каждого человека является «субъективация своего пола» и т. д. Таким образом, Лакан привносит в теоретическое психоаналитическое поле идею о субъективации как активном процессе.

Однако в дальнейшем мы увидим, как начиная с середины 1960-х годов Лакан отворачивается от этого понятия. Он даже начнет с подозрением относиться к «субъективизму», предпочитая отныне более «объективные» подходы к субъекту (более «научные»), такие как структурная антропология или структурная лингвистика. Но это не стало препятствием для того, чтобы в настоящее время идея о субъективации превратилась в основную цель действий психоаналитика. Следует также отметить, что, по существу, понятие «субъективация» является крайне сложным – это объект «летучая мышь», подобную метафору Лакан использовал, когда говорил о влечении.

Мы знаем, что Фрейд любил сравнивать свой научный подход с физикой, хотя по мере развития его идей и появления новых данных, полученных благодаря клиническому опыту, он начинал ставить под вопрос свои более ранние концепции. Он был свидетелем, на глазах у которого происходило становление квантовой физики, благодаря новому опыту появилась возможность определить знаменитые комплексные природные объекты, которые были названы так ввиду того, что нужно было использовать различные экспериментальные приборы для того, чтобы уловить их различные свойства; таким образом, единого способа теоретического осмысления и объяснения теперь было недостаточно, чтобы понять сложную природу этих явлений. Мы знаем, что свет был первым объектом, который исторически рассматривался как комплексное явление ввиду его двойной природы – волновой и корпускулярной, наблюдения за различными свойствами были возможны благодаря использованию разных приборов.

Представление о субъективации как о комплексном природном объекте, используя в качестве опоры теоретические взгляды Фрейда, позволяет лучше увидеть присущую ей сложность и многозначность. И действительно, кажется, что фрейдовское мышление всегда развивалось между по меньшей мере двумя основными опорными точками. С одной стороны, он никогда не отказывался от представлений об индивидуальном организме, психическом аппарате, выстроенном по модели иерархически организованной нервной системы, описанной Хьюлингсом Джексоном, внутри которого развиваются качества души. Как хороший нейропсихолог Фрейд выстроил на этом материалистическом фундаменте свой научный подход.

Но мы также видим, что начиная с 1895-го и до 1938 года Фрейд регулярно обращается к тому, что он называет «жизнь души» (*Sielenleben*), которая начинает развиваться через первичное взаимодействие младенца со своим родителем-партнером, от которого зависит сохранение и поддержание его жизни, в это раннее взаимодействие постепенно начинает включаться язык, не только жесты, но и слова, которые наделяют взаимодействие смыслом.

Таким образом, психоанализ развивается через напряжение между теорией и практикой, между индивидуальным-органическим-нарциссическим полюсом (американская *one body psychology*) и идеей о том, что субъективация зарождается в процессе раннего взаимодействия младенца и его родителя-протагониста.

Таким образом, мы можем говорить о невероятной многозначности психоаналитической теории. Фрейд никогда не переставал показывать сложность и комплексность своей теоретической системы, от «Толкования сновидений» (1900) до «Конструкций в анализе» (1938), особенно подчеркивая важность языковой символизации и роли родителей в формировании Сверх-Я. Очевидно, что когда Фрейд-нейрофизиолог открыл воздействие межличностных отношений на развитие ребенка, тогда он смог поверить в возможную эффективность лечения словом (*talking cure*), которое может изменить психическую экономию пациентов. То, что Фрейд

всегда использовал термин *vie d'âme* (*Seelenleben*) для определения психической жизни человека, возможно, было его способом (парадоксальным) еще больше подчеркнуть свое материалистическое убеждение в том, что психическая жизнь, объект его исследования, несмотря на свою невероятную сложность, не несет в себе ничего сверхъестественного. Он много раз высказывал свое убеждение в том, что психоаналитическое наблюдение, благодаря которому постепенно начинают выделяться правила, описывающие так называемую жизнь души, должно в конце концов занять свое место среди естественных наук.

Сложность и комплексность подхода приводят к тому, что, если сейчас кто-то называет себя фрейдистом, он должен постоянно держать в голове эти два полюса, два редуктора, два средства для проявления. Быть психоаналитиком – значит в первую очередь запретить себе *«бить на ощупь»*, другими словами, не быть на стороне невыразимого, мистического (без сомнения, в этом был основной момент расхождения с Юнгом), считая *метафизическим* (за пределами законов природы) то, что может пока ускользать от понимания.

С другой стороны, аналитик должен также отбросить то, что кажется псевдонаучным, в чистой форме материальным, как классификация, предложенная в DSM 4 или 5. Как если бы приведение многочисленных симптомов под общий знаменатель четкой классификации, сокращение их количества и при этом незнание смысла, который несет в себе симптом, могли бы помочь достичь большей научной субъективности. Мы скорее можем увидеть здесь конкретную иллюстрацию знаменитой китайской поговорки – «когда палец показывает на Луну, глупец смотрит на палец».

Действительно, можно сказать, что психоанализ родился тогда, когда Фрейд сделал открытие о том (после 1895 года), что длительный терапевтический эффект от его работы с пациентами зависит от понимания пациентами смысла их истерических симптомов, а не от усилий, направленных на «облегчение» симптомов через использование различных катартических приемов, приводящих к разрядке, но эффект при этом не является долгосрочным.

Благодаря этому открытию появляется психоаналитический метод и его основное правило – свободных ассоциаций. В этих новых условиях стало возможным лучшее понимание субъективного развития как природного объекта. Это также дает возможность увидеть, что действия по субъективации представляют собой комплексный и парадоксальный процесс. Когда мы говорим, что кто-то что-то субъективирует, это в первую очередь наводит на мысль о присваивании своего собственного опыта. Это активная сторона в процессе, который способствует усилению Я в том смысле, который подразумевался Фрейдом в работе «Отрицание» (1925): «Это то, что я хочу включить в Я», а не исключить из Я.

Но одновременно с этим движение вперед, в сторону лучшей субъективации своей жизни, предполагает и другую расстановку. По мере того как анализант в процессе сеансов двигается вперед, у него появляется способность лучше *признавать в себе субъекта, который подчиняется*,

то есть у него развивается *пассивация*. Эта способность усиливается в процессе терапии и проявляется затем на протяжении всей жизни. Если процесс субъективации состоит из присваивания своих собственных бессознательных влечений, эта работа одновременно приводит пациента к принятию того, что его определяет как субъекта, принятию того, что есть моменты, когда он занимает пассивную позицию, *подчиняется*. Исходя из этого мы видим, что субъективация развивается в процессе лечения через усиление способности пациента к лучшей *пассивации*, начиная с того, что он признает себя тем, кто подчиняется, и отдается потоку свободных ассоциаций, который приносит новые смыслы. В целом речь идет о том, чтобы стать субъектом своего собственного бессознательного дискурса, который выкристаллизовывается в каждом из нас, начиная от самого раннего опыта взаимодействия с партнерами-родителями (и их бессознательными). Это то, что Фрейд стремился показать через анализ сновидений, образование симптомов и, разумеется, перенос.

Термин *пассивация*, предложенный Грином (1980), представляет собой невероятно ценный теоретический вклад, поскольку он позволяет увидеть различия между пассивацией и простой пассивностью. Термин «*пассивация*», который обозначает активный поиск пассивного удовлетворения, позволяет лучше понять то, что происходит в переломный момент субъективирующего переворота, который Фрейд показал нам в статье «Влечения и их судьбы» (1915).

Я хотел бы здесь подчеркнуть (Penot, 2001), что именно тогда, когда Фрейд описывает время, где влечения направляются в сторону поиска удовлетворения пассивным способом, он вводит термин «субъект» (subjekt): «новый субъект», говорит он, который находится за пределами своего Я, своей личности, удовлетворяет просьбу о пассивном удовлетворении. Фрейд приходит к выводу, что эта субъективирующая пассивация (активная) описывается через выражение «сделать так, чтобы другой сделал что-то со мной» (сделать так, чтобы быть увиденным, сделать так, чтобы взяли на руки, и т. д.), таким образом, он увидел, что эта позиция соответствует тому, что он называл «женской позицией у обоих полов». Обращение к подобному субъективирующему потенциалу женского необходимо для того, чтобы лучше понять, как развивается психоанализ, используя себе во благо качества женского. Таким образом, Фрейд приходит к выводу, что возможное развитие субъективности происходит благодаря повторяющемуся опыту двойного оборота влечений: активное-пассивное и возвращение влечений к своему телу, аутоэротизм. Кроме того, под этим же углом зрения он рассматривал процессы, которые повторяются в анализе в динамике переноса-контрпереноса.

Мы видим, что, поскольку субъективация предполагает принятие позиции подчинения, она представляет собой процесс гораздо более сложный, нежели простое усиление Я. Поэтому перевод на французский язык известной фразы Фрейда *Wo Es war, soll Ich werden* вызывал в свое время жаркие споры. Первый вариант перевода – «Я должно заменить Оно» («Я» и «Оно» были переведены как существительные с определенным артиклем) – подвергся сильной критике, в особенности принимая во

внимание тот факт, что Фрейд не использовал в этом выражении существительные с артиклем *das Ich* и *das Es*. Сейчас более распространен другой перевод с немецкого: «Там, где было Оно, должно стать Я». Эта формулировка дает представление о том, что представляет собой процесс субъективации.

Конечно же, неслучайно в 1915 году в статье, посвященной влечениям, Фрейд много раз использует термин «*субъект*» (*subjekt*), при этом данный термин всего лишь три раза используется в остальных его текстах! Для того чтобы лучше понять суть новой теории влечений, Фрейд считает необходимым подчеркнуть фундаментальную мысль о том, что человеческий младенец появляется на свет в гораздо более незрелом, «недоношенном» состоянии по сравнению с другими высшими млекопитающими. Эти млекопитающие при рождении оснащены определенным набором инстинктов, что позволяет им достаточно быстро самостоятельно обеспечивать свое выживание. По сравнению с ними врожденные рефлексы младенца немногочисленны, и они достаточно быстро исчезают, как, например, карпопедальный рефлекс, за исключением инстинкта сосания.

И только в процессе взаимодействия со взрослым, который о нем заботится и от которого зависит его жизнь, младенец начинает создавать влечения, приходящие на смену инстинктам, постепенно переплетающиеся, создающие глубинную основу для всех последующих отношений.

Характеристики, данные Фрейдом человеческим влечениям, отличаются от характеристик инстинктов. В первую очередь постоянная сила, давление влечений отличает влечения от инстинктов животных, носящих прерывистый сезонный характер. С другой стороны, конечная цель влечений – получение удовлетворения, а не размножение, которое является целью инстинкта у животных. И, наконец, объект влечения, согласно Фрейду, является заменяемым, что делает возможным получение удовлетворения с помощью сублимации, – способ, свойственный лишь человеку.

На основании всего вышесказанного мне кажется важным подчеркнуть, что в течение последних десятилетий был пройден значительный путь, мы наблюдаем эволюцию взглядов относительно биологического детерминизма, в особенности генетических эффектов. Появляется понятие эпигенеза и вместе с ним идея о том, что ранний опыт является фактором, необходимым для стимуляции генов у млекопитающих.

Признание эпигенеза, как мне кажется, является настоящим кислородным баллоном для дальнейших перспектив, будущего психоаналитической практики, которая, кажется, находилась под угрозой в конце XX века из-за возрастающего влияния биологического детерминизма. Если большинство инстинктов, по крайней мере у высших млекопитающих, могут запуститься при условии их активации в раннем опыте, этот факт можно считать причиной, почему незрелый человеческий младенец практически лишен долгосрочного оснащения инстинктами. Значение раннего взаимодействия отныне рассматривается как основа субъективного развития.

В заключение статьи, посвященной психоаналитическому акту, я хотел бы – с риском показаться парадоксальным – еще раз подчеркнуть важность пассивной составляющей в действиях психоаналитика. Хочу еще раз подчеркнуть, что пассивация должна быть базовой характеристикой психоаналитика, способностью, которой он обладает до того, как он будет способствовать появлению этой способности у пациента. Мы видим, что по мере развития процесса субъективации у пациента он все больше зависит от способности аналитика быть восприимчивым для переноса, выносить его. Это значит, что пассивация и способность подчиняться должны в первую очередь присутствовать у аналитика.

Интересно наблюдать, как Фрейд достаточно явно рассматривает подобный взаимный процесс. Он, без сомнений, говорит, что и сам аналитик должен «отдаться» процессу во время сеанса (*Freud, 1922, p. 187*) и не ограничиваться лишь предписаниями (в одностороннем порядке) пациенту останавливаться лишь только на его собственных суждениях.

Не будем также забывать о том, что и один, и другой, аналитик и пациент, должны принять кадр аналитического лечения и подчиниться ему, это один из аргументов против аналитической практики с нефиксированной продолжительностью сеансов, поскольку здесь решение об окончании сеанса принадлежит аналитику. Таким образом, обозначая опыт пассивации и взаимного воздействия как определяющий для прогресса субъективации, я завершаю мою статью, цель которой – способствовать лучшему пониманию специфики действий психоаналитика или психоаналитического акта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Canestri G.* (2004) Le processus psychanalytique, in *Revue Française de Psychanalyse*, N°5 (spécial congrès), 2004. PUF, Paris, p. 1495.
2. *Freud S.* (1906) Le délire et les rêves dans la *Gradiva* de Jensen, O. Compl., vol. VIII.
3. *Freud S.* (1912) Sur la dynamique du transfert, O. Compl., vol. XI, p. 105–116.
4. *Freud S.* (1914) Remarques sur l’amour de transfert, O. Compl., vol. XII, p. 197.
5. *Freud S.* (1915) Pulsions et destins, *Œuvres complètes*, PUF, vol. XIII, p. 172.
6. *Freud S.* (1918) Les voies de la thérapie psychanalytique, O. Compl., vol. XV, p. 97.
7. *Freud S.* (1922) *Psychanalyse et théorie de la libido*, O. Compl., vol. XVI, p. 187.
8. *Freud S.* (1924) Les résistances contre la psychanalyse, O. Compl., vol. XVII, p. 123.
9. *Freud S.* (1925) La Négation, *Œuvres Complètes*, PUF, vol. XVII, p. 165.
10. *Freud S.* (1932) Décomposition de la personnalité psych., O. Compl., vol. XIX, p. 163.
11. *Freud S.* (1937) Constructions dans l’analyse, *Œuvres Complètes*, vol. XX, p. 57.

12. *Godfrind J. et Haber M.* (2002) L'expérience agie partagée, in *Revue Française de Psychanalyse*, N°5 (spécial congrès), 2002, PUF, Paris, p. 1417.
13. *Green A.* (1980) Passions et destins des passions, in *Nouvelle Revue de Psychanalyse*, N°21, repris dans *La folie privée*, édit. Gallimard, p. 186.
14. *Lacan J.* L'acte psychanalytique, séminaire de Juin 1968 (inédit).
15. *Lacan J.* (1969–1970) L'envers de la psychanalyse (dit Les quatre discours I), édit. Seuil.
16. *Penot B.* (1989) Figures du déni – en deçà du négatif, édit. Dunod, réédité chez Erès, 2003.
17. *Penot B.* (2001) La passion du sujet freudien, éditions Erès, Toulouse.
18. *Petrella F.* (2004) Procéder en psychanalyse. Images, modèles et mythes du processus, in *Revue Française de Psychanalyse*, N°5, PUF, Paris, p. 1555.
19. *Winnicott D.* (1962) The aims of psychoanalytical treatment, in *The Maturationnal Processes and the Facilitating Environment*, London, Hogarth Press, p. 167.

Psychoanalytic act or psychoanalyst's actions in the service of the process of subjectivation

Bernard Penot

(Translated from French: Olga Chekunkova)

Bernard Penot, psychiatrist, training analyst, titular member of Psychoanalytical Society of Paris, medical director of the day hospital for adolescents du Parc Montsouris (14th district of Paris) from 1988 to 2004.

Acknowledging the psychoanalyst's active role in the treatment process is a prerequisite for determining the specifics of the psychoanalytic act, that is, what distinguishes psychoanalysis from other psychotherapeutic approaches. First of all, it is important to consider what characteristics inherent in the psychoanalyst create special conditions for the beginning of the analysis, when the analyst offers himself as an object for transfer.

Then, in the process of treatment, he must maneuver between, on the one hand, the need to perceive, accept and endure the transference without prejudice, on the other hand, he must at a certain moment be able to interpret the transference ("refute") in order to make it subjective and accessible for patient understanding.

Keywords: interpretation, subject, supposed to know, desire of analyst, transference and countertransference, analytical process, subjectivation.

КЛАССИЧЕСКИЕ СЛУЧАИ ПСИХОАНАЛИЗА

Эдипова и/или архаическая первосцена. «Человек-Волк» – новое прочтение (часть 2)

А.В. Россохин

Россохин Андрей Владимирович – титулярный член Парижского психоаналитического общества (SPP), доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой психоанализа и бизнес-консультирования НИУ ВШЭ, руководитель магистерских программ «Психоанализ и психоаналитическая психотерапия» и «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ, действительный член Международной психоаналитической ассоциации (IPA), президент Московской психоаналитической ассоциации (МПА), почетный президент Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АРСВС), главный редактор «Журнала клинического и прикладного психоанализа».

В статье автор предлагает новое дополняющее анализ Фрейда прочтение случая Сергея Панкеева (Человека-Волка). На основе детального анализа текста Фрейда автор выдвигает предположение о влиянии остававшегося у аналитика контрпереноса на выбор тех или иных слов в тексте, описывающих гениталии. Соответствующий выбор слова становится индикатором генитального, прегенитального или архаического уровня психической организации пациента. На конкретном материале случая Сергея Панкеева автор показал сложную реализацию фантазма о происхождении человека (первосцены), разыгрывающегося на трех уровнях – эдиповом, прездиповом и архаическом. В заключении статьи представлены предположения автора о том, как влияет на практику и технику психоаналитического процесса принятие во внимание этой многоуровневой реализации фантазма о первосцене.

Ключевые слова: психоанализ, Фрейд, Человек-Волк, первосцена, генитальная организация, прегенитальная организация, архаическая фаллическая мать, перенос, контрперенос, комплекс кастрации, эдипов комплекс.

1. Внутри архаической первосцены

Фактически только в одной описанной Фрейдом ситуации маленький Сергей ясно и недвусмысленно стремится занять место отца в эдиповой первосцене. Увидев стоящую на коленях и моющую пол Грушу, он, согласно Фрейду, тут же воспринял ее как мать в сцене коитуса. «Он поступил по отношению к девушке как отец, поступок которого он тогда мог понять как мочеиспускание. Мочеиспускание на пол у ребенка было, в сущности, попыткой к соблазну, и девушка ответила угрозой кастрации, как будто бы она его поняла» (Фрейд, 1997, с. 148).

Другие его уже более символические попытки (резание гусениц, коры дерева...) открывают, с моей точки зрения, его бессознательное стремление занять отцовскую позицию уже не в эдиповой, а в языческо-архаическо-эдиповой первосцене, которая, например, проявляется через сказочные образы отца-дровосека и матери-волка-гигантской-гусеницы. В этой переходной от архаической к эдиповой форме первосцены сохраняется отдельность главных персонажей, проявляющихся в архаико-сказочном пространстве бессознательного.

С одной стороны, «непостижимые» рассказы сестры о няне – это классические эдиповы фантазии о первосцене (няня и садовник). Но в тот момент, когда Сергей, увидев картинку с прямостоящим волком, неосознанно узнает в нем няню из эдиповой первосцены, посредством апреку в его бессознательном включается свет на дальней архаической первосцене, бывшей до этого момента практически невидимой.

Отсвет этой архаической первосцены мы, тем не менее, можем уже обнаружить и на эдиповой сцене. Описывая процесс соблазнения сестрой брата, Фрейд использовал прилагательное *unbegreifliche* применительно к историям, которые сестра рассказывала о няне, чтобы объяснить брату, зачем она достала его пенис и играет с ним: "Die Schwester hatte nach seinem Glied gegriffen, damit gespielt und dabei unbegreifliche Dinge über die Nanja wie zur Erklärung gesagt"¹ (Freud, 1918, S. 43). Его перевод на русский язык – «непонятный, непостижимый». Это прилагательное хорошо отражает невозможность понять разумом (сознанием) рассказываемые сестрой истории о няне. О них можно только фантазировать.

Однако всего через один абзац, устанавливая связь между поведением гувернантки и сестры, Фрейд использует уже другое прилагательное – *ungeheuerlichen*: "Indem sie die Kinderfrau beschimpfte und als Hexe verleumdete, trat sie bei ihm in die Fußstapfen der Schwester, die zuerst jene ungeheuerlichen Dinge von der Kinderfrau erzählt hatte..."² (Freud, 1918, S. 44).

Его перевод уже совсем другой – «вопиющий, чудовищный».

¹ «Сестра схватила его член, играла с ним и при этом рассказывала как бы в объяснение непонятные вещи про няню» (перевод автора статьи).

² «Тем, что она ругала няню и называла ее ведьмой, она пошла в его глазах по стопам сестры, которая первой рассказала ему такие вопиющие вещи про няню» (перевод автора статьи).

Интересно, что в Стандартном издании полного собрания сочинений Зигмунда Фрейда Джеймс Стрейчи из множества возможных переводов на английский немецкого *ungeheuerlichen* выбрал не самый очевидный – *monstrous* («монструозный»): "By abusing the nurse and slandering her as a witch, she was in his eyes following in the footsteps of his sister, who had first told him such monstrous stories about the nurse"³ (*Freud*, 1918, p. 21).

Произошел ли здесь определенный прорыв бессознательного из не осознаваемой Фрейдом части собственного контрпереноса? И Стрейчи, будучи очень вовлеченным в перевод этого фундаментального случая, неосознанно словил и даже усилил этот контрперенос Фрейда? Случайно ли произошло изменение прилагательного «непонятный» с его акцентом на рациональное (непонятно) на совершенно нерациональные «вопиющий», «чудовищный» у Фрейда и, еще сильнее, на «монструозный» у Стрейчи? Или это описка, обнаруживающая влияние на эдипову сцену какой-то другой остающейся в темноте сцены, ответ этой сцены, признак ее скрытого воздействия?

Эта возможная описка произошла не при рассказе про соблазнение, где фантазии сестры о няне были в самом центре описания, а при упоминании о них как бы невзначай. Во втором случае они вторичны, не играют важной роли. Возможно, именно поэтому стал возможен прорыв бессознательного из контрпереноса Фрейда и из вторичного контрпереноса Стрейчи.

Что же прорвалось? Во-первых, «чудовищные рассказы о няне» – это рассказы о няне-чудовище. Еще четче и яснее у Стрейчи – рассказы о няне-монстре.

Во-вторых, в русском языке синонимом слова «вопиющий» является «воющий» (второе место по частоте)⁴, что означает, что это еще и воющие рассказы, или рассказы о воющей няне, то есть Няне-Волке.

В-третьих, в этом же предложении Фрейд пишет о том, что сестра *первой* рассказала брату «такие вопиющие вещи про няню». Фрейд имеет в виду, что затем *второй* в этой роли выступила гувернантка, называвшая няню ведьмой. Мы видим, как здесь вновь няня, волк и ведьма встречаются на одной архаической первосцене, где они являются разными проявлениями одного главного и, как на первый взгляд кажется, единственного персонажа – Волка, прямо стоящего на задних лапах и вытянувшего вперед свои передние лапы.

Обращаясь сейчас к сцене «соблазнения» мальчиком няни и ее ответной угрозы «кастрацией», замечу, что, с моей точки зрения, это было активным вовлечением няни в игру, в которой он оставлял себе лишь пассивную роль садовника. Няня должна была проделать с ним то же самое, что и с другими, – перевернуть его кверху головой и завладеть его пенисом.

³ «Тем, что она ругала няню и называла ее ведьмой, она пошла в его глазах по стопам сестры, которая первой рассказала ему такие монструозные истории про няню» (перевод автора статьи).

⁴ См.: sinonim.org.

Чрезвычайно возбуждающая фантазия о безграничной власти няни не только над садовником, но и над всеми остальными людьми была рассказана сестрой маленькому брату в тот момент, когда она играла с его пенисом. Фрейд уточняет: эти истории рассказывались сестрой для объяснения того, что она делает с братом. Очевидно, что на этой сцене сестра наслаждалась активной ролью няни, а мальчику предлагалась пассивная роль объекта в ее руках. Мы знаем, что он не согласился с этой участью, прекратив игру с сестрой.

Фрейд указывает, что соблазнение происходило в то время, когда отца не было дома. Несмотря на то что мать была в соседней комнате, сестра спокойно и уверенно взяла пенис брата и играла с ним, не опасаясь, что мать может внезапно войти в комнату. Видимо, в то же самое время в доме находилась и няня. Сделал ли маленький мальчик для себя вывод, что сестре позволено делать такое с ним, так как она такая же женщина, как мать и няня? Что мать одобряет такие ее действия? И условием для таких игр было отсутствие отца.

Почему же тогда, отвергнув приставания сестры, он обратился за продолжением не к матери, а к няне? Лежащий на поверхности ответ заключается в силе фантазий, разыгравшихся в душе мальчика в ответ на непостижимый рассказ сестры и сконцентрированных вокруг фигуры няни. Он мог также испугаться вступить в соперничество с отцом, который вечером вернется домой.

Однако, возможно, есть еще кое-что.

Няня-ведьма (фаллическая мать) «ставит на голову» всех, включая мать и отца. Значит, она всемогуща, и он должен принадлежать именно ей, если он хочет быть в безопасности.

Тем самым он избегал эдиповой опасности, идущей от пары «отец-мать». Устраняя триангулярность, он сводил свои сексуальные фантазии до взаимоотношений с всемогущей Няней-Волком. Он мог принадлежать ей целиком, не лишаясь пениса, как это пришлось бы делать, если бы он захотел сохранить отношения с отцом.

Но только ли в поиске безопасности заключаются душевные движения мальчика? Не ищет ли он одновременно того самого сильного возбуждения, которое он испытал от рассказов сестры о няне, сопровождаемых мастурбационными манипуляциями с его пенисом, – вновь и вновь переживать первосцену, но не извне, а изнутри нее, одновременно будучи защищенным от главных тревог, связанных с ней, – страха кастрации, отвержения, одиночества, брошенности, ненужности.

Я предполагаю, что он не захотел довольствоваться заменой няни на сестру в проигрывании этих фантазий. Кроме инфантильного сексуального возбуждения от мастурбационной игры с его пенисом, осуществляемой сестрой, он был переполнен фантазиями о том, что няня делает с садовником и со всеми другими. Но ясно, что не в меньшей степени его угнетало переживание зависти ко всем этим другим, которые побывали в руках у няни, и чувство обиды на нее за то, что она делала это со всеми, кроме него. Если она так безмерно любила его и была к нему нежно привязана,

как и он к ней, то почему она не делает это с ним, а делает это со всеми остальными?

Я могу отчетливо ощутить не только возбуждение маленького мальчика, но и резко возросшую тревогу в связи с этими рассказами сестры. Из них следует, что няня не принадлежит ему целиком, что она испытывает где-то в другом месте, где его нет, наслаждение от того, что ей принадлежат другие. Значит, они с няней не одно неразрывное целое, и она может исчезнуть из его жизни так же, как и родители, уезжающие на все лето в отпуск. Он был переполнен сильным возбуждением, завистью, обидой и страхом потери, казалось бы, самого надежного объекта в его жизни – смешение хорошо нам всем известных эдиповых и преэдиповых переживаний в отношении самого главного заместителя матери.

Но только ли это мы можем обнаружить в его переживаниях?

Если внимательно вслушаться и присмотреться к сцене соблазнения, то можно обнаружить скрытую, но принципиально более важную, чем видимую, сюжетную линию. Фрейд сосредоточивается на соблазнении сестрой брата и не обращает внимания на скрытый акцент «непонятно-монструозного» рассказа сестры – **няня делает это** (ставит на голову и завладевает гениталиями) **со всеми**.

«Сестра схватила его член, играла с ним и при этом рассказывала как бы в объяснение непостижимые истории про его няню. Няня, говорила она, **делает то же самое со всеми**, например с садовником: она заставляет его принять положение вниз головой, а затем завладевает его половым органом» (Фрейд, 1996, с. 165. – выделение автора статьи).

Мы видим, что за явным эдиповым сюжетом первосцены (няня и садовник) скрыто разыгрывается другой, гораздо более первичный фантазматический спектакль. На его сцене няня *делает то же самое* со всеми. Учитывая, что для маленького мальчика то, что «делает» няня, было непонятным, непостижимым, чудовищным и монструозным, то очевидно, что добавление оборота «то же самое» не только не давало ему большего понимания, но привносило на его внутреннюю сцену еще больше таинственного и неопределенного. Так как его сестра описывала сексуальные отношения именно таким образом, как она это сделала, мы понимаем, что и для нее первосцена была ненамного менее загадочной, чем для ее маленького брата. Поэтому легко почувствовать, как много своих тайных фантазий она внесла в свои рассказы брату о том, что делает няня и почему им вдвоем нужно это повторять.

Сейчас обратим внимание на объект действий няни: она *делает то же самое со всеми*.

Так это звучит в русском переводе.

В немецком оригинале "Die Nanja tue dasselbe mit allen Leuten..." (Freud, 1918, S. 43) – «со всеми людьми». В английской версии Дж. Стрейчи этот фрагмент имеет следующий вид: "His Nanya, she said, used to do the same thing with all kinds of people..." (Freud, 1918, p. 20) – «с самыми разными людьми».

В чем тут скрытый смысл? Приводя в пример садовника, сестра сужает фантазийное пространство до эдиповой первосцены. Но это не означает, что при этом скрытый контекст исчезает. Если мы фокусируемся на этом контексте, а не на садовнике, то тогда получается, что няня делает это с «самыми разными людьми» (Стрейчи), то есть с мужчинами и женщинами, мальчиками и девочками, отцом и матерью и т. д. Очевидно, что она это делала и с сестрой, – именно поэтому сестра все это и знает.

Немецкий оригинал добавляет еще один смысл к переводу Стрейчи. Няня это делает со *всеми* людьми. В одном из фантазийных пространств – со всеми людьми *одновременно*.

Мы видим, как клинический материал стремительно расширяет внутреннюю сцену. Все это остается совершенно непонятно, непостижимо, чудовищно и монструозно для мальчика вплоть до того момента, когда спустя очень короткое время (судя по описанию Фрейда) он не встретился с волком на иллюстрации к «Красной Шапочке».

Благодаря механизму апреку он начинает «понимать» (конечно, не понимать и даже не догадываться, но «узнавать» это в своем бессознательном), что именно имела в виду его сестра, рассказывая истории о няне. Няня, оказывается, всегда была Волком, пожирающим людей. Или она стала Волком, когда волк напал на нее и сожрал ее? И теперь он (она) ждет момента, чтобы сожрать и его, как на другой картинке из этой сказки, где волк в бабушкином халате и чепчике ждет девочку, чтобы ее проглотить.

Если сестра хотела сделать с ним то же самое, что няня делает со всеми другими, то это значит, что она тоже Волк и уже была сожрана им, как в сказке «Красная Шапочка»? Проглоченная волком няня стала Няней-Волком. Затем она проглотила девочку (сестру), и его сестра также стала Волком.

Судя по рассказам сестры, няня это делает со всеми, и значит, и отец, и мать тоже волки? Как и все остальные люди вокруг?

Не кроется ли отказ Сергея Панкеева от поиска собственной идентичности в пользу бытия в качестве знаменитого пациента Фрейда, Человека-Волка, в его инфантильном желании быть проглоченым Няней-Волком и тем самым слиться с другими людьми-волками и больше не бояться жить с ними? Мог ли пациент Фрейда трансферентно побудить его проиграть эту архаико-инфантильную историю с няней в психоаналитическом процессе, чтобы уже навсегда обрести статус Человека-Волка, которого он так боялся и одновременно которым так страстно желал стать в детстве. Был ли источником этого желания его поиск нарциссического всемогущества Волка, стремление навсегда оказаться внутри архаическо-эдиповой первосцены? Или это была идентификация с агрессором-Волком?

Во всех этих фантазиях на сцене в результате остается только один прямиостоящий Волк. Мы уже не видим ни садовника, ни всех других людей, с которыми Няня-Волк делала что-то чудовищное. В русском переводе это звучит так: «...она заставляет его принять положение вниз головой, а затем завладевает его половым органом» (см. выше). В немецком оригинале:

"...sie stelle ihn auf den Kopf und greife dann nach seinen Genitalien"⁵ (*Freud*, 1918, S. 43). У Стрейчи: "...she used to stand him on his head, and then take hold of his genitals"⁶ (*Freud*, 1918, p. 20).

Ни в немецкой, ни в английской фразе нет момента сопротивления, который внесен в русский перевод. Няня никого не «заставляла», она просто «ставила садовника на голову» и все. Хотел ли садовник этого и поэтому не сопротивлялся? Или он был совершенно бессилён предотвратить происходящее? Какие еще вопросы и фантазии переполняли маленького Сергея?

Ощущал ли садовник то же самое, что и мальчик, когда его сестра, как няня, завладела его пенисом и играла с ним? Не прекратил ли Сергей эту игру из-за невыносимого возбуждения? Или из-за страха, что сестра сейчас перевернет его и поставит на голову? Если ему с сестрой было так невыносимо приятно и страшно одновременно, то что он будет переживать, если его любимая няня сделает это с ним? Но она не желает делать это с ним. Более того, няня грозит «раной» за его попытку предложить ей себя в качестве садовника или всех других людей. Должен ли он стать девочкой, чтобы Няня-Волк захотела его сожрать, как она это сделала с сестрой и как волк это сделал с Красной Шапочкой?

2. Гениталии и контрперенос

В русском переводе рассказа о соблазнении сестрой брата мы видим еще одну небольшую ошибку, которая, однако, приводит к потере важного скрытого смысла. Вместо «она завладевает его **гениталиями**» появляется «она завладевает его половым органом». Это не случайная ошибка перевода. Просто переводчик автоматически поставил то слово, которое Фрейд использовал в предыдущем предложении: «Сестра схватила его **член**, играла с ним...».

В оригинале: "Die Schwester hatte nach seinem **Glied** gegriffen, damit gespielt und dabei unbegreifliche Dinge über die Nanja wie zur Erklärung gesagt. Die Nanja tue dasselbe mit allen Leuten, z. B. mit dem Gärtner, sie stelle ihn auf den Kopf und greife dann nach seinen **Genitalien**"⁷ (*Freud*, 1918, S. 43. – выделение автора статьи).

У Стрейчи: "His sister had taken hold of his **penis** and played with it, at the same time telling him incomprehensible stories about his Nanya, as though by way of explanation. His Nanya, she said, used to do the same thing with all kinds of people – for instance, with the gardener: she used to stand him on his head, and then take hold of his **genitals**"⁸ (*Freud*, 1918, p. 20. – выделение автора статьи).

⁵ «Она ставила его на голову, а затем хватала его гениталии» (перевод автора статьи).

⁶ «Она ставила его на голову, а потом овладевала его гениталиями» (перевод автора статьи).

⁷ «Сестра схватила его член, играла с ним и при этом говорила непонятные вещи о няне, как для объяснения. Няня делает то же самое со всеми людьми, например с садовником, она ставит его на голову, а затем хватается за его гениталии» (перевод автора статьи).

⁸ «Его сестра взяла его пенис и играла с ним, одновременно рассказывая ему непонятные истории о его няне в качестве объяснения. Его няня, по ее словам, делала то же самое со всеми людьми – например, с садовником: она ставила его на голову, а затем брала его за гениталии» (перевод автора статьи).

Я пишу об этом совершенно не для того, чтобы обратить внимание на неточность перевода. Для меня важно то, что благодаря этой неточности стала яснее видна небольшая странность, которую очень хочется лучше осмыслить.

Почему Фрейд, описывая игру сестры, использовал четкое и ясное слово *Glied* (член), но, когда он перешел к описанию непонятных рассказов сестры о няне, он применил другое, более абстрактное и научнообразное слово *Genitalien* (гениталии). Джеймс Стрейчи перевел их, соответственно, как «пенис» и «гениталии».

Только ли дело в том, что Фрейд не хотел использовать два раза одно и то же слово «член» в двух соседних предложениях? Или изнутри своего контрпереноса – состояния, в котором он описывал случай Сергея Панкеева, он неосознанно для самого себя ощутил потребность применить слово «гениталии», которое, в отличие от «члена» и «пениса», «бисексуально» и лишено различий полов. Оно может описывать как мужские, так и женские гениталии.

Таким образом, получилось, что в описании сцены с садовником отсутствует различие полов. Можно было бы усомниться в этом, но этот вывод получает значительное подкрепление со стороны первой части рассказов сестры. Няня это делала с любым человеком, что дословно означает – «с любым мужчиной и любой женщиной». Пенис и вагина тут полностью исчезают, становясь гениталиями без принадлежности к какому-либо полу. Предполагая, что выраженный в словах контрперенос Фрейда отразил скрытый бессознательный конфликт Сергея Панкеева, я могу заключить, что рассказы сестры о няне запустили такие фантазии мальчика о первосцене, в которых полностью исчезли как родительская пара, так и различия полов.

В целом интересно поразмышлять над тем, как Фрейд выбирает те или иные слова для обозначения мужского (орган, член, пенис, гениталии) и женского (вагина, гениталии) полового органа. Я предполагаю, что иногда он делал это неосознанно, и в том или ином выборе слова мог проявляться его сохранившийся и после завершения анализа контрперенос. В английском переводе, сделанном Дж. Стрейчи, мы обнаруживаем, что Фрейд использовал слово «орган» (как половой орган) 11 раз, «пенис» 14 раз, «вагина» три раза, «гениталии» 17 раз. В двух случаях он использовал сочетание «мужской половой орган» (*male genital organ*).

В рассматриваемом нами отрывке Фрейд пишет, что "*die Nanja tue dasselbe mit allen Leuten, z. B. mit dem Gärtner, sie stelle ihn auf den Kopf und greife dann nach seinen Genitalien*" (*Freud, 1918, S. 43.* – выделение автора статьи). Принадлежность гениталий тут четко указана – это «его гениталии», садовника.

В пятом разделе («Несколько принципиальных соображений») Фрейд снова возвращается к этому «чудовищному» рассказу сестры о няне. «В связи с этим нам вспоминается, что сестра, соблазняя мальчика трех с половиной лет, рассказала о няне странную, невозможную вещь, а именно: что та **ставит всех на голову и прикасается к их гениталиям**» (Фрейд, 1997, с. 125. – выделение автора статьи).

Мы замечаем, что в этом повторном описании исчезает мужчина-садовник со своим половым органом, а остаются только «все люди», «гениталиями» которых завладевает няня. Русский перевод здесь недостаточно корректен. В немецком оригинале и английском переводе няня не просто прикасается, а «хватает их **за их гениталии**», «завладевает ими».

В немецком тексте Фрейда: "Wir erinnern uns in diesem Zusammenhange, daß die Schwester bei der Verführung des 3¼ jährigen Knaben gegen die brave alte Kinderfrau die sonderbare Verleumdung ausgesprochen, *sie stelle alle Leute auf den Kopf und greife ihnen dann an die Genitalien*"⁹ (Freud, 1918, S. 86. – выделение автора статьи).

В переводе Стрейчи: "In this connection we may recall that, at the time of his seduction as a boy of three and a quarter, his sister had uttered a remarkable calumny against his good old nurse, to the effect that she stood *all kinds of people on their heads* and then took hold of them by *their genitals*"¹⁰ (Freud, 1918, p. 56. – выделение автора статьи).

В этом втором напоминании Фрейда о соблазнении половая принадлежность гениталий полностью отсутствует. Няня делала это со всеми, она хватала и овладевала всеми гениталиями, мужскими и женскими. Няня, следовательно, в его фантазии была бисексуальна. Были ли фантазии маленького мальчика, соответственно, психически бисексуальными? Ставя себя на место не только садовника, но «любого человека», ждал ли он (и боялся, конечно), что няня завладеет его пенисом, или, напротив, регрессировал из генитальной позиции в прегенитальную, стремясь обладать гениталиями в целом – мужскими и женскими?

Ни вагина, ни гениталии няни не присутствуют в этой фантазии. Гениталии есть только у всех других людей, с которыми она совершает свои «чудовищные» действия. Если няня и имеет гениталии, то очевидно, что она их получает путем пожирания.

Она переворачивала всех с ног на голову, трогала их гениталии, расположенные прямо напротив ее рта. Что происходило дальше в фантазии Сергея? Мы можем говорить о страхе кастрации, о поглощении няней пениса только в случае садовника или других мужчин. Но что она делала с женскими гениталиями?

В тот момент, когда «чудовищные» рассказы сестры обрели образ прямиостоящего волка, из первосцены полностью исчез второй персонаж. Няня с садовником (или с любым другим человеком) превратилась в одинокого Волка с протянутыми лапами. Волка, который имеет гениталии, но не имеет ни пениса, ни вагины. Волка, в котором одновременно сосуществуют и отцовский, и материнский объекты, слившиеся друг с другом в архаическо-языческую первосцену.

⁹ «Мы помним в этой связи, что при соблазнении 3¼-летнего мальчика сестра произнесла против храброй старой няни странную клевету о том, что она переворачивает всех людей кверху ногами, а затем хватает их за гениталии» (перевод автора статьи).

¹⁰ «В этой связи мы можем вспомнить, что во время соблазнения мальчика трех с четвертью лет его сестра высказала замечательную клевету против его доброй старой няни в том смысле, что она ставила всех людей на головы, а затем хватала их за гениталии» (перевод автора статьи).

Невозможно и бессмысленно рассуждать о том, кто кого «поглотил» в первосцене – Волк-отец проглотил няню-бабушку (как в сказке о Красной Шапочке) или, наоборот, мать сожрала отца (няня – садовника, ведьма – мужчину, гусеница – бабочку).

Это единая первосцена, в которой оба эти варианта являются не более чем ее частными проявлениями наряду с бесконечным множеством других потенциальных проявлений.

Кем он сам хотел быть в этой первосцене? Девочкой или мальчиком? Ни тем ни другим. Он хотел уничтожить различия полов, и он сумел это сделать не только в своем внутреннем мире, но и в психоаналитическом мире Фрейда, эмпатически воспринявшего психически бисексуальные проекции пациента. Получается, он искал нарциссическую всемогущую власть Няни-Ведьмы-Волка больше, чем собственную половую идентичность. Ему не понадобилось отказываться от мужественности, чтобы принять кастрацию и занять материнскую позицию в первосцене с отцом. Он «счастливо» избежал этого выбора, идентифицировавшись с языческим бисексуальным идолом со всеми различными проглоченными гениталиями – Волком. В этой фантазии страх эдиповой кастрации в значительной степени уменьшается, но не исчезает полностью.

Я считаю, что в каннибалистических фантазиях маленького Сергея эдипов страх кастрации играл важнейшую роль, подталкивая его к нарциссической идентификации с Волком. В центре сцены было желание и страх полного поглощения няней, слияния с ней, идентификации со всемогущим бисексуальным объектом. Фактически это как прегенитальное проживание первосцены. В отличие от генитальных фантазий о том, чтобы оказаться между родителями или заменить одного из них, здесь «оказаться между ними» не означает пассивно обладать ими обоими. В этом случае нет дифференциации полов. «Гениталии всех людей» – они могут быть как мужскими и женскими, так и одновременно и теми и другими, и даже просто некими «гениталиями», о которых может фантазировать маленький ребенок. Оказаться «между» в случае Человека-Волка означает оказаться внутри недифференцированной архаической отцовско-материнской или материнско-отцовской фигуры – внутри архаической первосцены.

Фрейд предвосхищает это, когда описывает регресс мальчика от пассивной сексуальной цели, выраженной в желании, чтобы завладевали его гениталиями, к мазохистскому желанию быть избитым и наказанным. Он пишет: «Ему было безразлично, достигнет ли он этой цели с помощью мужчины или женщины. Не принимая во внимание различия полов, он перешел от няни к отцу, требовал от няни, чтобы она касалась его органа, и желал спровоцировать отца на наказание. При этом гениталии во внимание не принимались» (Фрейд, 1997, с. 118. – выделение автора статьи).

Отцовские одежды Волка – лишь один из выхваченных ярким фрейдовским прожектором образов гораздо более сложного и многомерного объекта во внутреннем мире маленького мальчика. Волк как фаллическая мать – другой пример частичного психоаналитического фокусирования.

На мой взгляд, Волк представляет собой динамический изменяющийся образ первосцены, в котором при том или ином освещении можно отчетливо разглядеть как эдиповы, так и архаические элементы.

В определенных случаях Фрейд использовал решающее уточнение – мужские гениталии, мужской половой орган, нарциссическая мужественность гениталий... В других он опускал подобные уточнения.

В целом можно заметить, что Фрейд неосознанно использовал слова «пенис», «мужской половой орган», «вагина» в тех случаях, когда он описывал генитальный уровень психической организации и перипетии эдипова конфликта.

Например, когда Фрейд пишет о «трижды повторенном коитусе atergo», он использует слова «пенис» отца и «гениталии» матери. Когда он ясно описывает страх кастрации и, соответственно, генитальный уровень организации, то он, как правило, пишет о пенисе, о нарциссической мужественности гениталий и т. п.

Я предполагаю, что он неосознанно, вследствие контрпереноса, переходил к использованию более нейтрального слова «гениталии», когда речь заходила о преэдиповых фантазиях и переживаниях. Или даже точнее – появление в тексте «гениталий» во многих случаях отражало не только явный и осознаваемый Фрейдом переход к описанию преэдипова и архаического уровня организации, но зачастую подсвечивало его скрытое проявление.

Аналогично «орган» у Фрейда становится мужским или женским при переходе к описанию эдиповой фазы и, согласно моему предположению, зачастую становится гендерно «нейтральным» при переходе к преэдиповым и архаическим психическим пластам.

Так, например, описывая то, как пациент в первосцене поставил себя на место матери, Фрейд пишет: «Орган, в котором могло проявиться это отождествление с женщиной, пассивно гомосексуальная установка к мужчине, был анальной зоной» (Фрейд, 1997, с. 138).

Здесь Фрейд полностью сознательно использует слово «орган» без указания половой гендерности (ни женский, ни мужской). И этот орган как раз и связывается не с генитальной, а с анальной зоной.

В другом случае Фрейд счел нужным внести ясность и использовал максимально возможное уточнение – his male genital organ (его мужской половой орган) – для описания генитальной организации. «Идентификацию с отцом мы до сих пор понимали как нарциссическую, но, принимая во внимание содержание «первичной сцены», мы не можем отрицать, что она уже соответствует ступени *генитальной организации*. Мужской орган начал играть свою роль и под влиянием соблазнения со стороны сестры продолжает играть эту роль» (Фрейд, 1997, с. 157. – выделение автора статьи).

3. WeSPe = Wolf-eSPe = Волк-СП

Один из ключевых моментов в анализе Сергея Панкеева связан с воспоминанием об испугавшей его большой бабочке-адмирале.

«В начале анализа мой пациент рассказал о том времени, когда его испорченность стала переходить в страх. Он преследовал прекрасную большую бабочку с желтыми полосками, большие крылья которой заканчивались острыми углами, т. е. адмирала. Вдруг, когда он увидел, как бабочка опустилась на цветок, им овладел ужасный страх перед **насекомым**, и он с криком убежал... Однажды он сказал, что это насекомое на его языке называется "бабушка"; вообще, бабочки казались ему женщинами и девушками, а жуки или гусеницы – мальчиками» (Фрейд, 1997, с. 145. – выделение автора статьи).

В русском переводе здесь теряется важнейший скрытый смысл. В оригинале у Фрейда: "Plötzlich erfaßte ihn, als der Schmetterling sich auf eine Blume gesetzt hatte, eine schreckliche Angst vor dem **Tier** und er lief schreiend davon" (Freud, 1918, S. 122. – выделение автора статьи), что переводится как «Внезапно, когда бабочка села на цветок, его охватил ужасный страх перед **зверем**, и он с криком побежал прочь» (Фрейд, 1997, с. 145. – выделение автора статьи).

Очередная галлюцинация, реври? В тот момент, когда бабочка села на цветок, он увидел что-то ужасающее и мгновенно вытеснил это? Почему Фрейд использовал слово «зверь», а не «насекомое», как это сделал русский переводчик? Фрейд нигде больше не возвращается к зверю. Зачем ему понадобилось такое сильно эмоционально заряженное слово – «зверь»? Какой скрытый от него самого контрперенос побудил его применить именно это слово?

Проживая эту сцену вместе с мальчиком и Фрейдом, мы видим, как большая красивая бабочка опускается на цветок, движения ее крыльев замедляются, она закрывает собой сам цветок, как будто поглощает его. Она словно сама становится новым цветком, распустившимся на прежнем стебле. Прекрасная картина, но почему она так испугала маленького мальчика и почему Фрейд назвал ее зверем? В тот момент, когда бабочка и цветок превратились в одно целое, в единый образ, он стал для мальчика ужасающим, звериным.

Стрейчи перевел «зверя» как creature (в переводе на русский язык – «существо, тварь, создание, творение, животное»). Изнутри своего вторичного контрпереноса он неосознанно привнес отчетливый смысл – этот новый образ, зверь, создан из двух составляющих, является соединением стебля и бабочки.

Галлюцинация, которая вызвала у мальчика ужасный страх, следовательно, была мгновенным воскрешением первосцены, очередной встречей со Зверем-Волком.

Сергей преследовал бабочку, желая ее поймать и не испытывая никакого страха перед бабочкой-бабушкой-няней. Но в тот момент, когда из объединения бабочки и цветочного стебля возник образ зверя, он ощутил ужасный страх. Пугает ли его именно фаллический образ матери? Или у него вызвало ужас исчезновение маленького цветка, поглощенного (закрытого) огромной бабочкой-бабушкой? Этот цветок оказался *между* двумя составляющими зверя, стеблем и бабочкой, и исчез *внутри* нового творения-зверя.

И снова в этом образе, как и на картинке прямостоящего волка с вытянутыми руками, все наше внимание концентрируется на бабочке-бабушке, а стебель (в случае Волка – садовник) становится незаметной частью нового образа. Захват женским мужского, поглощение его и исчезновение в первосцене?

Фрейд в некоторой степени ощущает связь Бабочки-на-Стебле и Волка. Об этом говорит не только использование им «зверя», но также и его указание на то, что «страх перед бабочкой совершенно аналогичен страху перед волком» (Фрейд, 1997, с. 150). Фрейд ясно показывает, что в обоих случаях это был страх кастрации. Посмотрим, сможем ли мы увидеть что-то еще.

Упомянув об ассоциации мальчика «бабочка-бабушка», Фрейд сразу же переходит от бабушки (няни) к женщинам и девушкам: «Он сказал, что на его языке бабочка называется "*бабушка*". В целом бабочки казались ему женщинами и девушками» (Фрейд, 1997, с. 146). Фрейд решил, что сцена страха, связанного с бабочкой, видимо, напомнила Сергею о каком-то важном для него женском существе. Позднее пациент заметил, что «распускание и складывание крыльев бабочки, когда она опустилась, произвело на него самое неприятное впечатление. Это было так, как если женщина раздвигает ноги и при этом получается фигура римской V...» (Фрейд, 1997, с. 146). Фрейд продолжает: «Однажды очень робко и неясно всплыло у больного нечто вроде воспоминания о том, как очень рано, еще до няни, за детьми ходила девушка, которую он очень любил; у нее было то же имя, что у матери. Несомненно, что он отвечал на ее нежность. Итак, забытая первая любовь» (Фрейд, 1997, с. 146).

Здесь мы снова встречаемся с неточностью русского перевода, при котором теряются важнейшие детали. В оригинале: «...всплыло какое-то воспоминание... очень рано, *еще до няни*, появилась *няня*, которая очень любила его...» (перевод и выделение автора статьи).

Мы видим, что Груша, первая няня мальчика, была таким же любящим замещающим материнским объектом, каким немного позднее стала его вторая няня. Фрейд ясно показывает, что за покрывающим воспоминанием о преследуемой бабочке скрывалось воспоминание об этой первой няне мальчика.

Вместе с тем Груша была молодой девушкой, и ее нельзя было назвать бабушкой, в отличие от второй няни мальчика. Я думаю, что в этом образе бабочки нашли свое выражение не только первая няня Груша, но и его вторая няня, и, конечно, первоисточник этих материнских объектов – мать в первосцене.

В качестве подтверждения связи воспоминания о моющей пол Груше с угрозой кастрации Фрейд ссылается на сновидение с осой.

«Он сказал, что ему снилось, будто какой-то *мужчина отрывает крылья *Espe**.

– *Espe*? Я должен спросить, что вы этим хотите сказать?

– Насекомое с желтыми полосками на теле, которое может ужалить. Это, вероятно, намек на Грушу, грушу с желтыми полосками.

– *Wespe* – оса, хотите вы сказать? – поправил я.

– Разве это называется *Wespe*? Я, право, думал, что это называется *Espe*. (Он, как и многие другие, пользуется тем, что говорит на чужом ему языке, чтобы скрыть свои симптоматические действия.)

– Но *Espe* – ведь это же я сам: S. P. (инициалы его имени).

Espe, разумеется, искалеченное *Wespe*. Сон ясен: он мстит Груше за ее угрозу кастрацией» (Фрейд, 1997, с. 149).

Кроме описанного Фрейдом понимания эдипова уровня сновидения, не прячется ли и здесь за кулисами более архаический план материала?

W – это неизбежное напоминание о *Wolf* (Волк). Таким образом, *Wespe* – это *Wolf-SP*, то есть Волк-СП, Волк-Человек.

W – это еще и двойное скрещенное друг с другом V. Продолжая идею Фрейда об ассоциации V с раздвинутыми женскими ногами, обнажающими вагину, в случае W мы видим не одну, а две пары скрещенных ног, что, конечно, вновь приводит нас к первосцене. Мы здесь получаем еще одно указание на то, что через образ *Wolf* проявляется первосцена.

Согласно интерпретации Фрейда, S. P. (Сергей Панкеев) – это искалеченное (кастрированное) *WeSPse*. Если от осы (*Wespe*) оторвать W, то останется S. P.

Но тогда SP – это не искалеченное *WeSPe*, как об этом писал Фрейд. Напротив, только путем отсекания *Wolf* от *Wolf-SP* – SP и может обрести свою идентичность. Это, конечно, напоминает о роли Дровосека в Красной Шапочке. Дровосек должен освободить SP (Сергея Панкеева), достав его из Волка, изнутри W-первосцены.

4. Предварительные выводы

Волк, Оса, Гусеница, Бабочка-на-Стебле, Груша-няня-ведьма – это все на первый взгляд образы архаической фаллической матери. Более внимательное их прояснение открывает сложный и комплексный план архаической первосцены. Как я показал выше, по крайней мере в материале Человека-Волка на каждой психической сцене мы можем одновременно обнаружить проявления эдиповой, преэдиповой и архаической первосцены. Если на передней сцене ясно виден эдипов или преэдипов психический план, то в глубине, на других менее освещенных сценах проигрывается архаическая первосцена. И, наоборот, если мы отчетливо видим архаический материал первосцены, то на дальних сценах за кулисами реализуется преэдипова и эдипова первосцена. В глубине одной первосцены обязательно присутствуют две другие.

Возвращаясь на языческую архаическую первосцену Сергея Панкеева, мы сейчас понимаем, что мальчик желает и боится совсем не того, о чем мы могли бы подумать ранее, – быть проглоченным Няней-Волком и оказаться в утробе архаической фаллической матери. Нет, чтобы избежать столкновения с эдиповой и даже преэдиповой первосценой, он бессознательно стремится регрессировать в самый центр языческой архаической первосцены – попасть в брюхо Волка. Как и в знаменитой даосской монаде, где в самой глубине Ян обнаруживается Инь, и наоборот, здесь в глубине архаического живота Волка мы открываем эдипову и преэдипову первосцены.

Фрейд предвосхитил это. В одной из своих самых смелых и кажущейся многим безумной фантазии-интерпретации Фрейд высказывает предположение о том, что пациент «желает вернуться в материнское лоно не просто для того, чтобы снова родиться, а чтобы отец застал его там при коитусе, дал ему удовлетворение и чтобы он родил отцу ребенка. Быть рожденным отцом, как он это сначала думал, быть им сексуально удовлетворенным, подарить ему ребенка, отказавшись при этом от своей мужественности и выражаясь языком анальной эротики, – этими желаниями замыкается круг фиксации на отце; в этом гомосексуальность нашла свое высшее и самое интимное выражение» (Фрейд, 1997, с. 153). И немного дальше: «Возникает желание вернуться к положению, которое ребенок занимал в гениталиях матери, причем мужчина отождествляется с его пенисом, заменяет его собой. Тогда обе фантазии оказываются противоположностями, выражающими желание общения с отцом или матерью в зависимости от мужской или женской установки данного лица. *Не исключается возможность и того, что в жалобе и в условиях выздоровления нашего пациента объединены обе фантазии, т. е. оба инцестуозных желания*» (Фрейд, 1997, с. 154. – выделение автора статьи).

Маленький Сергей в знаменитом сновидении с волками позволяет Няне-Волку проглотить себя, чтобы внутри него встретиться с пенисом отца, быть им пенетрированным и родить отцу ребенка (эдипова первосцена), оказаться внутри преэдиповой первосцены (Няня-Волк и уже проглоченный (исчезнувший в брюхе) отец-«садовник») и внутри архаической первосцены – встретиться (сексуально) «со всеми другими людьми» и «с каждым человеком».

Может ли эдипова первосцена продолжить разыгрываться внутри живота Волка? Можно ли предположить, что только внутри архаической первосцены маленький Сергей, чувствуя себя более защищенным, готов проживать эдипову и преэдиповы сцены? С одной стороны, можно предположить, что эти сцены расположены на некотором «удалении» от центральной архаической сцены с брюхом Волка. Все действия на них происходят в определенной темноте, оставаясь в той или иной степени невидимыми. Но, с другой стороны, будет более верным заключить, что все три уровня первосцены разыгрываются на участках разной освещенности каждой из бесчисленных психических сцен. Соответственно, эдипова первосцена продолжает разыгрываться не только на ближних, хорошо освещенных и видимых сценах, но и на дальних, практически невидимых сценах. Аналогично тому, как на всех эдиповых сценах можно увидеть сюжеты дальних архаических сцен.

Мы можем увидеть, например, в Волке, как это очень точно и ясно доказал Фрейд, эдипова отца, с которым маленький Сергей, занимая материнскую позицию в эдиповой первосцене, хотел и боялся иметь гомосексуальные отношения. Это было неприемлемо не только из-за необходимости принятия кастрации, но было также (и в первую очередь) абсолютно невыносимо для него из-за необходимости принять существование родительской пары без него и не простое ее существование, а существование именно в эдиповой первосцене.

Мы можем увидеть в Волке доэдипову мать в прегенитальной психической организации, к идентификации с которой он прибегает на оральной стадии психосексуального развития (мы рассмотрим это подробнее в третьей части статьи).

Анализ материала случая Сергея Панкеева, представленный мною, казалось бы, отчетливо проясняет языческую архаическую фаллическую материнскую сущность Волка.

Все это, однако, не более чем три интерпретации из бесконечного множества возможных. Они, несомненно, вносят определенную структуру для того, чтобы мы могли продолжать исследования психики, но полагать, что это и есть истина в последней инстанции, было бы предельно наивно.

В случае отцовской интерпретации Волка мы теряем материнское измерение материала (Груша-няня-Волк).

Прегенитальный материнский взгляд на Волка фокусирует психоаналитический прожектор на превращении няни в «непонятных» историях сестры в прямостоящего Волка с протянутыми лапами. Присутствие отсутствующей на этой сцене отцовской фигуры «садовника» игнорируется, и отцовское измерение скрывается в темноте за кулисами. Так преэдипова первосцена превращается в игру «одного» персонажа – орально опасную прегениальную мать.

Открытие архаического плана, казалось бы, только усиливает материнскую интерпретацию Волка, который ясно предстает в виде всемогущей архаической фаллической матери. Здесь, тем не менее, также теряется отцовское измерение, присутствие которого на первый взгляд становится еще более невидимым. Обнаруживая «всех других людей» в «чудовищных» историях сестры и открывая тем самым скрытую психическую бисексуальность Волка, мы начинаем лучше понимать источник возникновения этого языческого образа – языческую архаическую первосцену, в которой отцовские и материнские компоненты невозможно дифференцировать и отделить друг от друга, как это возможно сделать в эдиповой и преэдиповой первосцене.

Совершенно аналогично рассуждениям выше о различных интерпретациях материнского объекта здесь мы также имеем не более чем три различных психоаналитических взгляда на открытый Фрейдом первофантазм о происхождении человека (первосцену), потенциально имеющий бесконечное множество других проявлений и возможных интерпретаций. Эти три взгляда представляют собой три сделанные с разных сторон, но объединенные общей идеей Фрейда попытки психоаналитического осмысления сложнейшего и базового для развития любого человека психического феномена первосцены. Считаю важным повторить, что и здесь, как и в любом другом научном исследовании, они также, несомненно, создают важнейшую структуру для бесконечного продолжения исследования психики, но полагать, что это и есть истина, было бы очень наивно.

На основе анализа клинического материала Сергея Панкеева я пришел к следующим заключениям:

1) Материал какого бы психического уровня организации пациента (генитального, прегенитального, архаического) мы ни обнаруживали в аналитической работе, важно всегда осознавать, что проявления других уровней одновременно присутствуют в психоаналитическом процессе.

2) Материал любого уровня психической организации всегда является проявлением того или иного уровня первосцены.

3) Это всегда не чистые, а смешанные психические пространства, включающие в большей или меньшей мере материал из всех других уровней первосцены.

4) Внутри видимого материала одного из уровней первосцены всегда присутствуют элементы других уровней первосцены, которые можно распознать при соответствующем фокусировании аналитического слушания материала.

Рассматривая практику и технику психоаналитического процесса с учетом этих выводов, я утверждаю, что:

1) Не существует исключительно материнско-детского (или отцовско-детского) материала (на любом уровне психической организации) ни в отдельной сессии, ни в психоаналитическом процессе. В глубине сцены всегда присутствует в той или иной степени кажущийся невидимым материал, связанный с отцом (или матерью) пациента.

2) Тот или иной видимый аспект материала (например, материнский) становится все более освещенным за счет психоаналитического фокусирования и тем самым «гипнотизирует» аналитика, побуждает его исследовать только видимую, освещенную часть сцены. Отцовский материал, скрывающийся в менее освещенных участках сцены (или на других сценах, расположенных в отдалении от центральной), при этом становится все более и более невидимым и погружается в полную темноту за счет увеличения яркости прожекторов в центре видимой сцены. Это также верно и для «отцовского» гипноза. Этот материнский или отцовский контртрансферентный «гипноз», конечно, является следствием влияния переноса пациента, всеми силами избегающего освещенной встречи с первосценой и невыносимых переживаний от нее и бессознательно стремящегося перевести анализ в диадное измерение.

3) Не существует отдельно взятого материнского переноса без одновременного присутствия скрытого отцовского переноса. И наоборот.

4) Не существует ни материнского, ни отцовского переноса, ни их того или иного сосуществования вне соответствующей первосцены, проявлениями которой они и являются.

5) В каждом переносе пациента одновременно проявляются с различной степенью видимости все три уровня первосцены – эдипова, преэдипова и архаическая.

6) Все эти выводы прямо относятся и к контрпереносу аналитика.

7) Феноменология взаимодействия переноса пациента и контрпереноса аналитика в ходе психоаналитического процесса представляет собой различные проявления первосцены, неизбежно разворачивающейся на всех трех уровнях. Если мы видим только один уровень развития процесса, это означает лишь то, что два другие разыгрываются во все нарастающей

«темноте», и это может привести к непредсказуемым отыгрываниям и вторжениям в текущее развитие анализа. Не является ли негативная терапевтическая реакция пациента одним из таких случаев?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фрейд З.* Случай Человека-Волка (Из истории одного детского невроза) // Человек-Волк и Зигмунд Фрейд. Сборник. Киев, 1996.
2. *Фрейд З.* Из истории одного детского невроза // А. Фрейд, З. Фрейд. Детская сексуальность и психоанализ детских неврозов. СПб, 1997.
3. *Freud S.* (1914). I Vorbemerkungen. Aus der Geschichte einer infantilen Neurose. Gesammelte Werke: XII, 29–35.
4. *Freud S.* (1918). II–IX Aus der Geschichte einer infantilen Neurose. Gesammelte Werke, 36–157.
5. *Freud S.* (1918). From the History of an Infantile Neurosis. The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volume XVII (1917–1919): An Infantile Neurosis and Other Works, 1–124.
6. *Strachey J.* (1953–1974). The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud, Volumes I–XXIV. The Hogarth Press and the Institute of Psycho-analysis, London.

Oedipus and/or archaic primal scene. Wolf Man – new reading (part 2)

A.V. Rossokhin

Rossokhin Andrey Vladimirovich – Titular member of the Paris Psychoanalytical Society (SPP), Doctor of Science* in Psychology, Professor, Head of the Department of Psychoanalysis and Business Consulting at the National Research University "Higher School of Economics", Head of the Master's Programs "Psychoanalysis and Psychoanalytical Psychotherapy" and "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting", member of the International Psychoanalytical Association (IPA), President of the Moscow Psychoanalytical Association (MPA), Honorary President of the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC), Editor-in-Chief of the Journal of Clinical and Applied Psychoanalysis the Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

* Doctor of Sciences. A post-doctoral degree called Doctor of Sciences is given to reflect second advanced research qualifications or higher doctorates in ISCED 2011.

In the article, the author offers a new reading of Sergei Pankeev's (the Wolf Man) case, which complements Freud's analysis. Based on a detailed analysis of Freud's text, the author suggests the influence of the analyst's remaining counter transference on the choice of certain words in the text describing the genitals. The corresponding word choice becomes an indicator of the genital, pregenital or archaic level of the patient's mental organization. Based on the particular material of the Sergei Pankeev's case, the author showed a complex implementation of the phantasy about the person's origin (primal scene), played out on three levels – oedipal, preoedipal and archaic. The conclusion of the article presents the author's assumptions of how taking into account this multilevel realization of the phantasy about the primal scene affects the practice and technique of the psychoanalytic process.

Keywords: psychoanalysis, Freud, Wolf Man, primal scene, genital organization, pregenital organization, archaic phallic mother, transference, counter transference, castration complex, Oedipus Comple.

КЛЯЙНИАНСКАЯ ШКОЛА ПСИХОАНАЛИЗА

Идентификация и патологическая идентификация: влияние на развитие идентичности

Э. Эмос

*(Перевод с англ.: З. Баблюян;
научная редакция: И.Ю. Романов)*

Энн Эмос – психоаналитик, член Британского психоаналитического общества. В настоящее время работает в частной практике в Эдинбурге (Шотландия), до этого работала в Тавистокской клинике и частной практике в Лондоне. В течение многих лет является преподавателем Кляйнианских семинаров в Украине и Беларуси.

Данная статья обобщает центральную для творчества Мелани Кляйн концепцию идентификации. Для Кляйн идентификация формировалась процессами интроекции и проекции, которые активно исследуются в психоаналитическом лечении. Природа бессознательной идентификации, проявляющаяся в лечении, может помочь нам понять нечто важное в отношении личной идентичности в противоположность идентичности, определяемой посредством внешних атрибутов. В статье представлены две противоположные клинические иллюстрации, в одной из которых описаны конкретные, трудные и фиксированные идентификации, ведущие к формированию «идентификата» (в противоположность подлинному внутреннему объекту), а во второй – более гибкие идентификации, с возможностью эмпатии, развития подлинных внутренних объектов и обогащения Эго и ощущения самости.

Ключевые слова: идентичность, идентификат, внутренние объекты, проективная идентификация, интроективная идентификация, проекция, интроекция, скорбь, параноидно-шизоидная позиция, самость, личность.

В «Словаре психоанализа» Жан Лапланш и Жан-Бертран Понталис (*Laplanche & Pontalis, 1973*) писали, что в «работах Фрейда понятие идентификации постепенно обретает центральную значимость, что превращает ее не просто в один из психических механизмов среди прочих, но в ту самую операцию, посредством которой выстроена человеческая субъективность».

В самом деле, не часто встретишь психоаналитическую статью, в которой не упоминается понятие «идентификация». И в повседневной работе анализа психоаналитическая задача заключается отчасти в том, чтобы разобраться, «кто есть кто». Мы часто спрашиваем себя: кого я репрезентирую для пациента в переносе? Мы понимаем, что пациент идентифицирует аналитика как фигуру в своем внутреннем мире и реагирует на аналитика так, будто он является этой фигурой. Также мы можем спрашивать себя, с кем идентифицирован пациент, когда он нам что-то рассказывает. Понимание идентификаций – это повседневный предмет психоаналитического исследования.

Идентичность же, наоборот, редко воспринимают как психоаналитическую тему. Ее чаще считают чем-то социальным или внешним – тем, что видят другие люди, или тем, что мы осознанно заявляем о себе. Как психоаналитики мы могли бы, полагаю, рассматривать идентичность как нечто гораздо больше согласованное с Эго, имеющее как осознаваемые, так и, что важно, бессознательные аспекты; это чувство самости и чувство себя по отношению к другим; взаимоотношение с собой и по отношению ко внешнему миру. Поэтому идентичность всякого человека можно считать образованной из весьма сложного множества идентификаций, сформированных внутри нас с рождения. Иногда эти идентификации или некоторые аспекты этого множества идентификаций могут стать жесткими и ограничительными, и наши личность и развитие оказываются нарушенными; это патологическая идентификация, которая ведет к скованной и/или искаженной идентичности.

Идентификация – краткий обзор

Зигмунд Фрейд впервые описал эдипов комплекс и его разрешение как идентификацию маленького мальчика с отцом и девочки – с матерью. Однако идентификацию как глубоко бессознательное событие Фрейд описал, наверное, в 1910-м в исследовании Леонардо да Винчи. Леонардо, предположил Фрейд, окружил себя юными учениками и заботился о них так, как хотел бы, чтобы его мать заботилась о нем. Расшифровав бессознательную идентификацию Леонардо с матерью, Фрейд показал, как Леонардо стал объектом собственных желаний – он желал быть своей матерью и также видел себя как мальчика в своих учениках. Именно в этой статье Фрейд также ввел концепцию нарциссизма – простыми словами, любовь к самому себе.

Однако блестящее и революционное наблюдение, что мы становимся человеком, который нас оставил, чтобы отрицать свою утрату, Фрейд совершил в 1917 году в «Скорби и меланхолии»; мы бессознательно

идентифицируемся с такими людьми. Таким образом, идентификация может быть способом не расставаться и не становиться собой, как в случае Леонардо и его «любящей» матери; вместо этого он стал ею или ее аспектом. И даже более, вместо того чтобы чувствовать огорчение и обиду на кого-то любимого за то, что он нас подвел, и таким образом расставаться с ним, мы бессознательно перенимаем идентичность этой фигуры, которая не стала о нас заботиться, возможно, нас оставив, и нападаем на себя, посредством чего нападаем на эту фигуру. При меланхолии или депрессии мы не занимаемся работой скорби – не горюем о том, кто оставил нас, или о переживании, которое не может быть нашим; но осознаваемое чувство при этом – обида и отсутствие самоуважения. Это, безусловно, сказывается на нашей идентичности – на нашем ощущении себя и том, как другие нас видят. Человек с заметной депрессией часто кажется заикленным на чем-то одном, он постоянно возвращается к своей обиде, как будто совершенно не осознавая гнева и при этом возлагая всю ответственность за разлад на себя. Мы можем сказать, что личность такого человека хрупкая (*thin*), он находится в полной власти такого своего мировоззрения и выглядит ограниченным, стесненным тем грузом, который несет на своих плечах, над ним господствуют бессознательные идентификации, совершенно отличные от тех, что видны снаружи.

Анна Фрейд (*Anna Freud, 1936*) вслед за своим отцом описала защитный механизм «идентификации с агрессором», когда мы, чтобы не чувствовать себя маленькими и уязвимыми, подверженными внешней угрозе, обычно от авторитарной фигуры, перенимаем характеристики этого агрессора. Она связывает это с ранними стадиями развития Супер-Эго, когда ребенок развивает моральный авторитет, чувство того, что человек «должен делать». Позднее подобный защитный, даже спасающий жизнь процесс был описан как стокгольмский синдром, когда пленники становятся лояльными к своим захватчикам. Даже когда их освобождают, эти пленники остаются лояльными к убеждениям и чувствам захватчиков и не предают их. Этот феномен также наблюдается у переживших пытки, сексуальное насилие, работорговлю и другие жестокости.

Формирование идентификаций посредством интроекции и проекции

Вернемся к Фрейду: он описал идентификацию с бросающим объектом, которая происходит двумя способами. Во-первых, пассивно – «тень объекта падает на Эго»; и, во-вторых, более активно, когда «Эго хочет инкорпорировать объект в себя и в соответствии с оральной или каннибалистической фазой либидинального развития, на которой оно находится, хочет сделать это посредством пожирания» (*Freud, 1917, p. 249*). Именно этот второй процесс продолжила исследовать Мелани Кляйн в своей теории человеческого развития.

Согласно Кляйн, посредством процесса инкорпорации или интроекции мы вбираем в себя свои восприятия фигур из внешнего мира, которые затем формируют внутренние объекты, составляющие наш внутренний

мир и являющиеся основой личности. Внутренние объекты сформированы бессознательными механизмами проекции и интроекции, и эти способности действуют с рождения, мы «запрограммированы» интроецировать и проецировать. Это логически предполагает наличие примитивного Эго и потому – постоянной психической деятельности, так что бессознательные фантазии существуют с рождения, возможно, развиваются даже раньше в матке параллельно с физическим развитием. Хотя это мнение о рудиментарном Эго, существующем с рождения, остается одним из спорных вопросов, сопровождающих работу Кляйн, оно располагает источники процессов идентификации и развития идентичности в самых глубоких пластах психики.

Начиная с рождения Эго развивается и укрепляется посредством интроецирования или инкорпорирования хороших переживаний, хорошей груди, прототипа всех переживаний любви и заботы. Незрелое Эго, неспособное справиться с тревогой, пытается избавиться или проецирует плохие или угрожающие переживания, пусть даже они не уходят окончательно и продолжают угрожать. Хрупкое раннее Эго защищает себя, отщепляя плохие и преследующие переживания от хороших и поддерживающих внутренних объектов. Это нормальная параноидно-шизоидная позиция, как ее описала Кляйн. При нормальном развитии в приемлемых и достаточно хороших обстоятельствах чувства ненависти и агрессии у младенца контейнируются понимающим и отзывчивым родителем, обеспечивающим обезвреживание этих мощных агрессивных чувств. Согласно Кляйн, Эго развивается вокруг этого хорошего объекта, и идентификации с хорошими аспектами матери становятся основой для дальнейших полезных идентификаций.

Идентификация с хорошим объектом и переживаниями, вокруг которых формируется самость, происходит посредством процесса интроекции, иногда называемой инкорпорацией или интернализацией, но также посредством проекции плохого объекта и переживаний, часто называемой проективной идентификацией. Эти различные термины усугубляют трудности в понимании сложности этих процессов. Я думаю, добавляя слово «идентификация» к слову «проекция», Кляйн подчеркивает, что процессы проекции настолько же важны в построении того, кем мы являемся, насколько и процессы интроекции, и это происходит с рождения и не является поверхностным, полусознательным или социальным процессом. Для ясности я буду следовать Элизабет Спиллиус, которая отмечает, что в кляйнианской литературе термин «проективная идентификация» охватывает также процессы, традиционно называемые «проекцией».

Кляйн ярко формулирует: «Вместе с этими вредоносными экскрементами, исторгаемыми с ненавистью, отщепленные части Эго также проецируются на мать, или, я бы скорее сказала, в мать. Эти экскременты и плохие части самости предназначены не только для того, чтобы наносить вред, но также и для того, чтобы контролировать объект и завладеть им. Поскольку мать теперь содержит плохие части самости, она не ощущается отдельным индивидом, но ощущается плохой самостью (*отсюда использование термина "идентификация" в формулировке "проективная*

идентификация". – Прим. автора). В основном ненависть к частям самости теперь направлена на мать» (Klein, 1946, p. 102).

И, описывая тот же процесс проекции в менее примитивных терминах: «У проекции много последствий. Мы склонны приписывать другим людям – в определенном смысле вкладывать в них – некоторые собственные наши эмоции и мысли; и очевидно, что от того, насколько мы уравновешены или преследуемы, будет зависеть характер этой проекции – дружественный или враждебный. Приписывая часть собственных чувств другому человеку, мы понимаем его чувства, потребности и удовлетворение; иначе говоря, мы помещаем себя на место другого человека. Есть люди, которые заходят в этом столь далеко, что полностью теряют себя в других. ...В то же время чрезмерная интроекция угрожает силе Эго, поскольку над ним теперь всецело господствует интроецированный объект» (Klein, 1959, p. 252–253).

Позднее Бион (Bion, 1962) предложил такое понимание проекции, согласно которому она действует двумя способами. Во-первых, в точности как писала Кляйн, она является средством избавления от нежелательных, болезненных чувств или ужасающих чувств тревоги, которые угрожают ранней самости. Но, во-вторых, она также является средством коммуникации с другим. Это критически важное наблюдение, поскольку оно раскрывает смысл человеческих взаимодействий. Данная теоретическая модель дает аналитику инструмент для изучения в кабинете бессознательных идентификаций пациента и того, как они проявляют себя в его психике и его жизни. Разумеется, проекция лишь тогда средство коммуникации, когда существует фигура, способная принять, обработать и обезвредить эти чувства посредством понимания, которое мы называем «контейнированием». Ликерман (Likierman, 2001) пишет, что «самые интенсивные и беспокоящие части самости находят себе место лишь после того, как предприняли путешествие через психику других, и после того, как младенец таким образом экстернализовал отношения своего Эго с его самыми беспокоящими аспектами». Будучи пережит (by being experienced) в психике другого человека, младенец, или позднее пациент в анализе, получает возможность интроецировать и идентифицироваться с этой фигурой, которая способна контейнировать и выдерживать его самые беспокоящие аспекты.

У этого есть еще важные относящиеся к развитию аспекты, которые зависят от состояния психики реципиента проекций младенца. Тогда как в нормальных или хороших обстоятельствах мать замечает страдания своего ребенка и способна понимать и реагировать должным образом, так бывает не всегда. Некоторые матери неспособны вбирать переживание своего младенца – Бион считал, что это побуждает младенца проецировать со все большей и большей силой, что он называл «эвакуативной проективной идентификацией» и полагал, что она ведет младенца затем к интроекции и идентификации с «отторгающим проекцию объектом», который разрушает всякую способность придавать смысл опыту, задерживая эмоциональное развитие. Другой опыт для ребенка – это не просто неконтейнирующая мать, но мать, которая проецирует и может, вероятно,

затапливать младенца своими собственными страхами и тревогами или которая активно вторгается и действует насильственно. Джианна Уильямс (*Williams, 1997*) показала, как в этой ситуации младенец использует защиты «хода нет», чтобы обезопасить себя, и они особенно значимы и наблюдаются, например, при анорексии.

Патологическая идентификация

Тогда как при нормальном развитии процессы проекции и интроекции позволяют сложному множеству идентификаций образовываться в личности, при аналитическом лечении мы наблюдаем и воспринимаем, когда эти процессы уже усугубились и укоренились. Иногда идентификации в психике – закрепленные и конкретные по своему характеру, абсолютные и непоколебимые, и тогда другие люди и другие аспекты человеческого опыта могут отвергаться целиком и полностью. Такие люди ригидны, рьяно защищаются, придерживаются неизменной позиции с уверенностью и убежденностью.

Лишь один пример этого – расизм. В подробном исследовании «внутреннего расизма» Фахри Дэвидс (*Davidson, 2011*) пишет о повсеместном, бессознательном характере расщепления «мы-они», зачастую по легко распознаваемым социальным/биологическим линиям. Внутренним топливом, поддерживающим этот консенсус и убеждение, в любой социальной среде является нежелательное психическое содержание, которое проецируется и так сохраняет «другого» – другим. Он делает еще одно важное замечание: поскольку внешнее окружение и его институты поддерживают это расщепление «мы-они», человек может уклоняться от вины и ответственности на персональном уровне. Иначе говоря, нет необходимости интроецировать и обладать тем, что человек спроецировал и отверг. Эта способность идентифицироваться с одними аспектами и дезидентифицироваться с другими, как в примере расизма, ожесточает и сковывает личность, оставляя Эго или самость ослабленными, а личность – ограниченной и под угрозой.

В анализе у нас есть возможность работать с пациентами, чьи идентификации и дезидентификации выглядят закрепленными и жесткими, и они часто убеждены в своей самодостаточности, отрицают свою зависимость и уязвимость; обвиняют других и убеждены в своем мировоззрении. Мы могли бы считать, что их идентификации оказались в ловушке параноидно-шизоидной позиции эмоционального развития, как бы пойманы в психическом убежище (*Steiner, 1993*), эти люди неспособны развиваться и увеличивать свою способность к идентификации. На это можно смотреть с разных точек зрения. Мы можем изучать, как самость и объект относятся друг к другу, рассматривая, как действуют процессы проективной и интроективной идентификации (или проекции и интроекции), но также мы можем посмотреть на более статическую картину и увидеть, каким образом Эго или самость оставлены обедненными и истощенными, и в то же время увидеть нежелательные аспекты самости, которые спроецированы, чтобы от них отречься.

Запутанные (merged) состояния / ложно увеличенное «Эго»

Когда самость и другой слиты, человек полностью инкорпорировал другого, так что между самостью и другим нет границы или раздельности, «ты есть я», или, что то же самое, «я есть ты». Это происходит, когда состоялась тотальная проективная и/или интроективная идентификация. Эти термины сбивают с толку отчасти потому, что клинически конечный результат может быть одинаковым, но в итоге мы говорим о слитом состоянии. Теоретически и клинически может быть трудно разобраться, что из них что или в каком порядке они идут, поскольку оба процесса часто происходят одновременно. Разные аналитики использовали разные термины, пытаясь устранить путаницу: Рон Бриттон (*Britton, 1998*) использует термин «присваивающая (acquisitive) проективная идентификация» («я есть ты»), когда мы претендуем на характеристики других людей как на свои. Например, согласно Фрейду, Леонардо да Винчи претендовал на материнство своей матери. Однако при приписывающей (attributive) проективной идентификации («ты есть я») мы приписываем свой аспект другому человеку: например, Леонардо заботился о своих юных учениках так, словно они были его юной самостью. Такая идентификация может вызывать или не вызывать отклик у другого.

Инес Содре (*Sodre, 2004*) в статье «Кто есть кто? Заметки о патологической идентификации» описывает сложность проективных и интроективных процессов и то, как они сказываются на идентификациях пациентов. Она описывает случай Герберта Розенфельда, когда его анализанд видел сон, где наблюдал за тем, как знаменитый хирург оперировал пациента, и восхищался им. Хирург настолько сосредоточился, что потерял равновесие и упал в пациента. Он мог оживить себя, лишь воспользовавшись кислородным аппаратом, находившимся неподалеку. Содре связывает это с португальским выражением, описывающим человека, который думает, что он превосходит других, – «он думает, что у него король в животе», где король/хирург был буквально поглощен целиком. Субъект стал объектом, и даже превосходящим исходный объект, поглотив его целиком. Самость стала гораздо больше, чем объект, захватив таким образом функции, возможности и силу объекта.

Второй случай Содре – это случай пациента, который становится идеализированным плохим объектом. Она показывает, как поняла, что пациент стал искаженной версией своего аналитика, он интроецировал способность аналитика видеть его, но затем искажает это в своей психике, делая это, полагает Содре, с враждебностью, ревностью или завистью. Затем пациент относится к аналитику с позиции большого превосходства и власти, как будто он – это она, обращаясь с ней с жестокостью и презрением, которые он чувствует к ней или воображает, что она чувствует к нему. Это ранние, бессознательные идентификации пациента, которые разыгрываются в его аналитике и представляют большую техническую трудность, таков их абсолютный характер. Аналитик неизбежно оказывается в ловушке, и, как отмечает Содре, очень легко приступить к попыткам вернуть пациенту назад эти ужасные проекции – «это ты поступаешь

так со мной», которые пациент неизбежно отвергает, поскольку в его восприятии это аналитик так поступает с ним. Выбираться из такого рода ту-пиков в анализе чрезвычайно трудно, и я вернусь к этому позже, описывая первый свой клинический пример.

Истощение Эго

Лесли Сон (*Sohn*, 1985) принимает идеи Кляйн об идентификации и описывает крайнюю ситуацию, когда образуется *идентификат*, который, как я понимаю, противопоставлен истинному внутреннему объекту. Вследствие этого не существует хорошего или истинного внутреннего объекта, который бы помог пациенту организовать свою психику, позволяя ему вбирать больше, но вместо этого пациент не кажется способным интроецировать и приходит к убеждению, что он стал кем-то желаемым. Это возбужденное, маниакальное, всемогущее состояние, которое позволяет пациенту избавляться от чувств потребности в контейнирующем, хорошем объекте, который бы помог ему совладать с такими чувствами, как зависимость, желание, ревность и зависть, с которыми его ослабленное Эго не способно справиться. Сон ярко описывает это состояние у пациентов-психотиков, которые были «хорошими детьми», но, когда они растут и все больше сталкиваются с необходимостью вбирать, чтобы как-то справляться с жизнью, например, будучи учащимися и студентами, у них все хуже это получается, что заканчивается полным провалом, тревога топит их, и фрагменты их Эго в психозе. Юный студент университета – я оценивала, подойдет ли ему психоаналитическая помощь, – относился ко мне так, словно мы были двумя разумными и логичными людьми, но его обаяние и интеллект были тонкими, как бумага, и он был совершенно не способен совладать с отношением к чему-то, ему угрожающему, например семинарам в университете, встречам с ровесниками и определенно – к срокам написания эссе и экзаменам. Его идентичность основывалась не на сложных идентификациях с внутренними объектами, обладающими глубиной и крепостью, – но на обаятельном и разумном идентификате. Этот идентификат казался мне остатком его допсихотического душевного состояния, за который он цеплялся.

Ниже я привожу две резко различающиеся клинические иллюстрации, показывающие, как аспекты идентификации проявляют себя в психоаналитическом лечении, и влияние этого на идентичность пациента.

Клинический пример – пациент А.

В своем анализе А. боролся с реинтеграцией своих первичных аспектов, таким образом оставляя свою идентичность ограниченной.

Профессионально успешный человек, А. недавно был назначен руководить собственной научной лабораторией. Несколько лет он ходил ко мне на анализ пять раз в неделю, но все еще боролся за то, чтобы уметь поддерживать близкие отношения. Он много лет назад прекратил контакты со своими родителями, поскольку они были жестокими, не заботились

о нем и обижали его. В раннем подростковом возрасте А. предпринял попытку самоубийства, но после этого твердо решил работать и уйти из семьи. Он был сосредоточенным и успешным. В анализе А. думал, что я теплый человек, но работа аналитика делает меня холодной и ригидной, что он ненавидел. Он всегда тревожился, что я ему не верю, когда он описывает жестокость своих родителей, и каким-то образом обвиняю его самого. Фактически время от времени в анализе А. вспыхивала мощная жестокость, и я полагала, что из переноса знаю, как ужасно для него было находиться во власти неразумной, сумасбродной, безумной матери или сурового, холодного, всезнающего отца, которые вместе образовывали жестокую пару, где всякие любовь и понимание были совершенно недоступными.

В этих вспышках А. относился ко мне точно так же, как, по его описаниям, к нему относилась мать. Сильно страдая, А. рассказывал мне, как его расстраивает, что я такой разочаровывающий аналитик, который просто не понимает его. А. настаивал, что очень хочет ценить меня, но я просто подвожу его тем, что не добрая, не понимаю и что на самом деле ему нужна любовь. Я в точности знала, каково это – быть ребенком, чья мать полна сердитых упреков, каково это – чувствовать, что ты никогда не можешь угодить матери, которая сумасбродно и пугающе злится на тебя. Я могла также быть и жертвой отца А., когда он читал мне длинные, аргументированные, логичные лекции о том, как я должна вести себя, будучи аналитиком, что именно я сделала неправильно и как мне следует усовершенствоваться. Определенно эта фигура не имела ни малейшего представления, как слушать, ему, безусловно, было лучше знать, его закон был абсолютно холодным и жестоким. Еще хуже становилось, когда, бывало, со мной говорила «мать», а затем совершенно внезапно это оказывался отец, вызывая замешательство и переживание полного одиночества; полагаю, это было бледное отражение детского опыта А.

А. пытался разрешить эту ситуацию, никак не общаясь со своими реальными родителями, но во внешнем мире он все еще встречал людей, которых воспринимал сходным образом: на своем рабочем месте, во взаимоотношениях и, конечно, как я упоминала, в своем анализе. Это провоцировало и пугало его. Ему также нужен был анализ, чтобы тот помогал ему с тем, что теперь стало внутренней ситуацией.

На работе А. несколько месяцев считал, что один старший коллега оказывает ему помощь и поддержку в достижении важных перемен, но это изменилось (как именно – я здесь описать не могу из-за обилия подробностей), так что А. закончил тем, что способствовал увольнению этого коллеги. А. решил, что коллега был притеснителем, которого он раньше не вполне распознал, но А. также обвиняли на работе в тирании за то, что он добился этого увольнения, и он считал это обвинение несправедливым. Весьма похожая ситуация также возникла с некими новыми друзьями, которые пригласили А. провести с ними каникулы; все было хорошо и приятно, пока А. не ощутил, что один из друзей заставляет его есть пищу, которую А. есть не хочет, из-за чего он возмутился и рассердился.

Примерно в это время А. приснился сон, где фигурировал его реальный отец.

А. собирался посмотреть выставленный на продажу магазин напротив своего рабочего места со своим отцом, полагая, что, возможно, его купит. У отца был прямой доступ в здание через сканер наподобие сканеров в аэропортах и тюрьмах. Когда наступила очередь А. проходить сквозь сканер, отец ткнул ему своими грязными ногтями в глаза. Он был агрессивен, и также А. очень испугался инфекции.

Полагаю, этот сон фиксирует, как и два недавних события, чувство надежды и человеческого контакта – А. чувствовал, что, возможно, располагает поддерживающим коллегой, друзьями, с которыми можно отправиться на каникулы, и даже магазином, который можно купить, что символизировало его увеличившиеся способности. Но каждый раз надежды не оправдываются, возникает ломающий эти возможности притеснитель в виде жесткого, агрессивного отца, ослепляющего и инфицирующего А., вторгаясь прямо ему в глаза. И сновидение, и эти события фиксируют, как нечто приходит назад к А., возвращается ужасающая проекция, которая разрушает его способности видеть и ценить людей вокруг него, включая аналитика.

Вскоре последовал второй сон:

А. со своим младшим братом находились в родительском доме. Они были детьми, и там спал тираннозавр рекс, так что они должны были прокрасться мимо, чтобы его не разбудить. Они спрятались в кладовке на антресолях в стене в комнате родителей в полном ужасе, не в силах двинуться из страха потревожить этого тираннозавра рекса.

А. проассоциировал это с тем, что его обвиняют в тирании на работе, хотя он настаивает, что настоящим тираном был тот коллега, раньше его поддерживавший. На меня, что было очень хорошо знакомо, оказывалось значительное давление, чтобы я согласилась с версией А. насчет того, кто тиран. Это определенно не мог быть А., и если бы А. почувствовал, что я с этим не согласна, это бы значило, что я не понимаю его точку зрения. Знакомым образом мы вернулись в чудовищно жестокий мир, где А. со своим аналитиком боятся пробуждения этого чудовища, преследующего тирана, который портит любой хороший контакт, к нему невозможно приспособиться, и он должен быть изгнан.

Еще один сон:

Много больных людей в кроватях, словно это больничная палата старого типа, и они знают, что им угрожает красная рептилия, но молчат об этом. Они разговаривают с женщиной, которая заведует этой палатой, но ночью она превращается в ящерицу.

А. связал это с недавно прочитанным текстом о примитивном мозге, но также сказал, что чудовища появляются в темноте. Я подумала, что А. все больше чувствует, будто эти чудовища на самом деле внутри него, он лучше ощущает и находится в отчаянии из-за того, как сам относится к людям, которые ему что-то дают, включая своего аналитика. Больные люди в палате символизировали уязвимость А. и потребность в аналитическом лечении, чтобы справиться с чудовищами внутри себя – примитивными

идентификациями с жестокими фигурами, – но аналитик тоже становится пугающей рептилией ночью. Этот конфликт невыносимо тяжел для А. Боль от ощущения более человеческого, несовершенного контакта с неизбежными чувствами сомнения, ответственности и вины была слишком сильной, так что он не мог ее выносить, и легче было укрыться в более знакомом и ограниченном мире холодных, архаических фигур. Так же как в случае с коллегой А., изгнание должно было оправдываться поведением другого; они заслуживали того, что с ними произошло, – здесь очевидно сходство с описанной Содре невозможностью попыток обратить проекцию. В эти периоды А. был настолько слит со мной как плохой преследующей фигурой, что казалась невозможной какая бы то ни было сепарация или недопустимым любой элемент триангулярности, не исключаяющий другого взгляда. В основном возникавшего тирана А. воспринимал как меня (и иногда, несмотря на благие свои намерения, я все же неизбежно разыгрывала эту фигуру), что, я думаю, его расстраивало, поскольку он обнаруживал, что замкнут в повторении своих ранних переживаний. Однако, полагаю, в этот период анализа А. начал ощущать, что тиран может находиться внутри него, и это было по-настоящему ужасающее предположение.

Для А. его идентификации были закрепленными и конкретными, связанными с самыми первыми переживаниями ненавидимых жестоких первичных фигур. Эти первичные фигуры в психике, конечно, являются некой комбинацией реальных внешних объектов А., его родителей, как он их воспринимал и переживал, и того места, которое они заняли в его внутреннем мире. Идентичность А. была сформирована не на опыте интроецирования и идентификации с хорошими внутренними объектами, обладающими способностями к любви и контейнированию, но больше на проецировании плохих переживаний, которые ощущались очень конкретными, и теперь от них нужно было избавиться. Моя способность обезвреживать именно эти переживания была ограниченной, поскольку я тоже стала – и воспринималась А. – жестокой и отторгающей, особенно когда не встраивалась именно в то мировоззрение, которого А. в те периоды требовал. Это оставляет А. с конкретной, хрупкой и ненадежной идентичностью, неспособным интроецировать и идентифицироваться с истинными или достаточно хорошими внутренними объектами, зависимым вместо этого от «идентификата» в попытках справиться с жизненными трудностями, чего для этой задачи недостаточно.

Подвижные идентификации – пациент Б.

В отличие от ситуации А. идентификации моего второго пациента Б. не поглотили его ригидно, но были более подвижными. Он был способен идентифицироваться и дезидентифицироваться с фигурами вокруг себя.

Б. был меланхоликом, направленным ко мне из-за его атак на себя самого. Его тянуло отрубить себе пальцы и содрать кожу с лица. Он испытывал тревогу и депрессию много лет. В молодости он пришел на мост с ружьем, твердо решив убить себя, но услышал, как далекий голос зовет его

по имени. Он понял, что это его собственный голос, но долгое время находился в полной власти жестокой и деструктивной фигуры, которая ненавидела его и его неудачи в связи, в частности, с его неудачей с семейным бизнесом, который он унаследовал. Как я понял, родители Б. были отстраненными и не заботились о нем, мать была временами особенно жестокой, а отец – строгим и наказывающим. Б. отправили в школу-пансион в восемь лет, и начиная с младшего подросткового возраста у него почти не было контакта с родителями – он предпочитал находиться где угодно, только не дома с ними. В детстве у него всегда были проблемы с родителями и учителями, ему постоянно не удавалось достигать чего-либо во всех областях жизни. Б. приходил на анализ три раза в неделю.

На первом сеансе после своего второго долгого летнего перерыва он довольно подробно рассказал о фрустрациях своей жены с их двумя маленькими детьми. Он очевидно старался контролировать свое критическое отношение к тому, что она с ними нетерпелива. В частности, его раздражало, когда она выходила из дома покурить, – эта ее потребность была на первом месте, и она просто выходила на улицу, оставляя детей с ним. Далее он описал свое понимание курения, поскольку раньше много курил, и он знал, что маленькие дети могут очень надоедать и раздражать. Что касается его самого – он подчеркивал, что испытывал большое облегчение на недавнем семейном событии, будучи в состоянии уходить и оставаться наедине с собой вдалеке от шума и суматохи. Из его истории я знала, что мать Б. была алкоголичкой и этот факт семья в основном отрицала.

Было не слишком трудно видеть, что Б. пытается сочувствовать и ставить себя на место матери, иначе говоря, идентифицироваться с матерью (и аналитиком), которой было слишком трудно с детьми, и она решительно предпочитала алкоголь/курение или летние каникулы. Я смогла проинтерпретировать пациенту его желание уберечь меня от своего раздражения на то, что я оставила его на лето, а также на то, что его жена предпочитает курение общению с детьми, как его собственная мать. Он рассмеялся, но с чувством признания и облегчения, сказав: «Я думал, вы можете сказать нечто вроде этого». Думаю, он испытал облегчение, что знакомый аналитик снова с ним после лета, но в то же время он слегка от меня отмахивался.

Однако, вернувшись на сеанс на следующий день, он описал, что случилось, когда он пришел домой после вчерашнего сеанса. Дети уже должны были спать, жена была в бешенстве и рассказала ему, что произошло: она сказала детям, что уже пора идти спать, младшая дочь категорически отказывалась подниматься вверх, и жена Б. просто ушла на второй этаж со старшей, обещая почитать ей книжку. Младшего ребенка все не было и не было, и тогда жена спустилась вниз и звала ее, но не нашла девочку; она сердилась, но все больше беспокоилась. В итоге она обнаружила, что туалет на первом этаже заперт, но дочь не отзывалась, хотя она звала ее и говорила с ней. Жена закончила тем, что приставила из сада лестницу к окну, чтобы в него посмотреть, и обнаружила, что дочь прячется там. Пациент рассказывал мне все это несколько сердито, но в основном

с гордостью за решительность дочери. Теперь мне стала совершенно очевидной его идентификация с дочерью. Как его дочь, он прячется, становится самодостаточным, когда по-настоящему чувствует гнев на взрослых в этом мире, и наказывает их за то, что они им пренебрегают, а также испытывает некоторый триумф.

В этом коротком примере отражена подвижность идентификаций Б., которые перемещаются между нерадивой матерью и ребенком, который собирается наказать мать. Он идентифицируется с бросающей матерью, но, когда я заметила эту защитную идентификацию, он, похоже, испытывает облегчение, поскольку тогда ему не нужно становиться ею. Вместо этого он может позволить себе больше чувствовать, как сильно он хочет ее наказать. Для Б. в данный момент его лечения его идентификации подвижные. Это идентификации со способностями и чувствами, не конкретные и абсолютные идентификации с жестокими, первичными фигурами. Б. может чувствовать себя сердитой маленькой девочкой или матерью, которая сыта материнством по горло. Он не стал настоящей жестокой, сумасбродной, нерадивой матерью, и он не поглощен желаниями сердитой, ревнивой маленькой девочки по-настоящему закрыться от всех, – но усердно ходит на анализ, чтобы об этом поговорить.

Б. идентифицируется со своим аналитиком, которая интересуется детьми и их чувствами, и его анализ может стать хорошим объектом, вокруг которого могут расти его идентификации. Возможно, Б. проецирует в свою маленькую дочь, но также он сумел принять назад свое переживание и подумать о нем, он сумел позволить аналитику увидеть, что она им пренебрегала, оставив его, что он ревновал к другому ребенку, поднявшемуся наверх с их матерью. Что важнее всего, он позволил мне увидеть свое желание наказать меня и уйти одному. Здесь есть четкая связь с его прошлыми затруднениями и шанс проработать их в анализе, а не застрять, замкнувшись в себе, в депрессии и самодеструктивном насилии, идентифицировавшись с укоряющими внутренними фигурами, которые считали, что он должен покончить с собой, и сделали его таким больным.

Заключение

Хотя А. и Б. находились на разных стадиях в своем лечении, в этих маленьких клинических иллюстрациях я попыталась показать, что идентичность А. была ограничена, поскольку его бессознательные идентификации с плохими фигурами угрожали ему, а его хорошие объекты ощущались недостаточно сильными. Ну а Б. из ограниченного и меланхолического душевного состояния начал соприкасаться со своими аспектами, которые расширяли его идентичность и не угрожали и не преследовали его в такой чрезмерной степени. Удивительно, что и А., и Б. имели сумасбродных и жестоких матерей, но отчужденных отцов, которые были неуклонно лояльны к своим женам, однако справились с этим совершенно по-разному. В своей жизни А. защищал себя, главным образом используя проекции, всегда боясь обвинений в чем-то плохом, таком как жестокость, гнев, ложь и так далее. Б. интроецировал и бессознательно

идентифицировался с жестокими фигурами, которых он ощущал внутри себя, – они постоянно ругали его за множество неудач. И то и другое – понятные, но разные защитные решения идентификаций с плохими внутренними объектами, ограничивающие развитие идентичности. Вопрос о том, насколько сильно это связано с реальными родителями, неизбежно остается открытым, но я подозреваю, что, в частности, переживания жестокости у А. начались очень рано, возможно, с рождения, и их не смягчало пребывание вдали от дома в школе-пансионате.

Ни А., ни Б. не могли отделить себя от своих первичных идентификаций с плохими объектами и не могли оплакать то, что могло бы случиться, если бы такое отделение произошло. Именно это, по сути, привело их обоих к аналитическому лечению. Чтобы сохранить свое ощущение себя, А. проецировал свои плохие объекты, но в анализе он чувствовал себя опасно слитым с ними и, как в своем сновидении, был ими ослеплен, отсюда использование мною термина «проективная идентификация». В отличие от А., Б. чувствовал себя своими плохими объектами и использовал лечение, по крайней мере на этом этапе, для идентификации с аналитиком, которая как будто понимала и допускала его «плохость».

Попытки понять бессознательные идентификации – насущный хлеб психоанализа. Мы как аналитики неизбежно становимся частью внутренних миров наших пациентов и переживаем невыносимое, слишком пугающее или слишком преследующее для них, мы играем свою роль в их идентификациях. В анализе, как и в жизни, пациенту нужен, как сказала Кляйн, хороший внутренний объект, вокруг которого может развиваться самость. Если аналитик способен контейнировать и обезвреживать плохие проекции, анализ может стать хорошим опытом, который пациент может интроецировать и вокруг которого пациент затем может развиваться. Тогда пациент становится сильнее и может принимать назад проекции, проходить сепарацию и сталкиваться с болью скорби. Именно внутренний хороший объект, достаточно крепкий в противоположность идентификату, позволяет пациенту принимать назад кое-что из спроецированного, обычно с ненавистью и гневом. Всегда остается вопрос, достаточно ли интегрирована интернализированная аналитическая функция, чтобы позволить пациенту проходить сепарацию и скорбеть, – включая скорбь о самом анализе в том числе. В конечном итоге именно сила и возможности внутренних хороших объектов обеспечивают здоровые движения и подвижность в повсеместных процессах интроекции и проекции. Это позволяет расти и развиваться прочному чувству себя – своей идентичности.

Без этого интернализированного хорошего объекта мы подвержены неизбежным или не допускающим выбора идентификациям с деспотичными или жестокими/плохими фигурами – либо интенсивным проекциям нежелательных, обычно ощущаемых плохими частями самости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bion W.* (1962). A theory of thinking, *The International Journal of Psychoanalysis*, 33: 306–310.
2. *Britton R.* (1998). *Belief and Imagination: Explorations in Psychoanalysis*. London: Routledge.
3. *Dauids M. Fakhry* (2011) *Internal Racism: a psychoanalytic approach to race and difference*. London: Palgrave MacMillan.
4. *Freud S.* (1910). Leonardo da Vinci and a memory of childhood, in *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud*. Ed. J. Strachey (SE). 11: 63–197. London: Hogarth Press.
5. *Freud S.* (1917). Mourning and Melancholia, S.E. 14: 73–102.
6. *Freud S.* (1924) The dissolution of the Oedipus Complex, S.E. 19: 173–179.
7. *Freud A.* (1936). *The Ego and the Mechanisms of Defence*. London: Hogarth Press.
8. *Klein M.* (1946). Notes on some Schizoid mechanisms, in *The Writings of Melanie Klein* 3: 61–93. London; Hogarth Press.
9. *Klein M.* (1959). Our adult world and its roots in infancy, in *The Writings of Melanie Klein* 3: 247–263. London; Hogarth Press.
10. *Laplanche J. and Pontalis J.B.* (1973). *The Language of Psychoanalysis*. London: Hogarth Press.
11. *Likierman M.* (2001). *Melanie Klein: Her Work in Context*. London: Continuum.
12. *Sodre I.* (2004). Who's who? Notes on Pathological Identification, in *In Pursuit of Psychic Change: The Betty Joseph Workshop*. Hargreaves, E. and Varchevker, A. (Eds.). London: Brunner-Routledge.
13. *Sohn L.* (1985). Narcissistic organization, projective identification and the formation of the identificate, *The International Journal of Psychoanalysis*, 63: 201–213.
14. *Steiner J.* (1993). *Psychic Retreats: Pathological Organisations in Psychotic, Neurotic and Borderline Patients*. London: Routledge.
15. *Williams G.* (1997). Some reflections on some dynamics of eating disorder: "No Entry" defences and foreign bodies, *The International Journal of Psychoanalysis*, 78: 927–941.

Identification and pathological identification: implications for the development of identity

A. Amos

*(Translated from English: Z. Babloyan;
scientific editor: I.Yu. Romanov)*

Anne Amos, a psychoanalyst of the British Psychoanalytical Society. She currently works in private practise in Edinburgh and before that for many years in London. She teaches and supervises extensively and has been one of the teachers in the long standing Kleinian Seminar in Ukraine and more recently in Belarus.

This paper summarises the central importance of the concept of identification in Melanie Klein's work. For her, identifications are formed by the processes of introjection and projection, which are extensively studied in any psychoanalytic treatment. The nature of unconscious identifications that emerge in treatment may help us understand something of the formation of a personal identity, as opposed to an identity that is defined by external attributes. Two contrasting clinical situations are described, one where identifications are hard, concrete and fixed, leading to the formation of an "identificate", as opposed to a true internal object, and another where identifications are more flexible and there is a capacity for empathy, the development of true internal objects and the enrichment of the ego and sense of self.

Keywords: Identity, Identification, Identificate, Internal Objects, Projective Identification, Introjective identification, Projection, Introjection, Mourning, Paranoid Schizoid position, Depressive position, Self, Personality.

«Я – не Я»: отождествление, разотождествление и собирание себя. Заметки на полях статьи Энн Эмос

И.Ю. Романов

Романов Игорь Юрьевич – обучающий психоаналитик Украинского психоаналитического общества (стади-группы Международной психоаналитической ассоциации), психолог, кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и практической философии имени профессора И.Б. Шада философского факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. Редактор и составитель сборника «Эра контрпереноса», редактор переводов книг М. Кляйн, Р. Хиншелвуда, Дж. Стайнера и др., руководитель Программы кляйнианских семинаров в Украине, проводимых при поддержке «Мелани Кляйн Троста».

Данная статья представляет собой размышления об идентичности и идентификации, вызванные прочтением статьи Энн Эмос «Идентификация и патологическая идентификация: влияние на развитие идентичности». Доклад Э. Эмос и мой содоклад – ранние версии публикуемых здесь статей – были представлены в феврале 2021 года на 33-м украинском Кляйнианском семинаре, проходящем при поддержке «Мелани Кляйн Троста». В статье затрагиваются темы различных форм идентификации, здоровой и патологической идентичности, клиническое применение кляйнианских теорий идентификации, а также некоторые философские аспекты темы идентичности в контексте определения целей психоанализа и его места в европейской философской традиции.

Ключевые слова: идентификация, идентичность, расщепление, проективная идентификация, самость, идентификат, зависть, деструктивность, психоанализ.

Прежде всего я хочу поблагодарить Энн Эмос за превосходную статью и возможность еще раз углубиться в одну из сложнейших психоаналитических тем – идентичности и идентификации. Статья Эмос охватывает широкий круг вопросов, предлагает внушительный обзор теоретических работ кляйнианских авторов, а также содержит иллюстративный клинический материал, ярко демонстрирующий полезность теорий

идентификации для клинического мышления. В своих комментариях я вынужденно коснусь лишь некоторых тем, представленных в докладе, а также выскажу несколько соображений по поводу клинических примеров. Своей задачей я вижу выделение вопросов для дискуссии и, возможно, некоторое расширение теоретического и философского контекста заявленных тем.

Мне бы хотелось начать с короткого философского экскурса. Тема идентичности имеет долгую историю в европейской философской традиции и культуре. По мнению некоторых исследователей, первым описанием тождества самосознания в европейской литературе является то место в «Одиссее» Гомера, где Цирцея превращает спутников Одиссея в свиней, но, как сказано в поэме, «нус [νοῦς – ум, самосознание] их остался прежним» (*Onians, quoted by Popper, Eccles, 1977, p. 155*). Искусство классической Греции многократно фиксирует этот переход от мифического мира превращений и «внешнего управления» («психических вторжений», по Додсу) к самосознанию, внутреннему диалогу и в конце концов к философскому тезису Сократа «сам человек – это его душа» (Романов, 2001). Трудно даже упомянуть всех философов, которые размышляли о данном предмете. Но стоит отметить, что в Новое время идея тождества Я = Я стала центральной для европейских мыслителей – от Декарта через Локка и Юма к Канту – и через него для всей немецкой классической философии. При этом положение Локка «тождество личности = тождество сознания = тождество мышления» с некоторыми дополнениями может быть отнесено ко всем философским рассуждениям об идентичности этого времени.

Психоанализ (хотя и не только он) радикально изменил взгляд на человеческую идентичность. С открытием бессознательного, а затем благодаря исследованиям «нашего наисобственнейшего Я» (Фрейд, «Разделение») его равенство себе было поставлено под вопрос. С полным основанием Фрейд назвал психоанализ «ударом по нарциссизму». Развивая фрейдовские идеи, М. Кляйн показывает, что наше Я изначально раздроблено и рассеяно, с трудом и постепенно приходит к единству (через параноидно-шизоидную позицию, преодолевая расщепления и проективные идентификации), и что его идентичность выстраивается на основе идентификаций с объектами в процессе скорби (на депрессивной позиции).

Сравним две цитаты: «...[М]ы можем предположить, что характер Я является осадком катексисов объектов, от которых пришлось отказаться, что он содержит историю этих объектных выборов» (Фрейд, «Я и Оно», с. 318). И: «Но что такое мы? Все, хорошее или плохое, через что мы прошли с самых ранних дней, все, что мы получили из внешнего мира, и все, что мы пережили во внутреннем мире, счастливые и несчастные события, отношение к людям, деятельность, интересы и самые разные мысли – то есть все, что мы пережили, – составляет часть нас самих и выстраивает нашу личность» (Кляйн, «Любовь», с. 249).

Эти высказывания при всей их кажущейся простоте скрывают в себе ряд сложных вопросов. Что такое фрейдовская «первичная идентификация» и отличается ли она от интроекции оставленного объекта и идентификации с ним? Подразумевала ли Кляйн что-то подобное, когда утверждала,

что процессы проекции/интроекции действуют с самого рождения? Как именно интроективные и проективные процессы влияют на финальный результат – выстроенную идентичность себя и другого (как внутреннего и внешнего объекта)? Каковы различия описанных Фрейдом клинических форм: истерической, нарциссической, меланхолической и других типов идентификаций?¹

Энн Эмос пишет: «В анализе у нас есть возможность работать с пациентами, чьи идентификации и дезидентификации выглядят закреплёнными и жесткими, и они часто убеждены в своей самодостаточности, отрицают свою зависимость и уязвимость; обвиняют других и убеждены в своем мировоззрении. ... На это можно смотреть с разных точек зрения. Мы можем изучать, как самость и объект относятся друг к другу, рассматривая, как действуют процессы проективной и интроективной идентификации (или проекции и интроекции), но также мы можем посмотреть на более статическую картину и увидеть, каким образом Эго или самость оставлены обедненными и истощенными, и в то же время увидеть нежелательные аспекты самости, которые спроецированы, чтобы от них отречься». Эмос называет «сбивающим с толку» использование терминов «проективная и интроективная идентификация» для описания их одновременного действия в некоторых патологических состояниях. При этом она использует работы Л. Сона, И. Содре, Р. Бриттона, которые при всех различиях словоупотребления описывают сходные механизмы и близкие эффекты: проекцию/эвакуацию уязвимых, нуждающихся, больных частей самости в объект (при отрицании значимости его контейнирующих способностей); интроекцию/присвоение его вызывающих восхищение качеств (восприятие которых окрашено завистливой проекцией); ригидное поддержание основанного на этом расщепления. Проективная идентификация здесь подразумевает дезидентификацию субъекта с частью своих переживаний и отождествление объекта с ними; а также противоположно направленные дезидентификацию объекта с вызывающими зависть качествами и их последующее присвоение. Результат как минимум двояк. Во-первых, «пустотность» идентификаций, образование специфической формации идентификата (*Sohn, 1985*). Во-вторых, ригидность возникающих разделений Я/другой, которые необходимо поддерживать во что бы то ни стало посредством повторяющихся усилий и разыгрываний. Важный момент, отмечаемый многими исследователями: то, что с субъективной точки зрения переживается как отношение с радикально иным объектом, для внешнего наблюдателя выглядит бесконечной серией отражений в нарциссических зеркалах (Романов, 2011).

¹ К сожалению, размышления Фрейда об идентификации разбросаны в разных работах и менялись в соответствии с изменениями его общих теоретических построений. Кляйн также не написала какого-либо законченного текста об идентификации (за исключением одной поздней статьи). Хорошим подспорьем могут служить реконструкции их взглядов, среди которых я бы упомянул работы Г. Этчегоена и Х. Аумады (*Etchegoyen, 1985; Ahumada, 1990*). В докладе Эмос представлен основательный обзор идей современных кляйнианских авторов по данной теме.

Важным теоретическим вопросом является отличие такого рода патологических процессов как от интроекции объекта скорби на депрессивной позиции, так и от «первичной» интроекции/идентификации с идеальным объектом на параноидно-шизоидной позиции. Кажется, первое провести проще, так как отсутствие амбивалентности, скорби, целостного восприятия объекта, переживания раздельности – довольно заметные явления. Но, как мне (и многим гораздо более авторитетным авторам) кажется, здесь можно обнаружить отличия и от более примитивных процессов, описанных Фрейдом и Кляйн: «Все хорошее хочу принять внутрь – все плохое вытолкнуть в другого». Заключаются эти отличия в спутанности хорошего и плохого, субъекта и объекта, от которой призваны защитить ригидные патологические разделения (Стайнер, 2013, с. 175–176), а также в нарушении благоприятного цикла «удовлетворение – благодарность – идентификация с дающим объектом» и замене его порочным кругом «фрустрация – проекция нужды – захват роли всемогущего, дающего (ненуждающегося) объекта» (Spillius, 2007). Если же задуматься о факторах, обуславливающих такое движение в порочном круге, сложно обойти вечную проблему комбинации фрустрации и зависти (или иной формы врожденной готовности к деструктивной реакции).

Так, Г. Этчегоен пишет: «Лично я полагаю, что первые интроекции связаны отнюдь не со скорбью, но с примитивными механизмами, оспаривающими полярность субъекта и объекта и, как я понимаю, в качестве стартовой точки имеющими зависть. ...[З]ависть не терпит присутствия объекта, которого в то же время ищет либидо, и именно в этой диалектической отправной точке возникают в одно и то же время как объектные отношения, так и самые архаические процессы идентификации. ...[М]ы тогда лучше способны понять радикальную и неразрешимую проблему, которая ведет нас к желанию быть объектом и в то же самое время обладать им» (Etchegoyen, 1985, p. 14).

Это рассуждение напоминает мне дискуссию о драме Шекспира «Отелло» (Campbell et al., 2010), в ходе которой Д. Белл и И. Содре обращают внимание на «нигилистическое» самоопределение Яго: «Я – не я». Это избегание определенной идентичности, манипулирование другими с целью эвакуации своих невыносимых чувств и разрушения чужих достоинств характеризуют тип завистливой атаки Яго и – некий тип проективной идентификации, который Р. Бриттон называет «атрибутивной»: «ты есть я» (Britton, 2003). Он противопоставлен другому типу, о котором скорее пишет Этчегоен, когда все хорошее в объекте мгновенно присваивается: «я есть ты». Эти процессы, как отмечает Содре, чаще всего действуют одновременно и параллельно, препятствуют более естественной «ассимиляции» (Heimann, 1942) интроецируемого опыта и скорее способствуя установлению уже упомянутого «идентификата»².

² Интересно подумать, насколько подобные описания противоречат позднему определению Фрейдом идентификации как проявления связующей силы Эроса. Возможно, это противоречие устраняется учетом функции дезидентификации во всех описываемых процессах (Фрейд, «Психология»).

Все эти модели значимы постольку, поскольку могут помочь нам распутывать сложные клубки идентификаций наших пациентов, распознавать их превращения в не-себя и помогать им «прийти в себя». И здесь я хотел бы кратко обратиться к клиническим примерам из доклада Энн Эмос, которые превосходно иллюстрируют ее использование этих сложных теоретических конструкций. В первом случае пациент А, как отмечает автор, ригидно «слит» с аналитиком как с преследующей фигурой (как и с фигурами из своего прошлого и из внутреннего мира – тиранозавром рексом, отцом и т. д.), так что порой кажется совершенно невозможным найти концы и начала этих идентификаций, или, как в анекдоте, рассказанном И. Бренман Пик, понять, «кто первый ответил». Этот случай наводит на размышления о травматическом слиянии с жестокостью объектов (Болебер, 2019) или, в терминах Бренман Пик, об «удовольствии от передачи плохого обращения» (Бренман Пик, 2019). Во втором случае пациента Б идентификации гораздо более подвижны и напоминают скорее меланхолические идентификации в описании Фрейда и Абрахама. Пациент поочередно отождествлял себя с нерадивой матерью и мстящим ей ребенком, и его довольно жестокие атаки на себя в большей степени соответствуют нападениям на «тень объекта» в своем Я, «красной депрессии», по Содре (Sodre, 2005).

То, что поражает в обоих описанных случаях, – это бросающаяся в глаза жестокость, деструктивность и самодеструктивность пациентов. В какой мере она обусловлена внешним травматическим опытом, а в какой, напротив, является неким изначальным (врожденным) фактором, препятствующим благоприятным, питающим и оберегающим интроекциям? Скорее всего, на этот вопрос невозможно ответить в общем виде, и, как часто говорила Бетти Джозеф, его можно лишь исследовать в каждом конкретном случае. Однако у меня складывается впечатление, что ригидность патологических идентификаций без фактора внутренней деструктивности, как бы ее ни называть, объяснить довольно сложно.

Я хочу закончить эту статью несколькими соображениями о пользе размышлений об идентичности и идентификации в нашей каждодневной психоаналитической работе – практическими и снова-таки философскими. Мне кажется, вопрос, о котором мы часто забываем и который полезно себе задавать почаще, двойной. С кем мы разговариваем в данный момент сессии? И кем являемся мы, кто разговаривает с пациентом, с его точки зрения? Я могу вспомнить много примеров из своей практики, когда такие вопросы самому себе приводили к весьма неожиданным результатам. В частности, мне вспоминается пациентка, странный смех которой в ходе анализа оказался смехом ее прошлого психотерапевта, а последний воспринимался сквозь призму нарциссических проекций пациентки – как некто, способный смеяться над всеми человеческими слабостями. Как отмечал Л. Сон, идентификат склонен предъявлять себя всей личностью – в том числе самому субъекту. С другой стороны этого уравнения находимся мы, аналитики, склонные считать себя хорошими, понимающими и помогающими объектами, что может серьезно расходиться с восприятием нас

нашими пациентами. Это, по словам И. Бренман Пик, наша профессиональная болезнь, нуждающаяся в специальном лечении.

Вопрос об идентичности имеет отношение и к самой цели нашей аналитической деятельности. Мне нравится ее описание философом и психоаналитиком Джонатаном Лиром: «Безусловно, психоанализ уже научил нас, что мы должны ожидать: психическая интеграция будет импровизационной, иронической, синкопированной, джазовой и творческой. ... Мы не должны ожидать или хотеть "единства" марширующего оркестра» (*Lear*, 2014, p. 691)³. Действительно, сложный вопрос о смысле фрейдовского *Wo Es war, soll Ich werden* («Где было Оно, должно стать Я») многократно усложнился с открытием раздробленности Я, его способности к рассеянию, патологическим идентификациям и т. д. Заняты ли мы по-прежнему поиском подлинной идентичности, скрытой за фальшивыми напластованиями? Возвращаемся ли к древней идее «собираания себя»? Стремимся ли к расширению, усилению самости/Я или к ограничению ее/его притязаний (и в каком смысле)? Многие аналитики продолжают размышлять над этими вопросами. Например, М. Уэдделл, когда пишет: «Основной вопрос заключатся в том, как нам узнать, что служит основой официальной версии самости в самой самости?» (*Wadell*, 2011, p. 366). Или М. Бриерли, когда утверждает: «Наверное, нам нужно представить две версии самости, даже две самости: признавать нарциссическую самость, узкую, двумерную; но также и более широкую, более щедрую самость, большую самость, трехмерную, истинный субъект мыслей и чувств, самость, которая знает, что не знает себя вполне» (*Brierley*, 2018, p. 91). Сам процесс этого вопрошания важен, и его продолжение принципиально отличает психоаналитические размышления о человеческой идентичности от предшествующей философской борьбы за тождество личности через тождество сознания-мышления – от поиска «единства марширующего оркестра»⁴.

³ Блестящий пример процесса «иронического подрыва» в отношении конфликта женской/мужской идентичности приводится в другой статье Лира, об иронии. Пациентка, г-жа А., осознает некие «мужские» элементы своей идентичности, конфликтующие с ее представлением о себе как о женщине. Что может произойти дальше? «Отметим, что в том, что касается явных социальных проявлений, поведения или даже внутренних осознанных установок относительно собственной идентичности, не существует какого-то конкретного направления, в котором стоило бы двигаться человеку в положении г-жи А. Она может осознанно подтвердить саму форму своей осознанной практической идентичности и далее придерживаться общепринятого образа женственности, с которым она все время жила (но только теперь он будет сопровождаться ироническим чувством его возможностей); либо она может решить подчеркнуть более мальчишескую идентичность; или она может предпочесть игровую смесь; может решить, что она бисексуальна, транссексуальна, кроссгендерна, гомосексуальна – или начать гетеросексуальную жизнь заново. Точка зрения первого порядка на установление гендерной идентичности такова, что анализ не движется ни в каком конкретном направлении. Он просто способствует процессу, благодаря которому отсеченные части самости достигают речи» (*Lear*, 2011, p. 80–81).

⁴ Не менее сильно отличаются они и от современного релятивизма, подменяющего свободу выбора свободой покупателя на рынке идентичностей (*Bell*, 1999). Но это уже немного другой поворот данной обширной темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ahumada J.L.* (1990) On narcissistic identification and the shadow of the object. *Int. Rev. Psycho-Anal.* 17, 177–187.
2. *Bell D.* (1999) Introduction: Psychoanalysis, a body of knowledge of mind and human culture. In Bell D. (ed.) (1999) *Psychoanalysis and Culture. A Kleinian Perspective.* London, Tavistock, p. 1–26.
3. *Brearley M.* (2018) The sense of self: generosity or narrow-mindedness? In: Garvey P., Long K. (2018) *The Klein Tradition, Lines of Development – Evolution of Theory and Practice over the Decades.* Oxon, New York, Routledge, Ch. 5, p. 91–102.
4. *Britton R.* (2003) *Belief and Imagination. Exploration in Psychoanalysis.* Hove and New York: Brunner-Routledge.
5. *Campbell D., Bell D., Beale S.R., Hands T., Sodre I.* (2010) *Iago: Shakespeare's Characters on the Couch: DVD.* Institute of Psychoanalysis, London.
6. *Etchegoyen R.H.* (1985) Identification and its Vicissitudes. *International Journal of Psycho-Analysis*, 66:3–18.
7. *Heimann P.* (1942) A Contribution to the Problem of Sublimation and its Relation to Processes of Internalization. *Int. J. Psycho-Anal.*, 23:8–17.
8. *Lear J.* (2011) *Ironic Soul.* In Lear J. (2011) *A Case for Irony. The Tanner Lectures on Human Values.* (With Commentary by Cora Diamond, Christine M. Korsgaard, Richard Moran, Robert A. Paul). Harvard University Press Cambridge, Massachusetts, and London, England, p. 42–71.
9. *Lear J.* (2014) *Wisdom Won from Illness: The Psychoanalytic Grasp of Human Being* *International Journal of Psycho-Analysis*, 95(4):677–693.
10. *Popper K.R., Eccles J.G.* (1977) *The self and its brain: An argument for interactionism.* Springer-Verlag, Berlin, London, New York.
11. *Sodre I.* (1995) Who's who? Notes on pathological identifications. In Sodre, I. (2015) *Imaginary Existences. A Psychoanalytic Exploration of Phantasy, Fiction, Dreams and Daydreams.* London, New York, Routledge, p. 41–55.
12. *Sodre I.* (2005) The wound, the blow and the shadow of the object: notes on Freud's "Mourning and Melancholia". In: R.J. Perelberg, *Freud: A Modern Reader.* London: Whurr, p. 124–141.
13. *Sohn L.* (1985) Narcissistic Organization, Projective Identification, and the Formation of the Identificate. *International Journal of Psycho-Analysis*, 66:201–213.
14. *Spillius E.* (2007) Varieties of envious experience. In: Spillius E. (2007) *Encounters with Melanie Klein. Selected papers of Elizabeth Spillius.* London, Routledge, p. 140–162.
15. *Waddell M.* (2011) From resemblance to identity: the internal narrative of fifty-minute hour. In Mowson C. (ed.) (2011) *Bion Today.* London, New York, Routledge, p. 366–380.
16. *Болебер В.* (2020) Воспоминание, травма и коллективная память: Битва за память в психоанализе // <http://psychoanalysisikharkov.com/воспоминание-травма-и-коллективная-п/>.

17. *Бренман Пик И.* (2019) Лики травмы: между личностным и социальным. «Удовольствие» передавать плохое обращение // <http://psychoanalysiskharkov.com/лики-травмы-между-личностным-и-социал/>.
18. *Доддс Э.Р.* Греки и иррациональное. СПб.: Алетейя, 2000.
19. *Кляйн М.* Заметки о некоторых шизоидных механизмах // Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001.
20. *Кляйн М.* Любовь, вина и репарация // Кляйн М. Психоаналитические труды: в 6 т. Т. 2: «Любовь вина и репарация» и другие работы 1929–1940 годов. Ижевск: ERGO, 2007.
21. *Романов И.Ю.* «Забота о душе» в исторической перспективе // Вторая навигация / сост. М.А Блюменкранц. М.: Весть-Вимо, 2001, с. 124–154.
22. *Романов И.Ю.* Ненависть к чужому: понимание нарциссизма в кляйнианской традиции // Психоаналитический вестник, Т. 22, №1, 2011, М.: РПО, с. 70–84.
23. *Стайнер Дж.* Психические убежища. Патологические организации у психотических, невротических и пограничных пациентов. М.: Когито-Центр, 2013.
24. *Фрейд З.* Психология масс и анализ Я // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. Вопросы общества. Происхождение религии. М.: ООО «Фирма СТД», 2007.
25. *Фрейд З.* Разделение психической личности // Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989. С. 288
26. *Фрейд З.* Я и Оно // Фрейд З. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006.

"I am not what I am": identification, desidentification and self-gathering.

Notes on Anne Amos' paper

I. Y. Romanov

Romanov Igor Yurievitch, a training analyst of Ukrainian Psychoanalytic Society (IPA study-group), psychologist, Ph.D., Associate Professor of J.B. Shadt department of theoretical and practical philosophy of V.N. Karazin Kharkiv National University philosophical faculty. An editor of "Era of countertransference", an editor of translation of M. Klein, R. Hinshelwood's, J. Steiner's and other books, a Head of Ukrainian Kleinian seminars program, supported by Melanie Klein Trust.

The paper presents some reflections about identity and identification evoked by reading Anne Amos' paper "Identification and pathological identification: implications for the development of identity". Both papers were presented in early versions on 33-th Ukrainian Kleinian Seminar, supported by Melanie Klein Trust, in February 2021. In the paper investigated the issues of different forms of identification, pathologic and healthy identity, clinical application of Kleinian theories of identification, and some philosophical aspects of identity topic in the context of definition of psychoanalysis aim and its place in European philosophical tradition.

Keywords: identification, identity, self, identificate, splitting, projective identification, envy, destructiveness, psychoanalysis.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МАТТЕ-БЛАНКО

Модель психического пространства Матте-Бланко – взгляд с позиции когнитивных вариаций на внутренний мир клиента и взаимодействие психоаналитической пары

Е.В. Олесова

Олесова Екатерина Вячеславовна – психолог, психотерапевт, психоаналитически ориентированный бизнес-консультант; преподаватель и супервизор магистерской программы «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ ВШЭ; член совета и сертифицированный коуч Ассоциации психоаналитического коучинга и бизнес-консультирования (АПКБК).

В статье подробно освещены новаторские взгляды чилийского психоаналитика Игнасио Матте-Бланко. Матте-Бланко подходит к психоанализу не с точки зрения психодинамики, а с позиции исследования когниции, и предлагает нам взглянуть на внутренний мир человека, а также на взаимодействие двух внутренних миров в психоаналитической паре «аналитик-клиент» с точки зрения вариаций мышления. Опираясь на математическую теорию, Матте-Бланко вводит в психоанализ понятия асимметричной и симметричной логик (мышления), а также их совмещения – би-логического мышления. Опираясь на эти три модальности мышления, которые в разнообразных пропорциях представлены в психике человека, он описывает психику как стратифицированную (многослойную) структуру с неограниченным количеством уровней.

Матте-Бланко опирается на теорию бессознательного З. Фрейда. На взгляд автора статьи, концепцию Матте-Бланко можно сопоставить и с топографической моделью Фрейда – для лучшего понимания течения психоаналитической сессии, процесса анализа, а также найти нужную степень вовлеченности во взаимодействие аналитической пары в конкретном моменте. Данная статья является лишь началом погружения во множественные взгляды Матте-Бланко и подразумевает продолжение в виде последующих статей, раскрывающих феномены фундаментальной антиномии, многомерности психического пространства и др., которые позволяют по-иному взглянуть на привычное видение многих психоаналитических феноменов.

Ключевые слова: бессознательное, мышление, асимметричная логика, симметричная логика, принцип симметрии, би-логика, стратифицированная структура внутреннего мира.

Психологическая практика сложна и многогранна, как и сама психология. В процессе собственной практики, которая насчитывает более 20 лет, я часто задавалась одним и тем же вопросом – что происходит внутри самой работы между психологом и клиентом, что происходит на сессии в незримом потоке разворачивающегося вербального и невербального общения? Что на самом деле ведет человека к избавлению от симптомов, облегчению боли, а также восстановлению ресурсов, целеполаганию, укреплению ценностей, свободе и ответственности?

При работе в интегративном подходе (по большей части когнитивно-бихевиоральном) ответы наиболее очевидны и исходят из информационного поля рационального диалога, направленных бесед, вплоть до прямых советов и рекомендаций. Здесь все казалось просто, но однозначно недостающим. Недоставало глубины затрагивания, касания, проникновения. Информационное поле было как некий третий, которого мы сформировали, и он теперь живет за клиента ровно в той части запроса, что был им вынесен. И как только его границы закончатся – проблема выступает с новой силой и... со старым своим замыслом. Запускается новый круг – с другими персонажами внешней жизни и обстановкой, но с прежними смыслами, которые так и оставались не видны.

Что же существует еще в пространстве психологической сессии, кроме непосредственно вербальной и невербальной коммуникации? Где та самая глубина проникновения? Ответ лежит в психоанализе, в поле глубинной психологии – в тайнах бессознательного, которые завуалированно раскрываются внутри каждой сессии, в каждой ее минуте, в каждой строке услышанного «текста», обрамленного часто сырыми эмоциями очень разной глубины возникновения. Иногда ты «видишь» дух сессии, складывающуюся в пространстве и времени матрицу, состоящую из разных слоев, подсвеченную разным цветом и переливающуюся оттенками эмоций. Там есть и ключ к разгадке того самого замысла, который так и рвется быть осознанным, но защищающим себя от неразумной трактовки. Нечто скрытое за тысячами слов о другом...

Понимая это, гораздо легче плыть по течению потока жизни и судьбы своего клиента, путешествовать вместе с ним по тайным закоулкам его природы, разгадывать вместе с ним это замысловатый квест.

Итак, перед нами та самая таинственная и многосложная психоаналитическая сессия, со своими границами, правилами и основами. Они создают структуру. Но что же разворачивается в «женском» поле взаимодействия – чувственном и часто пугающем, не структурированном, а больше похожем на танец с постоянно меняющейся музыкой и ритмом. Но – с одной пульсацией, которая еле слышна, но она однозначна, постоянна, где удары одни и те же, как братья-близнецы. И ты видишь структуру в этом «женском» поле коммуникации, которую нужно символизировать, а значит, понять.

Как все это описать – эту многогранность, четкую логичную последовательность происходящего на сессии на фоне часто видимого только хаоса происходящего? И привести к научной мысли, научному методу. Как разложить психоаналитическую сессию на некоторые смысловые отрезки,

этапы, громы и молнии, время тишины и время бурных необузданных страстей – как увидеть бессознательное сессии? Разложить сессию на части, расколоть, как лед (как расколото и наше бессознательное), чтобы затем сложить в нечто новое целое. На что обратить внимание, с какой стороны посмотреть и как? Чтобы вопросов к тому, что же происходит на психоаналитической сессии, внутри психоаналитической пары между аналитиком и клиентом, стало хотя бы немного меньше.

Психология, долгое время не считавшаяся в полной мере наукой, лишь на рубеже XIX–XX веков вместе с другими гуманитарными дисциплинами приобрела этот статус. Немалый вклад в это научное признание внес З. Фрейд, стараясь максимально объективизировать данные о психике, введя понятие и создав модель психического аппарата. Его последователи настолько дополнили его учение, что, отталкиваясь от двух моделей психического аппарата (топографической и структурной), сгенерировали свои абсолютно разные умозаключения, каждое из которых по-своему справедливо и научно обоснованно.

Эти взгляды распространены и довольно известны. Но есть и малоизученные. В качестве таких пока еще не столь известных работ привожу мое понимание взглядов чилийского психоаналитика Игнасио Матте-Бланко, которые интересным образом перекликаются со взглядами французских психоаналитиков современной школы – Рене Руссийона и Мишеля де М'Юзана – и также соотносятся с видением психоаналитической сессии Уилфреда Биона.

Цель данной статьи – начало знакомства с мышлением и предложенной концептуализацией Матте-Бланко. С последующим продолжением, в том числе с апробацией этого видения в практической психоаналитически направленной работе с клиентами.

Итак, у практикующих психоаналитиков и психоаналитически ориентированных специалистов всегда стоит одна задача – по возможности что-то увидеть яснее и лучше понять. Хотя и не все с этим согласны... Блон в одной из последних своих работ писал, что его мечтой является написать книгу, «полностью лишенную здравого смысла», так как любой ответ – это беда вопроса и только лишь способ положить конец нашему любопытству. Кто хочет найти ответ, должен искать его в собственной интуиции, опираясь на собственное понимание и мудрость. Что же до последнего, то мудрость, как он считал, – это соединение эмоций и мышления, – насколько их возможно соединить...

Но... это всего лишь емкие слова. Как их понять с более прикладной точки зрения, то есть с позиции подхода к человеку на сессии, в психоаналитическом процессе? Уилфред Блон и Игнасио Матте-Бланко, будучи современниками, дополнили и были во многом созвучны друг с другом, хотя и ни разу не встречались за свою профессиональную жизнь. Дочь Биона, Партенопе Блон Таламо, защищая свою диссертацию, опираясь и раскрывая взгляды Матте-Бланко, заключала в своей работе: «Понять моего отца, что он имел в виду в своих сложных для прочтения и понимания работах, возможно, только изучив труды Матте-Бланко».

Игнасио Матте-Бланко – чилийский психоаналитик (1908–1995), которого можно назвать пионером когнитивного способа понимания клинической ситуации. У его взгляда есть даже последователи из других наук – физики, математики, кибернетики, математической философии, нейробиологии, теологии и лингвистики. Хотя он, будучи первоначально психиатром, был «чистым» психоаналитиком, поклонником и последователем Фрейда и... конечно же, как и многие латиноамериканские аналитики, кляйнианцем. Последний парадокс таковым не является, если посмотреть на него не с точки зрения частых (даже постоянных) дискуссий двух школ, сколько с позиции «разветвления» течений, проистекающих из одного источника. Одна и та же фрейдистская мысль, обновленная новым воззрением, приобретает как будто новое понимание. А при внимательном и глубоком, неконкурентном видении – эти взгляды лишь дополняют друг друга.

Зигмунд Фрейд построил свою теорию, опираясь на психодинамический принцип, отвечающий на вопросы «куда?», «откуда?», «что это?», «когда?» и т. п., но, следует отметить, совсем мало затрагивал вопрос мышления как такового – как мы что-то познаем, каков механизм этого познания внутри и на службе психоанализа. Матте-Бланко подошел к психоанализу как к исследованию когниции и, соответственно, предложил нам взглянуть на внутренний мир человека, а также на взаимодействие двух внутренних миров в психоаналитической паре сессии с точки зрения вариаций мышления. Основой он положил исследования Фрейда о бессознательном, опираясь на выделенные последним характеристики бессознательного, описанные в «Психологии бессознательного» и «Толковании сновидений». В частности, в «Психологии бессознательного»:

1. Отсутствие взаимного противоречия и отрицания.
 2. Перемещение.
 3. Конденсация.
 4. Безвременье.
 5. Замена внешней реальности внутренней.
- В «Толковании сновидений»:
6. Совместное присутствие противоречий.
 7. Чередование между отсутствием и наличием временной последовательности.
 8. Логическая связь, воспроизводимая как одновременность во времени.
 9. Причинность как последовательность.
 10. Эквивалентность-идентичность и сочетание альтернатив.
 11. Сходство.
 12. Совместное присутствие в сновидениях мышления и не-мышления.
 13. Глубокая дезорганизация структуры мышления.

Матте-Бланко переформулировал фрейдистское бессознательное, и особенно интересно, на мой взгляд, в своей трактовке первых пяти пунктов, а также п. 12, где он продолжил исследование происходящего в

сновидениях с позиции многомерности пространства внутреннего мира. Но об этом – в следующих статьях как углублении в данную концептуализацию. В этой статье я хочу остановиться на основной когнитивной модели, предложенной Матте-Бланко и позволяющей увидеть происходящее на сессии (как вне ее в обыденной жизни) несколько иным взглядом.

Вернемся к вышеописанным характеристикам бессознательного Фрейдом и проследим, как развивалась мысль Матте-Бланко в новую концептуализацию.

В своих работах Матте-Бланко показывает, что бессознательное, описанное Фрейдом, представляет собой смесь нормального мышления и того, что он назвал характеристиками бессознательного. Он считает, что речь идет прежде всего о первых пяти характеристиках. Затем они по-разному проявляются в остальных восьми характеристиках, являющихся смесями этих пяти друг в друге (*Rayner, 2003*).

Однако одна черта кажется общей для всех 13 характеристик – бессознательная сущность объединяет вещи, которые для обычного мышления различны и отделены. Отсутствие противоречия объединяет вещи, совершенно отличные друг от друга в обычном мышлении – когда то, что утверждается, то и отрицается. Смещение и конденсация делают то же самое в отношении пространственных аспектов, где также отсутствует возможность противоречия. Это отождествление-объединение, как уже было показано, приводит к размыванию. Безвременье устраняет различие между мгновениями. Отсутствие разделения между психической и внешней реальностью приводит к тому, что материальная реальность и психическая реальность становятся одним и тем же.

Совместное присутствие противоречий имеет тот же эффект, в то время как чередование между отсутствием и присутствием временной последовательности приводит к объединению временности и безвременья. Характеристика, в которой логические связи воспроизводятся как одновременность во времени, связывает понятие времени с понятием логической связи. Причинность как последовательность соединяет и делает идентичными альтернативы. Эквивалентность-идентичность и соединение альтернатив явно игнорируют различия между противоположностями и противоречиями. Сходство может объединять несовместимые вещи, а совместное присутствие в бессознательном (по аналогу сновидений) мышления и не-мышления приближается к непостижимому так, что мышление и не-мышление становятся одинаковыми.

И, наконец, глубокая дезорганизация структуры мышления рано или поздно приводит к смешению всего со всем остальным (*Matte-Blanco, 1988*).

Исторически сложилось так, что большинство усилий человечества думать, понимать и знать мир опирались на приобретение и развитие того, что стало называться разумом. Эпоха Просвещения, позитивизм в науке сделали свое дело, вытеснив все нелогичное и непознанное за рамки возможного. Но о чем тогда говорил Паскаль в своих «Мыслях»: "Le coeur a ses raisons que la raison ne connaît point" («Сердце имеет свои причины, о которых разум не знает»). О чем говорил И. Кант, утверждая, что

науке (логичному) мы можем отдать максимум 80% всего существующего, а 20% необходимо отдать в область метафизики, непознанного, «где даже не стоит пытаться понять».

Спустя столетие после Канта Фрейд говорит о бессознательном как о том, что не соответствует известным логическим правилам, особенно принципу противоречия (если А больше В, то В меньше А). У этого бессознательного ума должна быть своя система правил, иначе сны, например, никогда не будут иметь смысла. Бессознательное должно иметь свой собственный способ мышления. По мнению Матте-Бланко, на этом Фрейд остановился и не развил дальше свою мысль. На рубеже XIX–XX веков, когда Фрейд думал о бессознательном, выдающиеся математики изучали понятия бесконечности и множества. Матте-Бланко в своей концептуализации пришел к идее объединения этих взглядов и умозаключений – используя некоторые элементарные математические понятия, ставшие общеизвестными со времен Фрейда, он предложил радикальное переформулирование характеристик системы бессознательного и далее – понимание внутреннего мира человека как многослойной (стратифицированной) структуры с разными типами мышления на разных уровнях (стратах).

Здесь важно повторить и понять одно: Матте-Бланко начинает свою задачу с использования совершенно иной концептуальной основы, чем Фрейд. Фрейд развивал свои идеи среди прочего вокруг основной идеи разума как *динамического* – наличие импульсов, инстинктов, побуждений, желаний, которые, конечно, могут конфликтовать друг с другом. Матте-Бланко никоим образом не противоречит этому, но он начинает – совершенно намеренно – с другой концептуальной структуры. Он рассматривает ум не только как динамический, но и как *дискриминатор* и *классификатор*. Математическая теория множеств является его основным концептуальным фоном. Теперь идея набора очень проста. *Набор* – это коллекция любого вида; он может содержать любой элемент или бесконечное число. Когда у нас есть набор вещей, которые имеют общий атрибут или характеристику, у нас есть то, что большинство людей называют классом. Матте-Бланко ясно дает понять, что человеческий разум ежесекундно осуществляет классификационную деятельность; он формирует множества. Это постоянно продолжается, и за счет этого осуществляется жизнедеятельность.

Поэтому, изучая дальше взгляды Матте-Бланко, необходимо начать думать с точки зрения классификации и наборов. Этот взгляд отличается от обычного психоаналитического способа концептуализации, но именно в этом и заключается подход Матте-Бланко.

Итак, Матте-Бланко начинает с утверждения, что вся обычная или логическая, т. е. бивалентная мыслительная деятельность имеет дело с комбинациями триад. Наш ум всегда признает и оперирует следующим: один объект, другой объект и отношение между ними. Огромное множество (потенциально бесконечное) таких триад является отправной точкой, из которой строятся мышление и вся научная логика. И далее Матте-Бланко вводит основополагающие понятия его концепции: понятия асимметричной

и симметричной логики, а также их сочетание в особый вид логики, которую он назвал би-логикой.

Начнем с *асимметричных отношений* внутри мыслительной триады и, соответственно, характеристик асимметричной логики. Асимметрия мышления каждую секунду изобилует сознательной мыслью. Например: я читаю эту книгу; Сергей – отец Александра; шкаф находится с правой стороны стены; А является частью В; я являюсь членом Международной психоаналитической ассоциации.

Во всем этом есть отношение (данное глаголом) между субъектом и объектом или двумя объектами. Более того, мы обнаруживаем, что *обратное отношение между этими объектами не идентично ему*. Именно поэтому его называют асимметричным. Таким образом, если мы обратимся к первому примеру – «я читаю эту книгу», мы обнаружим, что есть два нечто: «я» и «эта книга»; и одно отношение: «читать». Обратите внимание, что нечто, называемое «Я», идет первым или находится слева от предложения, а нечто еще, называемое «эта книга», – на втором месте. Если мы изменим порядок этих вещей, то новое предложение не будет иметь смысла (или будет иметь совсем другой смысл), если мы не изменим отношение. Поэтому мы могли бы сказать: «эта книга прочитана мной», но не «эта книга читает меня». Другие предложения также являются примерами асимметричных отношений. Если мы изменим порядок вещей в этих случаях, то отношения также должны быть изменены, чтобы иметь смысл, например: «Александр – сын Сергея»; «стена имеет шкаф с правой стороны»; «В имеет А» и т. д.

Однако существуют некоторые отношения, обратные которым всегда одинаковы в предложенном соотношении. Они называются *симметричными* отношениями. Например, «А тождественно В», «Иван отличается от Петра», «Сергей – брат Александра». Когда эти объекты меняются местами, смысл остается прежним. Некоторые другие отношения, такие как отношения между братьями и сестрами, иногда обратимы, а иногда нет. Например, отношение «Сергей – брат Александра» обратимо, но отношение «Сергей – брат Елены» – нет.

Обсуждая идеи Фрейда о мышлении в бессознательном, Матте-Бланко приходит к выводу, что обычное мышление имеет дело только с объектами, которые некоторым образом отличаются друг от друга, и с отношениями, существующими между такими объектами. Это – асимметричные отношения. Посредством исследования характеристик бессознательного Фрейд ясно дал понять в своих работах, что мышление такого рода сохраняется в бессознательных процессах, но также сопровождается чем-то, что не является мышлением такого рода. В своей первой книге «Бессознательное как бесконечное множество» (Matte-Blanco, 1975) Матте-Бланко выдвигает идею, что фундаментальное открытие Фрейда было не характеристиками бессознательного как такового, а *симметричной формой логики*. Фрейд, конечно, не прямо излагал принципы симметричной логики, но, по мнению Матте-Бланко, его аргументы основывались на каком-то имплицитном понятии такого рода. В любом случае Матте-Бланко демонстрирует, что наряду с бивалентной (асимметричной)

логикой симметрия объединяет несовместимое (т. е. не-мышление) и является фундаментальным объяснением многих характеристик бессознательного.

Симметричная логика является свободным общим описанием, используемым Матте-Бланко для обозначения логической операции, управляемой частично тем, что он называет *принципом симметрии (PS)*. Этот принцип гласит, что всякий раз, когда кто-то или что-то – назовем его или ее «А» – имеет определенное отношение к кому-то, то это второе (мы можем назвать его «В») может иметь такое же отношение к «А». Это уже было упомянуто – в обычном логическом мышлении симметричные отношения обычно считаются применимыми к ограниченному числу определенных ситуаций, таких как отношения между двумя братьями. Но здесь речь идет о применении принципа симметрии к *любому* отношению, которое только есть. Возьмем, к примеру, утверждение «Мария – мать Анны», и если действует принцип симметрии, то это то же самое, что «Анна – мать Марии». И тут, как Алиса в Стране чудес, мы оказываемся на совершенно незнакомой территории. *Матте-Бланко считает, что именно на этой территории обитает бессознательное (Matte-Blanco, 1988).*

Далее он рассматривает некоторые важные следствия принципа симметрии. Исходя из них, он выдвигает свое основное утверждение о том, что действие логики, основанной на принципе симметрии, действительно является определяющей характеристикой бессознательного в том виде, в каком его сформулировал Фрейд. Начнем с того, что принцип симметрии несовместим с понятиями времени, пространства и движения. Это связано с тем, что этот принцип несовместим с тем, что математики называют понятием *полного порядка*. Иными словами, *бессознательное, используя симметричную логику, часто обращается к обратному любого отношения как идентичному ему; оно рассматривает асимметричные отношения как симметричные.*

То, как бессознательное справляется с асимметричными отношениями, очень важно для понимания основ этой концептуализации и применения этого знания на практике. Поэтому необходимо сделать на этом акцент и полностью ознакомиться с тем, что подразумевается под процессом симметризации. На первый взгляд этот подход кажется не столь важным. Но если перейти к сфере *эмоциональных* отношений, то станет ясно, что Матте-Бланко осветил нечто очень значимое и часто наблюдаемое в практике и повседневной жизни.

Возьмем общий пример. Давайте сделаем предложение, используя асимметричное отношение, скажем: «А дает что-то хорошее В». Это связано с асимметричным отношением, обратное которому «дается» не то же самое, что «дает» (исходное отношение). Но если бы после первоначального различения мы невольно «скатились» к симметризации, то подумали бы: «А дает что-то хорошее В», а «В дает что-то хорошее А». Обычно это ошибочная логика, *но в эмоциональных переживаниях это можно встретить часто.* Например, пациент может легко почувствовать: «Мой аналитик дает мне что-то хорошее; я должен быть хорошим пациентом (давать ему что-то хорошее)». То же самое часто наблюдается в отношении

ребенка, который чувствует: «Моя мать любит меня, и я люблю ее». Эта симметризация также применима и к негативным чувствам: «Он ненавидит меня, я ненавижу его».

Можно расширить этот аргумент – например, идеей о том, что если принцип симметрии применяется к понятию времени, то оно рушится. Если мгновение А предшествует мгновению В, а принцип симметрии выполняется, то В предшествует А. Поскольку понятие времени есть понятие порядка (полного порядка), вызываемого последовательностью мгновений, в котором каждое мгновение либо предшествует, либо следует за любым другим данным мгновением (асимметричное отношение), то *если имеет место принцип симметрии, мы не можем построить последовательность времени. Мы сталкиваемся с безвременьем.*

Принцип симметрии также несовместим с понятием пространства. Если точка А в пространстве предшествует точке В, а принцип симметрии выполняется, то В также предшествует А. Как и в случае времени, в таком случае пространство, требующее понятия последовательности точек, исчезает – возникает беспространственность. Более того, если пространство и время исчезают, когда принцип симметрии имеет место, то движение, являющееся смещением, которое происходит во времени, также должно исчезнуть. Еще более радикально в соответствии с принципом симметрии *любой процесс исчезает.*

Есть еще одно следствие действия принципа симметрии. Когда оно присутствует, *часть равна целому и поэтому неотличима от него.* Матте-Бланко считает, что это второе следствие принципа симметрии является наиболее важным, потому что уравнивание – то есть симметризация отношений – между частью и целым любого объекта часто наблюдается как в клинической практике, так и в обычной жизни, и это показывают следующие примеры, приведенные Матте-Бланко.

В сознательной логике принято считать, что пенис является частью тела в определенном месте. Но в сновидениях и психозах довольно часто случается, что пенис, все тело и Я недифференцированы. В приглушенной форме это распространено и в неврозах, а также уравнивание части и целого очень заметно в ругательствах и сленге (Rayner, 2003).

Далее рассмотрим вместе с Матте-Бланко совокупность всех человеческих матерей – прошлых, настоящих и будущих – и рассмотрим конкретную мать, скажем, миссис Мэри Хиггинс (пример Матте-Бланко). Ее можно назвать элементом или, более свободно, частью этого набора. Если принцип симметрии выполняется в этом наборе, то набор является элементом или частью миссис Мэри Хиггинс. Однако, как мы только что утверждали, с этой симметризацией множество и части идентичны друг другу. Так как это тождество должно иметь место и для любой другой матери и принимая во внимание, что две вещи, идентичные третьей, даже в бивалентной (асимметричной) логике идентичны друг другу, то отсюда следует, что там, где есть принцип симметрии, любая мать идентична любой другой матери и всей группе матерей. Таким образом, всякий раз, когда мы рассматриваем любую из них, мы рассматриваем их целиком.

Что-то вроде этого происходит, когда мы диффузно испытываем чувство материнства в общем.

Набор человеческих матерей можно определить в терминах бивалентного логического мышления как набор всех женщин, родивших ребенка. Если применяется принцип симметрии, мы можем сказать, что этот набор может стать симметричным, и тогда все матери станут рассматриваться как идентичные друг другу. Поскольку элементы или части становятся неотличимыми друг от друга и от всего множества, мы можем также сказать, что множество становится *гомогенизированным*.

Когда такая гомогенизация происходит в уме, тогда для переживающего каждая мать становится такой же, как любая другая мать, и такой же, как весь класс. И в этих обстоятельствах, возможно, ощущается лишь *смутное чувство материнства*. В таком случае Матте-Бланко считает, что у нас есть новый тип *смешанной* логики. *Само множество определяется в терминах асимметричной логики, но характеристики «внутри» множества, т. е. все элементы, содержащиеся в нем, управляются принципом симметрии*. И здесь мы имеем любопытную комбинацию нормальной (асимметричной) логики и принципа симметрии, который действует, чтобы растворить – объединить – идентифицировать все понятия. И это уже не симметричная логика только – это смесь логик, которую Матте-Бланко назвал *би-логикой* (Matte-Blanco, 1988).

Концепция симметризации настолько важна в концепции Матте-Бланко, что следует еще раз повторить и подчеркнуть ее значение. Когда происходит симметризация внутри определенной категории или класса эквивалентности, отдельные «вещи» или элементы, собранные вместе некоторой мыслью (пропозициональной функцией или контекстом), которая рассматривает их как нечто общее, *становятся одинаковыми во всех отношениях*. Обычное асимметричное мышление означает, что мы регулярно и обычно формируем классы эквивалентности – богатые, бедные, высокие, злые, опасные – для категоризации людей или вещей. С симметризацией различия внутри класса – более или менее богатые и так далее – устраняются. Любой, принадлежащий к тому же классу, становится представлен как один и тот же.

Матте-Бланко предполагает довольно ясно, что психоанализ предусмотрел симметризацию, подобную описанной, с самого начала, только не явно. Он приводит пример, когда говорят о пациенте, завидующем груди. Однако, когда мы делаем это, мы не имеем в виду конкретно зависть, скажем, к правой или левой груди какой-либо женщины, но зависть ко всем грудям всех женщин – зависть к груди. Люди исчезли, и единственное, что осталось, – это грудь, и не только физическая, но и психологическая. Матте-Бланко описал бы замену определенной, осязаемой груди концепцией «грудности» (как включающей и равной всем грудям) как типичную симметризацию.

Мы только что сказали, что грудь, которую мы рассматриваем в психоанализе, – это не конкретная грудь, а «грудь». В более общих чертах симметризация любого множества влечет за собой исчезновение отдельных элементов множества и замену их самим понятием. Это понятие

становится «воплощенным» в элементах набора: материнство, отцовство, добро, зло, красота, дверь, кресло, интеллект и т. д. Установление понятий «груди», добра, зла и т. д. не обязательно, как мы уже отмечали, нарушает законы научной или бивалентной логики. Но совсем другое, когда индивид отождествляет что-либо со всей совокупностью и, следовательно, со всеми другими элементами, так что каждая мать, например, может ощущаться не только как она сама, но также и как любая мать и даже как материнство. Это производное симметричной логики постоянно используется в психоанализе, но неявным и довольно запутанным способом, который может привести к непониманию и путанице (Rayner, 2003).

Представляется, что некоторая симметрия играет роль в *любом* различении множества, или, другими словами, в любом нормальном классификационном акте ума. Распознать, увидеть сходство и т. д. – значит классифицировать; это значит зарегистрировать, что два или более элемента эквивалентны (или одинаковы) в отношении определяющей характеристики класса. Эквивалентность, одинаковость и подобие – все это симметричные отношения. Таким образом, принцип симметрии функционирует в обычной сознательной логической деятельности. И это – скрытый аспект нормальной бивалентной логики – когда симметризация *нарушает границы* асимметричной бивалентной логики, и мы проскальзываем в би-логику, или, говоря фрейдистским языком, в бессознательное (Rayner, 2003).

Таким образом, по мнению Матте-Бланко, бессознательная область, если говорить языком когниции, состоит из элементов асимметричной логики, которые «плавают» внутри пространства, управляемого принципом симметрии. То есть пространство бессознательного – это пространство смешанной логики, которую Матте-Бланко назвал би-логикой.

Именно об этом и писал Фрейд в 1900 году, выражаясь лишь другим языком. В частности, описывая сновидение, он писал: «Различные части этой сложной структуры, конечно, находятся в самых разнообразных логических отношениях друг к другу. Они могут представлять передний план и фон, отступления и иллюстрации, условия, цепочки доказательств и контраргументов. Когда вся масса этих мыслей сновидения оказывается под давлением работы сновидения и ее элементы оборачиваются вокруг нее, разбиваются на фрагменты и сжимаются вместе – почти как упакованный лед, – возникает вопрос о том, что происходит с логическими связями, которые до сих пор составляли ее структуру. Какую презентацию обеспечивают сны для "если", "потому что", "точно так же, как", "хотя", "или... или" и всех других соединений, без которых мы не можем понять предложений или речей? Прежде всего мы должны ответить, что сновидения не имеют в своем распоряжении средств для представления этих логических отношений между мыслями сновидения. По большей части сновидения игнорируют все эти соединения, и они овладевают и манипулируют только содержательным контентом мыслей сновидения. Восстановление связей, разрушенных работой сновидения, является задачей, которая должна быть выполнена в процессе интерпретации».

И мы, конечно же, можем предположить, что в цитате выше мы наблюдаем описанные характеристики бессознательного. И если дальше переводить на язык когниции Матте-Бланко, бессознательное состоит из асимметрии, симметрии, а также би-логики происходящего в нем. Поскольку бессознательное описывается в этом смысле как хаотичное сочетание вышеобозначенных отношений и элементов, то внутренний мир индивида, как его видит Матте-Бланко, – гораздо более упорядоченная структура, которую он представил в виде уровней (страт), а сам внутренний мир назвал многослойной стратифицированной структурой.

Выражая идею стратификации в формальных терминах, Матте-Бланко предполагает, что «за каждым индивидом или отношением, воспринимаемым или данным определенным образом в данный момент, Я "видит" бесконечный ряд (последовательность) индивидов; все они удовлетворяют одной и той же пропозициональной функции (которая может быть сложной, но так или иначе затрагивающей одну тему или совокупность схожих тем), в свете которой индивид или рассматриваемое отношение воспринимается, видится или живет в данный момент. Если внимание наблюдателя остается сосредоточенным на первом уровне – уровне сознания, то он будет осознавать только конкретного индивида. А если он позволит себе быть пронизанным глубинными уровнями, эта бесконечность развернется перед ним, хотя и бессознательно. Охватывая этот бесконечный ряд (последовательность), существует одно единство: класс или множество. Это в свою очередь проживается как единое целое» (Matte-Blanco, 1975, p. 170). Данная мысль продемонстрирована на рисунке 1.

Если мы представим себе эту стратификацию как би-логическую структуру, то ее представленность может быть описана количественно в соответствии с количеством симметричной или асимметричной логики, используемой в каждом слое. Хотя число потенциальных слоев бесконечно и существует бесконечный простор для тонкости градаций между ними, Матте-Бланко очерчивает только пять слоев, в которых существует особая комбинация симметричной и асимметричной логики, которые влекут

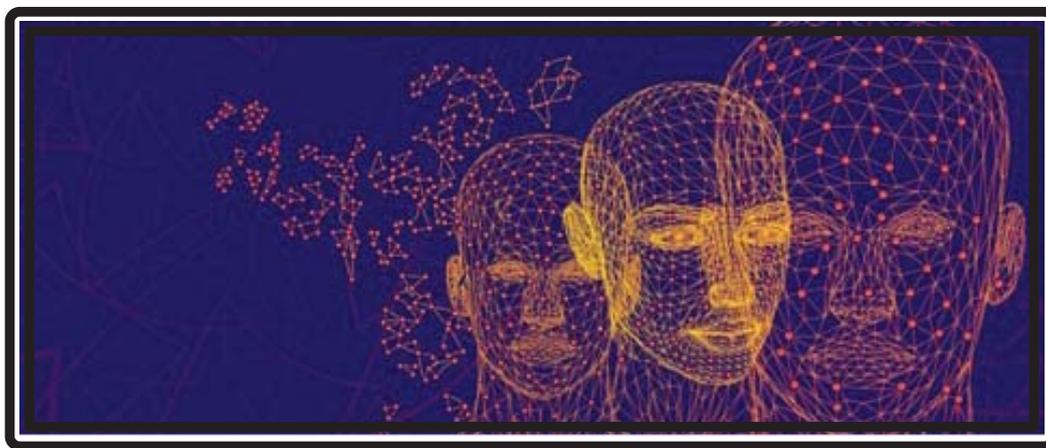

Рис. 1

за собой некоторые интересные последствия. И также он упоминает градации внутри них (*Matte-Blanco, 1988*).

Первый слой характеризуется сознательным осознанием отдельных объектов. На более сознательных уровнях этого слоя есть понятие или восприятие конкретных и четко определенных вещей: человека, материального объекта, точной мысли, относящейся к конкретному факту, или абстрактное понятие. *На этом уровне мышление в основном асимметрично. Как правило, это наше обычное мышление – сознательное и логичное.* На этом уровне объект мышления может быть связан с потенциально очень большим числом других объектов или наборов объектов. Но здесь связи и отношения осуществляются сознательно или на уровнях предсознания, которые легко поддаются сознанию, например путем ретроспективного анализа или рассмотрения.

Второй слой может быть определен появлением значительного количества симметризации в пределах преимущественного асимметричного мышления. Это слой, в котором более или менее сознательные эмоции относительно различных и отдельных элементов внутри класса различимы: «мне это нравится», «я его ненавижу», «я его боюсь» и т. д. *Матте-Бланко утверждает, что аффекты или эмоции можно лучше понять с помощью принципа симметрии (Matte-Blanco, 1975).* Он также демонстрирует сходство между характеристиками бессознательного и эмоциями, в частности между эмоциями и переживанием бесконечности. Дальнейшие размышления привели Матте-Бланко к пониманию того, что эмоции, как и бессознательное, на самом деле являются биологическими структурами. Это он рассматривает на примере. Возьмем молодого человека в любви. Естественная тенденция в таком состоянии – приписывать любимой молодой женщине все прелести замечательной женщины: красоту, ум, доброту, нежность и т. д. На самом деле, будучи влюбленным, он чувствует, что у нее есть *все* характеристики класса любимой женщины. Это, конечно, означает, что он мыслил симметрично и, следовательно, отождествил один элемент (своего любимого) со всем классом замечательных женщин. Это уравнивание, где часть идентична целому.

В этом втором слое те симметризации, подобные симметризациям, созданным вышеописанным влюбленным мужчиной, достаточно четко разграничены на сознательном уровне. Например, в то время как многие люди могут чувствовать, что человек *похож* тигру, обычно на этом (достаточно сознательном) уровне человек не чувствует себя тигром. Точно так же влюбленный человек, если его эмоции находятся на этом втором уровне, обычно способен держать голову несколько ясной. Нормальное двузначное логическое мышление все равно получится, и он поймет, что у его молодой женщины тоже есть ограничения и недостатки. Другими словами, эмоция любви представляет собой смесь обеих логик; это биологическая структура. На более глубоких уровнях происходит гораздо больше симметризации, так что, например, в любящем человеке, скажем, качества любимого человека в конечном счете ощущаются в максимальной степени – в бесконечности...

Следующий, более глубокий *третий слой* – это слой, в котором идентифицируются различные классы за счет содержания изрядного количества асимметричного мышления, но в котором симметризация происходит в той степени, что части класса всегда принимаются как весь класс, и наоборот. Постоянной особенностью является симметризация класса («все такие, все они одинаковы»). По мере того как мы спускаемся далее в слои большей симметрии, вещи, принадлежащие к одному и тому же классу эквивалентности, становятся тождественными не только в отношении свойства, которое определяет рассматриваемый класс эквивалентности, но и для всех свойств. То есть многие вещи неразличимы между собой или одинаковы. В конце концов, каждый член класса стал идентичным всем остальным во всех отношениях; в классе произошла полная симметризация. Возможно, этот уровень мы наблюдаем в грубых пред-рассудках.

Фундаментальное следствие симметризации, наблюдаемой в этом третьем слое, состоит в том, что, поскольку часть класса становится такой же, как и весь класс, *каждый индивид становится таким же, как и рассматриваемый класс*.

В этом третьем слое просто из-за идентификации индивида и класса интенсивность чего-либо стремится к бесконечным значениям. Поскольку между ними нет никакой разницы, первое приобретает все потенциальные возможности второго. Как классы могут быть бесконечными по размеру, так и индивидуум может достичь на этом уровне бесконечной степени классовой характеристики. По мнению Матте-Бланко, Мелани Кляйн, наблюдая как за взрослыми, так и за детьми и говоря о роли агрессии и деструктивности, условно предполагала именно этот слой. Именно на этом уровне мы наблюдаем максимальную интенсивность эмоций и агрессии.

Некоторая степень безвременья также является следствием симметризации класса и, следовательно, характеристикой этого третьего слоя. Это происходит потому, что время понимается как набор мгновений с теми же свойствами предшествующего – следующего. После симметризации класс, мгновения становятся неотличимыми друг от друга.

Четвертый слой определяется тем, что образуются более широкие классы, которые также симметричны. Однако некоторая классовая дифференциация и, следовательно, некоторая асимметрия остается. Поскольку различные классы или наборы объединены, симметричность становится более широкой и всеобъемлющей. Например, класс «мужчина» является более широким классом, чем класс мужчин, женщин или детей, и когда он симметричен, это означает, что быть мужчиной то же самое, что быть женщиной, женщиной или ребенком. Матте-Бланко относит этот слой как уже свойственный психотическому мышлению, но слой, где некоторые психотики (в частности, больные шизофренией) склонны функционировать. Они рассматривают как равные те вещи, которые принадлежат подмножествам или подструктурам большего набора или структуры. Примером может служить пациентка, которая сказала, что мужчина очень богат, потому что он очень

высокий. Поскольку и богатые, и высокие могут считаться подмножествами большего набора тех, у кого есть что-то в высокой степени, – именно через формирование, а затем симметризацию этого высшего класса она делает свои выводы: очень высокий = очень богатый (*Matte-Blanco*, 1988).

В этом четвертом и довольно глубоком слое характерен также ряд особенностей фрейдистского бессознательного. Здесь нет противоречия, потому что множество, содержащее все утверждения идеи, а также соответствующие им отрицания ее, если оно симметрично, приводит к выводу, что любое утверждение равносильно ее отрицанию. Нет никакой возможности противоречия. По этой же причине существует и тождество психической и внешней реальности.

Наконец, Матте-Бланко определяет самый глубокий, *пятый слой* как тот, в котором процессы симметризации стремятся к математическому пределу *неделимости*. С этого момента «вниз» величина симметризации настолько велика, что мышление, требующее асимметричных отношений, сильно ослабляется. На пределе находится то, что он называет чистым неделимым способом. Здесь Матте-Бланко предусматривает, что все переживается, как и все остальное. Именно здесь теоретически все отношения между вещами содержатся в любой вещи, которую может охватить интеллект. Бесконечное количество вещей, как правило, становится таинственным образом только одной вещью (*Matte-Blanco*, 1988).

Описав слои, стоит отметить, что подобная стратифицированная (многослойная) структура может рассматриваться как достижение развития. В частности, способность человеческой психики к дифференцированному мышлению (формированию классов эквивалентности и различающихся элементов внутри них) можно рассматривать как продукт развития структурированных и относительно устойчивых связей между слоями. Отношения между пятью слоями, считает Матте-Бланко, могут быть сформированы в нормальном развитии, притом чтобы они оставались довольно четкими (*Matte-Blanco*, 1988). Каждый слой становится относительно хорошо дифференцированным от тех, которые выше или ниже его. То есть операции, которые происходят в одном слое, не происходят обычно в тех слоях, которые находятся выше или ниже его. Например, в первом слое существует четко разграниченное понимание конкретных, почти изолированных объектов, отношений или ситуаций. Во втором слое, с другой стороны, существует большая взаимосвязь между ее элементами. Между тем третий слой устанавливает посредством симметризации тождества между индивидами, а это не происходит в первых двух. По мере того как симметризации становятся все более обширными, появляются новые характеристики, которых, как мы видели, не было в верхних уровнях.

Структурные отношения между слоями также таковы, что «нормальный» индивид способен воспринимать (ощущать) непрерывность между слоями как часть его жизнедеятельности и реагирования на мир. При этом ощущать эти слои как отдельные – с осознанием того, где он находится. Только в «ненормальных» состояниях непрерывность дифференциации

между логическими слоями становится раздробленной или запутанной. И тогда, конечно, би-логика проявляется на уровне сознательной коммуникации. Например, Матте-Бланко предполагает, что таким образом можно описать некоторые проблемы Шребера, описанные Фрейдом в его «Психоаналитических заметках об одном автобиографически описанном случае паранойи (*dementia paranoides*)» в 1911 году, как результат пробоя (короткого замыкания) в бессознательных отношениях между слоями. В то время как каждый может уравнивать (симметризацией) на более глубоких уровнях такие представления, как образы Бога, отца или сына, и Иисуса Христа, Шребер сделал эти уравнивания вполне сознательно. Другими словами, уравнивания, которые существовали на более глубоких уровнях, сохранялись на более поверхностных или сознательных уровнях, и, таким образом, у Шребера было расстройство на фоне короткого замыкания в отношениях между различными зонами. Поэтому Шребер не мог в сознании провести различие между отцом и Богом или даже между собой и женой. Более того, его чувство, что люди, отличные от него самого, были тенями, а не реальными людьми, выражало то, что его представление о мире рухнуло. Матте-Бланко считает, что Шребер не чувствовал связей, потому что его понятия о себе, других людях и всем человечестве не были отдельными; только таким образом они могли быть соответствующим образом связаны друг с другом (*Matte-Blanco, 1988*).

И если завершать эту часть обзора и говорить в целом, то Матте-Бланко подводит нас к тому, что психическое здоровье индивида – это не нахождение на определенном уровне функционирования (например, как можно легко предположить на первом уровне), а «хождение» и гибкость этого «хождения» по всем градиентам пяти уровней. Данное мнение коррелирует с признанием многих авторов в том, что наша психика не представлена лишь только одной частью структуры, например невротической. Она представлена у каждого человека совокупностью и невротической, и психотической частей в разном удельном весе или степени представленности в разные периоды жизни человека. И от гибкости психики, т. е., выражаясь языком Матте-Бланко, легкости «хождения» между уровнями, отсутствия замыкания между слоями и одновременного действия разноразрядных страт, зависит психическое здоровье человека.

Подводя некий первичный итог данному обзору взглядов на психику с позиции когниции Матте-Бланко, следует также ответить на закономерный вопрос: что это нам дает для практики? В чем смысл данных рассуждений и взглядов? На наш взгляд, кроме интересных выводов, описанных выше, это дает нам некое топографическое понимание того, где, в какой зоне психики мы находимся с нашим клиентом в тот или иной момент сессии или в тот или иной момент психоаналитического процесса работы с клиентом. И это понимание наиболее очевидно, если сопоставить данную стратифицированную модель Матте-Бланко с топографической моделью психического аппарата Фрейда (см. рис. 2).

И ощущая «точку нахождения», нам легче понимать глубину нашего (аналитика) погружения за клиентом, ценность находок, «лежащих на определенных глубинах», как их воспринимать и что с ними делать.

Рис. 2

И, как следствие, более ясное понимание своего движения по эволюционному или трансформационному пути с нашим клиентом.

Все вышеизложенное – лишь начало исследований и трудов Матте-Бланко. За этим началом следуют выявленные интереснейшие феномены внутреннего мира, такие как феномен фундаментальной антиномии, объясняющий нелогичные вкрапления некоторых фраз на сессии, а также подход к пониманию внутреннего мира как пространства множества измерений, превышающее наше трехмерное восприятие «человеческим глазом», что по-новому для нас объясняет явления переноса, контрпереноса, бессознательной фантазии, мира внутренних объектов и др. И самое интересное, объясняет определенным образом феномен поля, проективной идентификации, интроекции и прочие загадки происходящего на сессии. Описанию этих взглядов будут посвящены следующие статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бион У.* Научение через опыт переживания / У.Р. Бион. М.: Когито-Центр, 2018.
2. *Бион У.* Элементы психоанализа / У.Р. Бион. М.: Когито-Центр, 2018.
3. *Гринберг Л.* Введение в работы Биона / Л. Гринберг, Д. Сор, Э. Т. де Бьянчеди. М.: Когито-Центр, 2018.
4. *Кляйн М.* Психоанализ ребенка / М. Кляйн. М.: Издательский дом ERGO, 2018.
5. *Мельтцер Д.* Мозаика Я – жизнь без боли (психоаналитический процесс) / Д. Мельтцер. М.: Экзистенциальная лаборатория, 2018.
6. *Мельтцер Д.* Психическая боль и душевное удовольствие / Д. Мельтцер, М.Х. Уильямс. М.: Экзистенциальная лаборатория, 2018.

7. *М'Юзан М.* Контртрансфер и парадоксальная система / Французская психоаналитическая школа. СПб.: Питер, 2005. 193–205 с.
8. *Ферро А.* Психоанализ: Создание историй / А. Ферро. М.: Независимая фирма «Класс», 2007.
9. *Фрейд З.* Собрание сочинений в 10 т. / З. Фрейд; под общ. ред. Е. Калмыковой, М. Аграчевой. М.: Фирма СТД, 2003. Т. 2: Толкование сновидений, 2005.
10. *Фрейд З.* Собрание сочинений в 10 т. / З. Фрейд; под общ. ред. Е. Калмыковой, М. Аграчевой. М.: Фирма СТД, 2003. Т. 3: Психология бессознательного / под ред. А. Боковикова и С. Дубинской, 2006.
11. *Фусу Л.* Фрейдовские теории психического аппарата и их использование в психоанализе / Л. Фусу, Б. Еремин. М.: Институт классического и современного психоанализа, 2002.
12. *Хиншелвуд Р.* Контрперенос и живые моменты / Р.Д. Хиншелвуд. Киев: Изд. Ростислава Бурлаки, 2019.
13. *Хиншелвуд Р.* Словарь кляйнианского психоанализа / Р.Д. Хиншелвуд. М.: Когито-Центр, 2007.
14. *Bion W.* A Memoir of the Future, Book one: The Dream / W.R. Bion. London: Karnac Books, 1990.
15. *Bion W.* Attention and Interpretation / W.R. Bion. London: Routledge, 1984.
16. *Bion W.R.* Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities / The international journal of psycho-analysis. 1957. Vol. 38. P. 266–275.
17. *Bion W.R.* Notes on memory and desire / Psychoanalytic Forum. 1967. Vol. 2. № 3. P. 271–280.
18. *Bion W.* Transformations / W.R. Bion. London: Routledge, 1984.
19. *Matte-Blanco I.* The Unconscious as Infinite Sets / I. Matte-Blanco. London: Routledge, 1980.
20. *Matte-Blanco I.* Thinking, Feeling and Being / I. Matte-Blanco. London and New York: Routledge, 1988.
21. *Rayner E.* Infinite experiences, affects and the characteristics of the unconscious / E. Rayner. International Journal of Psycho-Analysis, 1981.
22. *Rayner E.* The Independent Mind in British Psychoanalysis / E. Rayner. London: Free Association Books, 1991.
23. *Rayner E.* Unconscious Logic: An Introduction to Matte-Blanco's Bi-Logic and Its Uses / E. Rayner. London: Routledge, 2003.
24. *Fink K.* From Symmetry to Asymmetry / K. Fink. The International Journal of Psychoanalysis, 1989. 70. 481–489 p.

Matte-Blanco's model of mental space is a view from the standpoint of cognitive variations on the client's inner world and the interaction of a psychoanalytic pair

E.V. Olesova

Olesova Ekaterina Vyacheslavovna, psychologist, psychotherapist, psychoanalytically oriented business consultant; teacher and supervisor of the master's program "Psychoanalysis and Psychoanalytical Business Consulting" at the Higher School of Economics; member Council and certified coach of Association of Psychoanalytic Coaching and Business Consulting (APCBC).

The paper details the pioneering views of the Chilean psychoanalyst Ignacio Matte-Blanco. Matte-Blanco approaches psychoanalysis not from the perspective of psychodynamics but rather from the point of view of cognition and offers a look at the internal world of a person as well as the interaction of two internal worlds in the psychoanalytic pair "analyst-client" meaning variations in thinking. Based on a mathematical theory Matte-Blanco introduces to psychoanalysis the terms of asymmetrical and symmetrical logics (thinking) as well as their combination: bi-logical thinking. Operating with these three modalities of thinking which are represented in various proportions in the human psyche he describes the psyche as a stratified structure with an unlimited number of levels.

Matte-Blanco employs Freud's theory of the unconscious. In the author's opinion Matte-Blanco's concept can also be juxtaposed with Freud's topographic model – for better understanding of the course of the psychoanalytic session, the process of analysis as well as for discovering a required degree of engagement in the interaction of the analytic pair at a particular moment. The paper is just a start of an immersion into the multiplicity of Matte-Blanco's views and implies a continuation in the form of subsequent papers that will reveal the phenomena of a fundamental antinomy, the multidimensionality of mental space, etc., that will allow a different look at the traditional perception of various psychoanalytic phenomena.

Keywords: unconscious, thinking, asymmetrical logic, symmetrical logic, principle of symmetry, bi-logic, stratified structure of the internal world.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Психоаналитический подход к пониманию феномена трансгендерности

Л.Н. Субботина

Субботина Любовь Николаевна – клинический психолог, психоаналитически ориентированный психотерапевт (ЕСРР), ассоциированный член МПА.

В статье анализируются особенности фантазма о первосцене и процессов символизации у транссексуалов. Психоаналитический подход к исследованию транссексуальности раскрывается в контексте общей истории теоретического определения сексуальности, характерной для психоаналитической, философской, социальной мысли. Статья воспроизводит психоаналитическое толкование перверсной механики транссексуализма.

Ключевые слова: транссексуальность, символизация, первосцена, перверсия, трансгендерность, сексуальность.

Введение

Феномен трансгендерности привлекает к себе все больше внимания в последнее время сразу в нескольких дискурсах. Это и медицинский дискурс, связанный с развитием хирургии и гормональной терапии, и социальные практики новой этики, все больше проявляющиеся в поле публичности, озвучивающие требования равноправия, новых речевых, социальных, моральных, юридических практик. Тема эта (трансгендерности) по-прежнему остается привлекающей повышенное внимание, поскольку провоцирует острую постановку вопросов о существующих социальных нормах, о том, что следует считать нормативно-желательным, о границах, проходящих между телом социальным и телом индивидуальным. И, конечно же, данная тема привлекает исследовательский интерес психоанализа, поскольку именно психоанализ имеет давнюю историю исследований сексуальности. Заслугой психоанализа является выведение

сексуального из-под тени биологического. Вместе с тем влияние психоанализа на социальные оценки феномена сексуальности является не только заслугой психоаналитиков-исследователей, но и их ответственностью. Когда-то истерия стала почвой для рождения психоанализа, возможно, сейчас загадка трансгендерности сможет открыть для психоанализа новые горизонты теоретического развития.

Психоаналитическая пересборка сексуальности: от инстинкта к социальной роли, от пола к гендеру и трансгендерности

Общеизвестной является роль психоанализа в трактовке человеческой сексуальности как недетерминированной исключительно биологической данностью тела. Мысль эта была высказана в самом начале XX века, а подготовлена теоретически еще раньше. В «Трех очерках по теории сексуальности» Фрейд последовательно выводит сексуальность из дискурса патологии, ставя под сомнение обязательную притягательность одного пола для противоположного, а также врожденную заданность выбора любовного объекта, ограничивая понимание перверсии в качестве патологии и заявляя о присущей каждому существу бисексуальности. Субъект у З. Фрейда уже не мыслится как обладающий инстинктами, которые бы задавали гендерную роль. Основатель психоанализа выдвинул тезис об отсутствии в области человеческого желания естественного порядка и таким образом проблематизировал прежнее понимание перверсии и патологических форм сексуальности. Так в истории европейской мысли убежденность в биологической основе человеческого желания и пола постепенно сменялась признанием сексуальности в качестве социального феномена, что подготовило почву для возникновения понятия «гендер».

Данный концепт был введен в научную лексику в 1958 году американским психоаналитиком Робертом Столлером. В 1958 году он ввел данный концепт в научный дискурс, разграничив биологический пол и социальную идентичность. Таким образом, было положено необходимое различие для дальнейшего развития гендерных исследований. По мысли Столлера, изучение пола необходимо оставить на откуп биологии и физиологии, в то время как социополовое самосознание является культурно-историческим феноменом, предметом психологии, социологии и других гуманитарных дисциплин. Проведенное различие биологического и культурного аспектов сексуальности выделило гендер в качестве отдельной предметной области и позволило анализировать сексуальность в качестве инструмента социальной детерминации в ее связи с проблемами дискурса и власти.

Французский философ-постструктуралист Мишель Фуко утверждал, что сексуальность должно рассматривать в качестве корреляции «той постепенно сложившейся дискурсивной практики, каковой является *scientia sexualis*» (Фуко, 2012), то есть как история дискурса. Эта мысль была развита Д. Батлер, которая в своей работе «Гендерная тревога: феминизм и ниспровержение идентичности» исходит из той же предпосылки,

что и М. Фуко, а именно: фигура власти функционирует не явным вертикальным способом, но окружает нас со всех сторон. «Власть повсюду; не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит» (Фуко, 2012) – так об этом пишет французский философ. Иными словами, властные отношения проникают во все общественные сферы, не будучи локализованными в определенных точках.

С помощью концепта гетеронормативности Д. Батлер проблематизирует то, что в обществе считается нормальным гендерным поведением. По ее мысли, оно является политически обусловленным конструктом. Гетеронормативность предполагает существование разделения на два гендера – мужчины и женщины. По Д. Батлер, «нормальные» гендерные сексуальные отношения возникают с помощью повторяющихся практик речевой нормализации. Другими словами, субъектам уже предписано вести себя тем или иным образом, как мужчина или как женщина. Культурно обусловленные целостные представления об идентичности, которые поддерживают мнимую согласованность, непротиворечивость между гендером, сексуальностью, желанием субъектов, Батлер называет «интеллигибельными гендерами» (Батлер, 2002). Автор критикует такую стандартизацию, понимание идентичности в качестве тождественной себе и непротиворечивой. Обмен ролями или самостоятельный выбор идентичности невозможен в условиях гетеронормативности.

Д. Батлер обращается к квир-теории, согласно которой гендер и сексуальная ориентация индивида формируются его социокультурным окружением и условиями личного воспитания, нежели биологическим полом. В широком смысле понятие «квир» соответствует человеку, который не находит возможным для себя соответствовать предзаданному обществом образцу мужчины или женщины, но развивает свою собственную идентичность.

Таким образом, данная теория оказывается субверсией гендерной дихотомии. Она обнаруживает такие идентичности, которые не соответствуют традиционным и даже противоречат им, оказываясь по ту сторону существующей гетеросексуальной матрицы. Наряду с Д. Батлер деконструкцию идентичности проводили такие авторы, как И. Кософски Сэджвик, Э. Гросс и другие представители квир-теории.

Именно за счет перформативного эффекта и его повторений гендерная идентичность переживается субъектом в качестве естественной. На деле же гетеросексуальность оказывается навязанной, или, в терминах созвучной Батлер феминистки А. Рич, «принудительной гетеросексуальностью». Однако человек может обнаружить данный механизм и предпринять попытку оказать ему сопротивление в изобретении новой собственной идентичности.

По Фрейдю, маскулинность проистекает из трех главных источников: биологических факторов, первичной гетеросексуальности (желания к матери), возникающей вскоре после рождения, как только начинается процесс понимания, и идентификации с отцовской маскулинностью, когда разрешен эдипов конфликт. Выводом этой теории является то, что принадлежность к мужскому полу воспринимается субъектом как высшее

состояние. В представлении человечества пенис представляет собой более уважаемый сексуальный орган, а маскулинность и достижения представляют собой более желанные занятия для обоих полов. Другой вывод состоит в том, что женщины – низшие, поскольку у них «низшие» гениталии, и с самого начала они гомосексуально ориентированы, их первая любовь – того же пола.

Столлер рассматривает теорию психосексуального развития, добавляя к ней фактор первичного симбиоза матери и ребенка. Он соглашается с тем, что первым объектом любви мальчика-младенца является его мать, но существует более ранняя фаза, в которой он слит с матерью до того, как она появится в качестве отдельного объекта; то есть он еще не определил свои психику и тело как отличные от тела матери, – а она женщина с женской гендерной идентичностью. Таким образом, возможно, что мальчик не являлся поначалу гетеросексуальным, как предполагал Фрейд, но скорее он должен отделиться от женского тела своей матери и феминности и осуществить процесс индивидуации в направлении маскулинности. Гетеросексуальность у мужчин – это достижение, не являющееся также, как говорил Фрейд, данностью; если эту гипотезу можно подтвердить, тогда маскулинность не является естественно возникающим состоянием, как говорил Фрейд. По мнению Столлера, таковым является некая рудиментарная феминность. Он считает ее первой, первичной фазой развития маскулинности.

В работе «Пол и гендер» (1968) психоаналитик высказывает сомнение в том, что чувство единства с матерью поддерживает хотя бы начальное чувство принадлежности к мужскому полу в первые месяцы жизни, – скорее что этому единству с женщиной-матерью необходимо противодействовать. Только если мать поддерживает развитие маскулинности, по мере того как будет осуществляться процесс развития Я, единство будет в достаточной степени разрушено. Она делает это в первую очередь потому, что желает маскулинного сына и наслаждается им. Учитывая эту ниже лежащую мотивацию, она будет поощрять развитие поведения, которое считает маскулинным, и не одобрять то, что считает феминным, – процесс, продолжающийся бесконечно дни и ночи напролет. В том случае, если чувства, которые она испытывает по поводу того, что ее сын становится маскулинным, менее чем теплые, она будет сообщать ему свое неодобрение того поведения, которое она считает маскулинным. Именно те стили, которые она использует для того, чтобы награждать и наказывать его поведение, сформируют его нарушения маскулинности точно так же, как другие стили материнства формируют качества младенцев, которые станут чертами характера детей. Такая гипотеза формирования маскулинности, выдвинутая Столлером, вносит важное разъяснение в понятия пола и гендера: пол – то, что воспринимается родителем, гендер – то, что им отражается в коммуникации, направленной на субъекта.

Роберт Столлер так описывает развитие мужского транссексуализма. Первым фактом в этой конструкции является потребность выделить из множества состояний, в которых мужчины надевают женскую одежду, те, что, собственно, Столлер называет транссексуализмом. Его существенная

черта состоит не в том, что пациент просит о смене пола, поскольку это делают и другого рода пациенты. *Скорее она состоит в том, что не существовало никакой существенной фазы в жизни, которую бы этот анатомически нормальный мужчина мог бы определить в качестве маскулинной.* Таким образом, начиная с тех дней детства, когда любого рода гендерное поведение впервые дает о себе знать, этот мальчик создавал такое впечатление, словно бы он считает себя девочкой. Его поведение всегда было феминным; и в нем было не больше подражания или игры, чем в бесспорно феминных девочках. Поведение рассматриваемых мальчиков с возраста четырех-пяти лет и до зрелости проистекает из чувства феминности, выражаемого в качестве убежденности, что они должны быть женщиной (хотя в действительности транссексуалы не утверждают, что они – женщины; они признают, что их анатомия мужская). Начиная с раннего детства и далее их поведение не является женоподобным (женоподобность здесь означает подражание или карикатуру, другими словами, враждебность и зависть по отношению к другим женщинам, которые нужно минимизировать или отрицать; феминность здесь означает естественность и отсутствие карикатуры). Скорее у транссексуалов есть сознательная открытая зависть, сравнимая с завистью человека, рожденного без ног, по отношению к тем, кому повезло больше. Естественность этой феминности отмечают все наблюдающие: семья, родственники, товарищи, соседи, учителя, незнакомые люди и «мы, те, кто наблюдает транссексуального ребенка в своих исследованиях». К тому времени, когда этим мальчикам исполняется три или четыре года, незнакомые люди уже путают их с девочками независимо от того, какая одежда на них надета. Играя, эти мальчики хотят вести себя так, словно бы они были девочками; они берут только роли девочек, и их почти сразу же принимают девочки, когда они играют в девчачьи игры, в которые других мальчиков не пускают. По мере того как детство заканчивается и переходит в подростковый период и зрелость, феминность не уменьшается, желание иметь женское тело сохраняется, и никакие угрозы не могут заставить транссексуала быть способным хотя бы на мгновение притвориться маскулиным человеком.

Столлер приводит следующую этиологию «эталонной» транссексуальности.

Клинические наблюдения Роберта Столлера позволяют ему выделить следующие общие черты в структуре матерей транссексуалов. В собственном детстве такая женщина мало дорожила своей принадлежностью к женскому полу и феминностью. Ее собственная мать обращалась с ней так, словно та кастрирована; ее отец более любящий, побуждал ее идентифицироваться со своими маскулиными интересами. Возможно, между ранним детством и пубертатом девочка так акцентировала маскулинные качества, что желала быть мужчиной и несколько лет носила только мальчишескую одежду, подстригала волосы, как мальчик, и играла в игры только с мальчиками.

С началом физических изменений в подростковом возрасте девочка – в отличие от женщин-транссексуалов, с которыми до этого момента имела сходство, – оставила всякие надежды на то, что когда-нибудь

станет мужчиной. Вместо этого она надела на себя личину феминности и со временем вышла замуж. Мужчина, за которого она вышла замуж, – отец транссексуала – пассивный, отстраненный, хотя обычно и не женоподобный мужчина, которому не суждено быть сильной фигурой в браке. От него ожидается, что он будет поддержкой для всей семьи, но он оказывается не допущен в эдипальный треугольник. Он остается вне отношений «мать – сын». Дальше Роберт Столлер предполагает, что «в этом несчастном браке рождается тот, кому суждено стать транссексуалом». Однако, хотя семейная динамика является таковой, как описана выше, ни у кого из детей транссексуализм не возникает раньше, пока не рождается мальчик, который видится матери прекрасным и изящным. Этот младенец – лучшее, что когда-либо случилось с его матерью. Это ее нарциссический триумф и символический фаллос, отнятый кастрирующей матерью. «Наконец, после стольких лет тихой безнадежности, не имея возможности дорожить своим полом или гендерной идентичностью, полная бессознательной ненависти и зависти к мужчинам, у которых есть то, чего она хотела и надежду на что она была вынуждена оставить, она создала часть себя из своего собственного тела и словно бы партеногенетически, не нуждаясь в муже, лучшее, что есть в ней, свой собственный идеал – совершенный фаллос». Этот мальчик не столкнется с вызывающей зависть и ненавистной помехой в виде маскулинности; это, как ей кажется, гарантирует ему с рождения и далее физическая красота, дополняемая пьянящим опытом вскармливания, при котором он предстает чудесным едоком, наслаждающимся телом своей матери. Этот блаженный симбиоз устанавливается с самого рождения и свирепо охраняется этой матерью, ибо «теперь она удерживает внутри себя лекарство от своей неизбывной печали длиной в жизнь». Создавая этот симбиоз, она привязывает к себе – принимает в себя – своего сына настолько, насколько это возможно физически. Идентифицируясь с ним, она пытается отменить свое собственное травматическое младенчество, заменить собственную фрустрирующую мать; нынешние мать и младенец будут абсолютно хорошими.

Эдипова ситуация, развивающаяся в дальнейшем, подтверждает странность этого симбиоза. Его отличительной чертой является отсутствие конфликта. Мальчик не формирует гетеросексуальных инцестуозных бессознательных фантазий, отец как триангулирующая функция не присутствует в этой семейной системе, и, как следствие, у ребенка никогда не возникает эдипова конфликта. Двое являются до такой степени одним, располагают такой свободой по отношению к телам друг друга, что никакого сексуального напряжения не возникает. Мальчик не желает свою мать как отдельный объект противоположного пола, и она не испытывает по отношению к нему сексуального желания. Примером тому служит у нее отсутствие заинтересованности в том, чтобы он стал маскулинным.

Говоря о женщинах-транссексуалах, Роберт Столлер рисует довольно простую схему. У них, в отличие от мальчиков, не существует специфической протофеминной фазы симбиотического единения с матерью. Наоборот, в раннем детстве возникает ужасный разрыв, который разлучает девочку с матерью, которая становится недоступной. Такие матери учат

девочек, что женский пол ничего не стоит, и тогда, когда, к примеру, особым расположением пользуются братья, возникает невыносимая зависть к мужчинам. Эти девочки становятся взрослыми: матери транссексуалов утоляют эту зависть к пенису, когда выращивают свой собственный прекрасный фаллос, будущего транссексуала; женщины-транссексуалы делают это с помощью гормональной и хирургической смены пола, заключающейся в том, что фаллос буквально пришивают к их телам. Все тело становится новым фаллосом – объектом контроля и власти над полами.

Символизация первосцены в механизмах развития психики транссексуалов

Концепция первосцены – это то, что лежит в основе фундамента развития структуры психики человека. Метафорически это набор бессознательных мифов и законов, которые связывают сознательное и бессознательное, которые определяют место человека в этом мире и его отношение с миром и другими людьми. Джойс Макдугалл определяет первосцену как «весь запас бессознательного знания ребенка и его личной мифологии о сексуальных отношениях людей, в особенности родителей. Кроме генитальных аспектов первичной сцены и связанных с ней фаллически-эдипальных конфликтов эта сцена может также быть описана в доэдипальных терминах, таких как орально-эротические и орально-пожирательные фантазии, анально-эротические и анально-садистские обмены, бисексуальная путаница, архаические фантазии о сосании крови, страх утраты чувства своей идентичности или представления о границах своего тела» (Макдугалл, 1999, с. 18).

П. Иконен и Э. Рехардт в статье «К универсальной природе фантазий о первичной сцене» приходят к несколько другим выводам: массивные, смутные и разрушительные фантазии о первичной сцене, которые проявляются в сочетании с серьезной психопатологией, обычно являются признаком заметной неполноты психической работы. Они отражают психопатологию, которая не обязательно коренится в травмах детства, связанных с первичной сценой, а скорее возникает из-за различных факторов, мешающих развитию ребенка и приводящих к агонии исключенности (Иконен, 1984). То есть в фантазиях о первосцене может содержаться как вектор дальнейшего невротического, так и перверсного развития психики. «Агония исключенности» здесь может означать невозможность признать исключенность из родительской близости. Переживание исключенности в конечном итоге должно стать бессознательной репрезентацией инцестуозного запрета.

Невротическое функционирование субъекта предусматривает первосцену, в которой становятся символически репрезентированы основные «достижения» эдипова комплекса: разница полов, собственная принадлежность к одному из полов, разница поколений и инцестуозный запрет. Что же происходит в транссексуальном сценарии первосцены, что делает возможным непризнание принадлежности к собственному полу?

Ханна Сигал в статье «Заметки о символизации» (Segal, 1981) говорит о том, что для начала процесса символизации психике ребенка нужна нехватка. Нехватка, которая образуется в момент отсутствия объекта. В этот момент психика ребенка решает задачу, как пережить отсутствие объекта. Происходит переход от идентификации восприятия («пока мама рядом – она существует») к идентификации мысли. Начинает создаваться бессознательная репрезентация материнского объекта, которая впоследствии делает возможной работу горя по первичному объекту. Начинается разграничение Эго и объекта, это разграничение должно быть символически репрезентировано в психике. Это является важнейшим шагом для начала разграничения символа – как внутриспсихического элемента – и символизированного объекта. Символизация – это не одномоментный психический акт. Это процесс, повторяющийся вновь и вновь: необходима некоторая константность восприятия объекта. Условно говоря, материнский объект должен исчезать и появляться, своим возобновляющимся присутствием подтверждая создающуюся репрезентацию в бессознательном. Рене Руссийон в работах по символизации также отмечает, что процесс символизации, если он может стать автономным, может быть завершен на ранних стадиях, только если рядом присутствует субъект, способный разделить и принять этот процесс. Здесь имеется в виду возможность материнской настройки на младенца, которая своим откликом и взаимодействием подтверждает младенцу факт их психической жизни, что встреча состоялась. Своим откликом и эхом на потребности и реакции ребенка она становится сначала объектом присутствующим. Сначала нужно признать, что объект есть, а затем это позволяет признать его отсутствие. Если же в отношениях с первичным объектом не происходит размыкание симбиотической слитности диады «мать – ребенок», то процесс символизации нарушается (Руссийон, 2017). Символизация начинает свою работу при условии существования нехватки объекта. Нехватки, которую можно пережить, начав создание символической репрезентации.

Психоаналитические исследования психозов практически единогласны во мнении о том, что психотическая структура психики характеризуется тотальной невозможностью осуществления процесса символизации. Несимволизированное содержание психики отбрасывается и возвращается в виде галлюцинаций или бреда. Бессознательное не наполняется символическим содержанием.

В психике транссексуала как будто есть пустоты. Будто в их случае процесс символизации обошел стороной некоторые из важнейших положений об устройстве мира и идентичности. Например, положение о разнице полов. Эта разница признается сознанием, но не репрезентируется в бессознательном как закон. А того, чего нет в бессознательном, того не может быть и в реальном. И тогда отсутствие разницы полов дает возможность воспринимать свой пол не как непреодолимую данность, а как конструктор в руках хирурга и эндокринолога. Но одновременно с этим отсутствуют нарушения мышления или любая другая продуктивная симптоматика, которая могла бы нам позволить говорить о психозе.

Феномен трансгендерности в оптике психоаналитического рассмотрения перверсий

Чтобы применить понятие «перверсия» к транссексуальности, нам необходимо провести важное разграничение, которое стало достижением психоаналитической мысли второй половины XX века. Перверсивный сексуальный акт не всегда означает перверсивную структуру психики. Сексуальность отделилась от структуры. Важнейшими характеристиками перверсии стало наличие специфических ведущих защит в виде частичного отрицания и расщепления. Перверсия как структура стала рассматриваться как защитная организация психики против непереносимой сепарационной и кастрационной тревог.

М. Кляйн, Д. Винникотт и Р. Фэйрберн в изучении структуры перверсии уделяют особое внимание преэдиповым источникам агрессии в отношениях матери и ребенка. По их мнению, младенец проецирует на мать сильнейшую оральную агрессию, порождая таким образом ранние угрожающие образы родителей (Кляйн, 2009; Винникотт, 2017; Фэйрберн, 2020). Впоследствии кастрационная тревога становится непереносимой, и психика формирует структуру перверсии, в которой зрелая генитальная сексуальность невозможна.

Перверсия должна решать сложнейшую задачу сепарации от фаллической матери и избегания кастрационной эдипальной тревоги. Но эта задача осложняется недостаточностью отцовской функции и невозможностью утраты материнского объекта ввиду либо ранней сексуальной стимуляции ребенка (или других инцестуозных посланий матери), либо невозможности проделать работу горя со стороны матери и, как следствие, со стороны ребенка. В данном случае стратегия трансвестизма, которая часто ассоциируется с так называемой вторичной транссексуальностью, является перверсным решением вышеописанной задачи. Мужчина признает свой пол и гендерную идентичность, но в моменты переодевания в женщину реализуется первертное расщепление: «Я знаю, что я мужчина, но другой воспринимает меня как женщину». Эта практика сексуализируется и таким образом отыгрывает инфантильные сексуальные желания. Женская одежда становится фетишем – материнским фаллосом. А сам сексуальный акт становится бессознательным триумфом над эдипальным законом о разнице полов. С одной стороны, женская одежда является «безопасным» обходом эдипального запрета, а с другой стороны, фетиш – это то, что всегда находится под контролем. Контроль над сценарием символизирует победу над бессознательным страхом перед фаллической поглощающей матерью.

В понимании перверсий важно обратить внимание на то, что ряд психоаналитических авторов уделяют особое внимание тому, на каком уровне психосексуального развития формируется перверсия. Отто Кернберг пишет о том, что более высокий уровень обнаруживается у пациентов, которые формируют перверсию с целью справиться с кастрационной тревогой. В этом случае чаще бессознательная агрессия матери к ребенку сексуализируется, а функция отца имеет место, но в очень обесцененном

виде (Кернберг, 2001). Эти пациенты часто демонстрируют некоторый уровень символизации и частичную возможность фантазирования. В связи с тем, что я часто говорю об инцестуозности или сексуальном стимулировании младенца, нужно добавить, что и кастрирующей фигурой в этих отношениях выступает тоже мать. Она в какой-то момент прекращает эту стимуляцию. Джойс Макдугалл пишет, что мать одновременно является и соблазнительницей, и тем, кто запрещает этим действиям развиваться дальше (Макдугалл, 2010).

Второй уровень перверсий связывают с формированием защит от сепарационной тревоги и агрессии в отношениях матери и младенца. В этом сценарии фигура отца отсутствует в бессознательном матери и часто в реальной жизни семьи. Мальчику труднее сформировать мужскую гендерную идентичность в отсутствие отцовской функции и, как это ни парадоксально, в отсутствие инцестуозного сексуального соблазнения. В случае сексуальной стимуляции мать так или иначе бессознательно обращается в сыне к мужской, пусть и догенитальной, сексуальности сына. С. Коэн пишет о том, что подобные пациенты демонстрируют часто невозможность символизации и склонны к отыгрыванию в действии (Коэн, 2004).

Симона Аржентиери также выделяет две возможные стадии формирования перверсии. На ее взгляд, трансвестизму соответствует более зрелая стадия сепарационно-индивидуационного процесса, который в свою очередь соответствует переходной фазе в винникоттовском смысле. А о транссексуальности, лишённой компонента сексуального отыгрывания, она пишет: «Мыслительный процесс транссексуала, несмотря на его ограниченность ядром гендерной идентичности, очень связан с конкретностью тела; он тонет в реальности и невосприимчив к игре иллюзий. Отчаянное упорство в поиске решения на биологическом уровне – это симптом отсутствия доступа к символическому, укорененный в области неполного разделения между Я и не-Я» (Argentieri, 2018).

В случае мужской транссексуальности мальчик изначально отказывается признавать свой биологический пол. Формирование его гендерной идентичности является угрозой для симбиотических отношений с матерью. Его гендерная идентичность является бессознательной мишенью материнской агрессии, и тогда, спасаясь от этой агрессии и в попытках сохранения идентичности, мальчик отказывается от мужской идентичности и принимает женскую гендерную идентичность. Часто этот симбиоз матери и ребенка выглядит как пространство, в котором нет места работе горя и символизации. Поэтому психика ребенка становится неспособной к символическому или фантазийному решению по сохранению своей идентичности. Отрицание проходит по «линии» границы полов, и тело превращается в конструктор – или фетиш. Фетиш принимает на себя роль контейнера для бессознательной агрессии матери (а как следствие, и ребенка) и используется для конструирования новой биологической реальности – нового пола. В этом случае мужскую транссексуальность можно воспринимать как несексуализированную перверсию, для которой характерны отрицание принадлежности к собственному полу и бессознательное отрицание разницы полов, маниакальным триумфом которого

становится возможность хирургической смены пола. Говоря о мужской транссексуальности в контексте первертной структуры, важно подчеркнуть, что, в отличие от трансвестита (который имеет доступ к догени- тальной сексуальности, обозначенной частичными влечениями), транс- сексуал полностью отказывается от любых проявлений своей сексуаль- ности до смены пола. Мужские половые органы подлежат удалению, и сексуальные отношения становятся возможны только после операции по смене пола. В этих сексуальных отношениях мужчина, ставший женщи- ной, принимает на себя роль объекта (того, кто приносит удовольствие другому) сексуального, отказывая себе в удовлетворении.

В случаях женской транссексуальности есть также характерные для перверсий бессознательное отрицание разницы полов, что делает воз- можным конструирование нового тела с помощью операции и гормоно- терапии. Доменико ди Сегли в своем исследовании транссексуальности пишет о том, что как женщинам, так и мужчинам-транссексуалам прак- тически недоступен процесс символизации, и поэтому они ищут реше- ния сепарационной задачи в изменении биологии тела. В их бессозна- тельном нет символических репрезентаций разницы полов. Поэтому в буквальном смысле: «у кого есть пенис – тот и мальчик, у кого его нет – тот девочка». Смена пола становится простой перестановкой поло- вых органов, не затрагивающей внутриспсихические репрезентации по- лов (*Di Ceglie*, 2018). Также кроме отрицания разницы полов есть мани- акальная одержимость идеей смены пола. Для женщины транссексуаль- ность становится перверсным способом сепарации от фаллической ма- тери, которая бессознательно репрезентируется как разрушающая и по- глощающая. Из-за невозможности работы горя и недоступности сим- волизации в этом симбиозе психике девочки остается только «пришить себе недостающий фаллос» и тем самым обрести отдельную иденти- чность. Этот фаллос становится способом триангуляции симбиотиче- ских отношений и спасением от психоза. Джойс Макдугалл упомина- ет об этом в статье о связи первосцены и сексуальных перверсий: «Этот бесконечный поиск отца, чего-то, что встанет между ребенком и все- могущественной матерью. <...> Он также дает психике защиту от пси- хоза, но в то же время обозначает хрупкость перверсной структуры» (Макдугалл, 2010).

В качестве обобщения следует указать еще раз, что психоаналитиче- ское исследование феномена транссексуальности имеет не только соб- ственно психоаналитическое значение, но и значение социальное, по- скольку активизация исследований многообразия социального поведе- ния способствует развитию социальных представлений о разнообразии норм человеческой жизни. Уточним здесь два понятия: транссексуаль- ность и трансгендерность. Следует сказать, что трансгендерность – это понятие, определяющее социальный феномен – то, что видит общество. Транссексуальность – понятие психоаналитической теории, которое объ- ясняет психические механизмы такого феномена, то есть психоаналити- ческие исследования транссексуальности представляют собой объясни- тельные модели социальных феноменов трансгендерности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батлер Дж.* Психика власти: теория субъекции / Джудит Батлер; пер. [с англ.] З. Баблюяна. Харьков: ХЦГИ; СПб: Алетейя, 2002 (Акад. тип. Наука РАН). 158, [1] с.
2. *Винникотт Д.* Ребенок, семья и внешний мир: [16+] / Дональд Д. Винникотт; пер. с англ. А. Багрянцева. Москва: ИОИ, 2017. 253, [2] с.
3. *Кернберг О.* Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. М.: Независимая фирма Класс, 2001.
4. *Кляйн М.* Психоаналитические труды: [в 6 т.] / Мелани Кляйн; пер. с англ. и нем. [М.Л. Мельниковой и др.]. Ижевск: ERGO, 2007. 22 см. Т. 5: Эдипов комплекс в свете ранних тревог и другие работы 1945–1952 гг. 2009. 310 с.
5. *Макдугалл Дж.* Первосцена и сексуальные перверсии // под ред. А.В. Литвинова и А.Н. Харитонов. Психоаналитические концепции психосексуальности. М.: Русское психоаналитическое общество, 2010.
6. *Руссийон Р.* Сексуализация и десексуализация в психоанализе // под ред. П.В. Качалова и А.В. Россохина. Уроки французского психоанализа. М.: Когито-центр, 2007.
7. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
8. *Фуко М.* Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. Изд. 2-е, испр. Санкт-Петербург: Гуманитарная акад., 2012. 415 с.
9. *Фэйрберн Р.* Основные труды Р. В. Д. Фэйрберна / перевод с английского В.А. Курманаевская [и др.] под редакцией В.В. Старовойтова; ред.-сост. В.В. Старовойтов. Москва: Канон-плюс, 2020. 319 с.
10. *Argentieri S.* (2018) Language, Symbolisation and Psychosis, Karnac Books.
11. *Coen S.J.* (1981) Sexualization as a predominant mode of defense. Journal of the American Psychoanalytic Association, 29, 893–920.
12. *Di Ceglie D.* (2018) Between Scylla and Charybdis: exploring atypical gender identity development in children and adolescents, Transvestism, Transsexualism in the Psychoanalytic Dimension, London: Routledge.
13. *Ikonen P., Rechart E.* (1984) On the universal nature of primal scene fantasies. The international Journal of Psychoanalysis, 65, 63–72.
14. *Segal H.* (1978) On Symbolism. The international Journal of Psychoanalysis, 59, 315–319
15. *Stoller R.* (1968) Sex and Gender: the Transsexual Experiment, Hogarth Press, 328.

Psychoanalytical approach to transgender phenomenon

L.N. Subbotina

Subbotina Lyubov Nikolaevna – clinical psychologist, psychoanalytically oriented psychologist, associated member of Moscow Psychoanalytical Association.

The article analyzes the features of the primal scene and symbolization processes in transgender persons. The psychoanalytic view on the transsexuality is revealed in the context of the general history of the theoretical definition of sexuality based on psychoanalytic, philosophical, and social thought. The article reproduces the psychoanalytic interpretation of the psychic mechanics of transsexualism.

Keywords: transsexuality, symbolization, primal scene, perversion, transgender, sexuality.

Динамика развития ипохондрического расстройств в картине патологического нарциссизма у главного героя повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича»

О.В. Цанова

Цанова Оксана Владимировна – психолог (НОЧУ ВПО «ИППиП»), психоаналитический психотерапевт, кандидат Общества психоаналитической психотерапии. Преподаватель АНО ДПО «Высшая школа психологии».

В статье описаны особенности характера, проявляющиеся при патологическом нарциссизме у главного героя повести Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», динамика развития у него ипохондрического расстройства, приведшего к болезни и смерти.

Ключевые слова: ипохондрия, нарциссизм, повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича», ложное Я, теория объектных отношений, психоаналитическая психосоматика.

Повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» является одной из вершин мировой литературы в области малой литературной формы, она описывает особенность личности, жизнь, болезнь и смерть судебного чиновника средней руки (Л.Н. Толстой, 1936). В.В. Набоков писал об этой повести следующее: «Этот рассказ – самое яркое, самое совершенное и самое сложное произведение Толстого» (Набоков, 1998, с. 309). А.Т. Лидский – советский хирург, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР – писал в 1929 году: «Каждый врач любой специальности должен внимательнейшим образом прочитать этот рассказ, сильнее которого нет в мировой литературе на эту тему, и перед ним раскроются те бездны ужаса и сомнений, которые переживают раковые больные» (Лидский, 1929, с. 6, 8–9). Это произведение имеет неоспоримые литературные достоинства и оказалось очень ценным для врачей начала XX века тем описанием боли

и сомнений, которые переживают больные. Оно уникально еще тем, что Л.Н. Толстой благодаря своей интуиции, наблюдательности и способности к анализу психики людей смог описать нарциссический тип организации характера, а также супружеские отношения главного героя и его жены, которые можно рассматривать через призму теории объектных отношений. Особого внимания заслуживает то, как описана болезнь главного героя, внутренняя картина болезни, которую можно понять, исходя из современных концепций психоаналитического подхода.

Можно сказать, что Толстой описал то, что спустя годы сформулировали Фрейд и ведущие психоаналитики вышеперечисленных теорий. Толстой работал над повестью в период с 1882-го по 1886 год, дата первой публикации повести – 1886 год. В эти годы З. Фрейд еще работал врачом и только в 1885 году приехал в Париж к Ж. Шарко, вместе с которым приступил к изучению истерии, которую в дальнейшем продолжил изучать с И. Брейером. Результатом этой совместной работы стала публикация книги «Исследования истерии» в 1895 году. Датой создания психоанализа принято считать дату выхода в свет этой книги. Значительно позже, только в 1914 году, Фрейд в работе «Введение в нарциссизм» описал свое понимание нарциссизма как проявления повышенного интереса к своему телу и личности. Фрейд считал, что этот интерес происходит из-за того, что либидо людей, склонных к нарциссизму, отщепляется от объектов внешнего мира и обращается на собственное Я (Фрейд, 1914). Фрейд описывал объекты внешнего мира прежде всего как средство для удовлетворения инстинктов, указывал, что восприятие значимости других людей и неудачи в отношениях с ними определяют природу, характер и функционирование внутриспсихических структур. В 1915 году он писал, что объект «не обязательно является чем-то посторонним для субъекта: он может быть эквивалентным части его тела». Эти и другие мысли Фрейда в дальнейшем развивал К. Абрахам (1924), затем М. Кляйн и ее последователи, которые заложили основу теории объектных отношений. Теория объектных отношений – психодинамическая теория, отталкивающаяся от предположения, что психика состоит из «внутренних объектов», представляющих собой интернализированные внешние объекты: людей и ситуации, связанные с ними («Психоаналитические термины и понятия...», 2000, с. 226). Нарушения в сфере объектных отношений могут приводить к образованию психосоматических симптомов и расстройств.

Повесть Л. Толстого начинается с того, как в большом заседании судебных учреждений во время перерыва заседания коллеги Ивана Ильича Головина – главного героя повести – узнают о его смерти и позже оказываются на его похоронах. Иван Ильич был их товарищем, и казалось, что все любили его. Он долгое время был чем-то болен, за несколько недель до смерти находился в тяжелом состоянии, говорили, что его болезнь была неизлечимой. Вместе с коллегами Ивана Ильича читатель оказывается в его доме на поминках, знакомится с его семьей и все больше и больше узнает о его жизни и о нем. Его смерть стала не только печальным событием для его близких и друзей, но и проявила их мысли о выгодах от нее:

коллеги думали о повышении по службе и освободившемся месте, жена – о том, как по случаю смерти мужа достать денег из казны (Толстой, 1936).

Во второй главе повести мы узнаем, что Иван Ильич умер сорока пяти лет от роду, к этому возрасту он числился членом Судебной палаты, был в браке около 20 лет, имел двоих детей. Он был вторым сыном чиновника, сделавшего карьеру, имеющего хорошее жалованье, но бывшего ненужным членом разных ненужных учреждений. Иван Ильич был умный, живой, приятный и приличный молодой человек – гордость семьи. «Он не был заискивающим ни мальчиком, ни потом взрослым человеком, но у него с самых молодых лет было то, что он как муха к свету тянулся к наиболее поставленным в свете людям, усваивал себе их приемы, их взгляды на жизнь и с ними устанавливал дружеские отношения» (Толстой, 1936, с. 69). Он обучался праву, были во время обучения «в Правоведении совершены им поступки, которые прежде представлялись ему большими гадостями и внушали ему отвращение к самому себе в то время, как он совершал их; но впоследствии, увидав, что поступки эти были совершаемы и высоко стоящими людьми и не считались ими дурными, он не то что признал их хорошими, но совершенно забыл их и нисколько не огорчался воспоминаниями о них» (Толстой, 1936, с. 70). Окончив обучение, он купил себе дорогую обмундировку, повесил себе на брелок медальку с надписью *respice finem* («предвидь конец») и уехал в провинцию на место чиновника особых поручений губернатора. Там он делал карьеру и приятно проводил время, так прошло пять лет, затем ему было предложено место судебного следователя в другой губернии. Он был уважаемым судебным следователем, сама же служба, в отличие от прежней, где «приятно было свободной походкой в Шармеровском вицмундире пройти мимо трепещущих и ожидающих приема просителей и должностных лиц, завидовавших ему, прямо в кабинет начальника и сесть с ним за чай с папиросою; но людей, прямо зависящих от его произвола, было мало» (Толстой, 1936, с. 71), – новая служба судебным следователем предоставляла большую власть. «Все без исключения, самые важные, самодовольные люди – все у него в руках, и что ему стоит только написать известные слова на бумаге с заголовком, и этого важного, самодовольного человека приведут к нему в качестве обвиняемого или свидетеля, и он будет, если он не захочет посадить его, стоять перед ним и отвечать на его вопросы» (Толстой, 1936, с. 71).

О. Кернберг говорит о патологическом, злокачественном нарциссизме, если человеку свойственно грандиозное Я, ослаблены этические системы, присутствует Эго-синтонная агрессия, дающая чувство власти, а власть – чувство превосходства (Кернберг, 2019). Толстой так описывает удовлетворение от власти над людьми, которое Ивану Ильичу предоставляла работа судебным следователем: «Все без исключения, самые важные, самодовольные люди – все у него в руках» (Толстой, 1936, с. 71), что позволяет предположить наличие у этого персонажа повести осложненной формы нарциссизма. Н. Мак-Вильямс пишет, что нарциссическому типу организации характера свойственно дегуманизирующее отношение к людям, потребность «использовать человека как функцию для

поддержания самооценки, а не воспринимать как отдельную личность, его [человека] приводят в замешательство и лишают присутствия духа» (Мак-Вильямс, 1998, с. 235).

После двух лет пребывания в новом городе Иван Ильич встретился со своей будущей женой Прасковьей Федоровной. Это «была самая привлекательная, умная и блестящая девушка того кружка, в котором вращался Иван Ильич» (Толстой, 1936, с. 72). Он очаровал ее в танце, так как был исключительно хорош в этом деле, она влюбилась в него. Он не имел намерений жениться, но, когда она влюбилась в него, он решил жениться. Он женился не потому, что полюбил, а потому, что люди его общества одобряли это и невеста была хороша. В первое время брачная жизнь радовала его супружескими ласками, новыми предметами обихода, но это продлилось недолго, до первой беременности жены. С первых месяцев ее беременности жена стала требовательной, ревнивой, появилось «что-то новое, неожиданное, неприятное, тяжелое и неприличное, чего нельзя было ожидать и от чего никак нельзя было отделаться» (Толстой, 1936, с. 73). Со временем он решил оградить себя от этих вторжений жены в его жизнь и отстранился от нее посредством службы. С рождением ребенка потребность отстраняться стала еще больше, и он все более и более стал смещать центр тяжести своей жизни на работу. От семейной жизни он требовал домашней еды, постели и, главное, приличия внешних форм. На работе вскоре его сделали товарищем прокурора, что давало ему еще больше власти – возможность привлечь к суду и посадить в острог, публичность речей и успех в обществе (Толстой, 1936).

Н. Мак-Вильямс пишет: «Наиболее печальной ценой нарциссической ориентации является недоразвитая способность к любви. Несмотря на то что другие люди играют важную роль в поддержании равновесия нарциссического индивида, его потребительская цель – удовлетворение собственных потребностей – просто не оставляет другим никакой иной энергии, кроме связанной с их функционированием в качестве сэлф-объектов и нарциссических расширений» (Мак-Вильямс, 1998, с. 228). В семейной жизни у нарцисса «при наихудшем сценарии возникает удушающее чувство несвободы и преследования со стороны другого. Непризнаваемые и неприемлемые аспекты Я проецируются на партнера ради сохранения Я-идеала. Бессознательное провоцирование партнера на то, чтобы вести себя согласно спроецированным на него аспектам Я, находит соответствие в нападках на него и его отрицании» (Кернберг, 1998, с. 364). Супружеская жизнь Ивана Ильича, его отношения с женой описаны Толстым в соответствии с этими цитатами. Затем у них стали рождаться дети, жена становилась все сердитее, ворчливее, он становился все более непроницаемым для ее ворчливости. Они снова переехали в новое место, жене Ивана Ильича оно не понравилось, кроме того, у них умерли двое детей, во всех невзгодах Прасковья Федоровна стала винить мужа – семейная жизнь для него стала еще неприятнее. Редкие примирения супругов и короткие периоды влюбленности скрашивали неприятности супружеской жизни. Так прошло еще семь лет и 17 лет со времени женитьбы,

он был уже опытным прокурором, когда вдруг случилось одно неприятное обстоятельство (Толстой, 1936).

Иван Ильич ждал места председателя в университетском городе, но его коллега опередил его и занял место. Он разозлился, поссорился с ним и начальством, это не понравилось начальству, и в следующем назначении его опять обошли. Он почувствовал, что все покинули его, был крайне уязвлен несправедливостью ситуации. Он решил действовать: отправился в Петербург просить повышения и при благоприятном стечении обстоятельств получил такое назначение, в котором он стал на две степени выше своих обидчиков. Снова вернулось ощущение превосходства, и он торжествовал – его враги были посрамлены, завидовали и подличали теперь перед ним (Толстой, 1936). Нарциссическая рана зажила, снова вернулось чувство собственного превосходства.

Он уехал в город нового назначения, осваивался на новом месте работы и с особым удовольствием обустроивал съемную квартиру. Он сам взялся за устройство быта: выбирал обои, покупал мебель, обивку, карнизы – все приводил к тому идеалу, который он себе составил, хотел поразить жену и детей, когда они приедут. Как-то раз он залез на лесенку, чтобы что-то указать обойщику, оступился и упал, ударился боком о ручку рамы. Ушиб поболел и скоро прошел. Иван Ильич чувствовал себя лет на 15 моложе. Приехали жена и дети, все были в восторге от убранства квартиры, стали обживать, но со временем расположение духа Ивана Ильича стало портиться, «страдало немного именно от помещения» – он переживал из-за пятен на скатерти, оборванного шнурка гардины, «ему больно было всякое разрушение» (Толстой, 1936, с. 80). Бывает так, что оборудование помещения, комнаты становится чем-то большим для человека, чем просто обустройством быта. Главный герой романа Дж. Уильямса «Стоунер», оборудуя кабинет, придавая ему желаемый вид, понял, «что много лет неведомо для себя носил где-то внутри, точно стыдясь извлечь на свет, образ, который на первый взгляд был образом места, помещения, но на самом деле – его самого. Да, это себя самого он формировал, работая над комнатой» (Уильямс, 2015). Ошкуривая старые доски, сглаживая неровности, обнажая дерево, ремонтируя мебель, расставляя ее по комнате, герой этого произведения «самому себе медленно придавал определенность, самого себя приводил в некий порядок, самого себя делал возможным» (Уильямс, 2015).

Обустройство квартиры, согласно тому идеалу, который себе составил Иван Ильич, было другим по подходу, но оно тоже оказалось проекцией его внутреннего мира на внешний, проекцией его собственного идеального Я (Winnicott, 1960) на предметы внешнего мира, он увлекся этим настолько, что чувствовал удовлетворение и выраженную эйфорию. Боль, которую он начал испытывать, страдая от разрушения идеального порядка помещения, описывает процесс, похожий на возврат проекций идеального Я снова в его психику. «Идеальные» предметы стали портиться от рук членов его семьи, Эго-идеал в его психике, как эти предметы, начал «портиться» в нем самом. Но в целом жизнь Ивана Ильича шла так, как, по его мнению, должна протекать жизнь: «легко, приятно

и прилично» (Толстой, 1936, с. 80). На службе он успешно отделял все, что ему мешало: «сырое, жизненное, что всегда нарушает правильность течения служебных дел: надо не допускать с людьми никаких отношений, помимо служебных» (Толстой, 1936, с. 80) – он был в этом виртуоз. Иван Ильич соблюдал подобие человеческих дружелюбных отношений, учтивость, но как только заканчивалось служебное, заканчивалось и всякое другое. Дома тоже все было очень хорошо: бесконфликтные отношения в семье, игра в винт с приятелями, обеды с важными людьми, танцы, самый лучший круг общества, радовали дети, все были здоровы. Легкие недомогания были у Ивана Ильича, но их нельзя было назвать нездоровьем – «странный вкус во рту и что-то неловко в левой стороне живота» (Толстой, 1936, с. 82).

Через некоторое время легкие недомогания стали увеличиваться и перешли в ощущение постоянной тяжести в боку и в дурное расположение духа. Дурное расположение духа со временем усилилось и стало портить приятную, легкую и приличную жизнь в семье Головиных. Супруги стали часто ссориться, придирки Ивана Ильича начинались перед обедом, «то он замечал, что-нибудь из посуды испорчено, то кушанье не такое, то сын положил локоть на стол, то прическа дочери. Во всем он обвинял Прасковью Федоровну» (Толстой, 1936, с. 83). Все, что было связано с приемом пищи, стало восприниматься Иваном Ильичом как плохое, испорченное, внешний мир снова стал раздражать, с точки зрения психоанализа можно понять, что он чувствовал, как будто ему дают «плохое молоко», а на жену опять проецировался плохой объект. Прасковья Федоровна считала себя очень несчастной и стала желать ему смерти, которой желать не должна была, потому что с его смертью не стало бы и жалованья (Толстой, 1936).

Иван Ильич поехал к врачу, врач выдвинул какие-то предположения относительно болезни и дальнейшего обследования, но Ивана Ильича волновало только одно – «опасно ли его положение, или нет? Но доктор игнорировал этот неуместный вопрос. С точки зрения доктора вопрос этот был праздный и не подлежал обсуждению; существовало только взвешивание вероятностей – блуждающей почки, хронического катара и болезни слепой кишки» (Толстой, 1936, с. 84). Это совсем не устроило Ивана Ильича – он решил, что все плохо, а доктору да и всем просто все равно.

Н. Мак-Вильямс пишет о нарциссически структурированных людях следующее: «Они чувствуют, что их идентичность слишком хрупка, чтобы не рассыпаться и выдерживать некоторое напряжение. Их страх фрагментации внутреннего "Я" часто смещается в сторону озабоченности своим физическим здоровьем. Таким образом, эти люди склонны к ипохондрической озабоченности и к болезненному страху смерти» (Мак-Вильямс, 1998, с. 231). Симптомы у Ивана Ильича проявились тогда, когда жизнь наладилась, в тот момент, когда он отказался от привычного отстранения от жены и семьи, предпочтя семейную жизнь и пожертвовав необходимой ему раньше сепарацией. М. Хирш считает, что ипохондрические симптомы проявляются в жизненных ситуациях, «связанных с амбивалентностью содержащихся в них свободы, личностного роста, обретения

автономии и в то же время скованности, утраты свободы, захвата извне. Страх свободы и страх быть поглощенным бессознательно – на сознательном уровне ипохондрик хочет здоровья, успеха, развития. Именно поэтому на каждом первом интервью терапевт слышит характерное: "И вот именно сейчас, когда все могло быть так хорошо, у меня рак!"» (Хирш, 2018, с. 295–296). Многие значимые события в жизни людей, склонных к ипохондрии, провоцируют триггеры ипохондрической тревоги: экзамены, вступление в брак, беременность, строительство или покупка дома, особенно собственного дома, арабская пословица гласит: «Когда дом построен, приходит смерть» (Хирш, 2018, с. 296). В таких ситуациях речь идет не только об утрате объектов, ощущении подавления со стороны этих объектов, но и о признании движения жизни, смены фаз идентичности, что так или иначе имеет значение движения на пути к смерти. В соответствии с этим ипохондрический симптом имеет двойственный характер – тело чрезвычайно инвестируется и в то же время становится несущим смерть объектом.

«Ипохондрия – это тревожное расстройство, определяемое убежденностью в наличии у себя тяжелой, ведущей к скорой смерти болезни. Хотя ипохондрик сводит вымышленные физические и психические симптомы к этой болезни и хочет выздороветь, со стороны возникает ощущение, что он хочет сохранить ее вместе с другой, отщепленной частью своего "Я", потому что никакие медицинские обследования, отрицающие существование этой болезни, не способны его переубедить» (Хирш, 2018, с. 284).

Чаще всего ипохондрический страх не поддерживается объективными фактами, М. Хирш рассматривает его как ограниченный бред при существенном сохранении личности. Предельный страх ипохондрика ограничивает витальность, прогрессирует, он все больше отстраняется от внешних объектов, занятый собой и своим телом, направляет все внимание, свое достаточно нарциссическое либидо на тело или, предположительно, на больной орган. «Склонность ипохондрика к отстранению и тревожному наблюдению за собой точно внесла свой вклад в понимание Фрейдом ипохондрии как нарциссического заболевания. Из-за избыточной эрогенности затронутого органа все либидо – отвлеченное от внешних объектов – направляется на задетый ипохондрический участок тела» («К введению в нарциссизм», *Freud*, 1914с, по: Хирш, 2018, с. 287). «Тело при ипохондрии становится объектом патологического нарциссизма, а не просто частью Я», – считала Лу Саломе (Хирш, 2018, с. 287). Ипохондрическое расстройство входит в структуру соматоформных расстройств, в медицине ставят диагноз «ипохондрия» на основании жалоб и исключения соматической патологии, но считается, что в редких случаях болезнь приводит к сильнейшему ухудшению психического и соматического здоровья.

Вернувшись от врача, Иван Ильич стал принимать лекарства, исполнять предписания доктора и в исполнении этом нашел утешение на какое-то время. Главными его интересами стали болезни и людское здоровье. Тем временем тяжесть в боку переросла в боль, боль не уменьшалась. Иван Ильич старался думать, что ему лучше, но как только случались неприятности с женой, неудачи по службе, плохие карты в карточной игре,

так сейчас же он чувствовал всю силу своей болезни, каждая неудача подкашивала его. Он считал, что несчастья от людей убивают его, злился сам и понимал, как это вредит ему, но был бессилён перед этим. Неспособность переносить отрицательные эмоции на психическом уровне ухудшала состояние Ивана Ильича и «находила» орган, который «собирал» все «не переваренные» психикой эмоции. Он обошел нескольких врачей, у них не было единого мнения, диагноза по его случаю, а боль все томила, усиливалась, «становилась постоянной, вкус во рту становился все страннее, пахло чем-то отвратительным у него изо рта, и аппетит и силы все слабели» (Толстой, 1936, с. 87). Его близкие не понимали тяжести его состояния, это более всего мучило Ивана Ильича, особенно он злился на жену и дочь за их беззаботность и веселье. В суде его приятели начали дружески подшучивать над ним, над его мнительностью, «как будто то, что-то страшное, неслыханное, что завелось в нем, и не переставая сосет его, и неудержимо влечет куда-то, есть самый приятный предмет для шутки» (Толстой, 1936, с. 88).

Репрезентация какого-либо органа может быть диссоциирована, как бы отделена от тела, этот орган может послужить объектом проекции всего негативного и травмирующего. Иван Ильич переживал свой болящий бок как страшное, неслыханное, что завелось внутри и постепенно высасывает из него жизнь. «Объект проекции, больной орган в случае ипохондрии, становится враждебным преследователем и внушает страх, но является и адресатом существенной агрессии. Механизм проекции используется везде и всегда, чтобы проецировать на объекты за пределами "Я" собственные негативные, пугающие и враждебные импульсы или внутренние тенденции и таким образом как бы освободиться от них, локализуя их вне самого себя и как бы "запирая под арест": страх гораздо проще выносить, когда он имеет под собой узнаваемую причину» (Хирш, 2018, с. 289).

Выдающийся врач А.Т. Лидский пишет о повести «Смерть Ивана Ильича»: в ней описана «бездна ужаса и сомнений, которые переживают раковые больные» (Лидский, 1929, с. 6, 8–9). Медицина конца XIX века не обладала возможностями для точной диагностики болезни, которой страдал Иван Ильич, но Толстой описывает его страдания так, что кажется, что он умер от рака. Иван Ильич сам искал ответа на вопрос, от чего он умирает: «Слепая кишка! Почка», – но сам же и отвечал себе на этот вопрос: «Не в слепой кишке, не в почке дело, а в жизни и... смерти» (Толстой, 1936, с. 91). Кажется, что он чувствовал, как внутри него ослабела тяга, влечение к жизни и запустилось какое-то движение к умиранию, влечение к смерти. Иван Ильич старался не думать о смерти, пытался вернуться к прежним ходам мысли, но «все то, что прежде заслоняло, скрывало, уничтожало сознание смерти, теперь уже не могло производить этого действия» (Толстой, 1936, с. 98). Он терпел боль, затем ему давали опиум и морфин, но это не облегчало страданий, тупая тоска, которую он испытывал, сначала приносила облегчение, а затем стала еще более мучительна, чем физическая боль. Он становился немощным. Для испражнений его были сделаны особые приспособления, он мучился

от нечистоты, неприличия, запаха, стыда, но в этом неприятном деле появилось неожиданное утешение – буфетный мужик Герасим, который деликатно и внимательно стал ему помогать в туалетном деле, потом поправлял подушки, держал на коленях его ноги так, что боль отступала. Ивану Ильичу казалось, что только Герасим понимал его и жалел. «Ему хорошо было, когда Герасим, иногда целые ночи напролет, держал его ноги и не хотел уходить спать...» (Толстой, 1936, с. 98). На пороге смерти как будто в обратном порядке проявили себя стадии психосексуального развития: Герасим, как заботливая мать, помогал ему на «анальной стадии», затем ночами почти держал его на руках, как мать держит младенца на «оральной». «Ему хотелось, чтобы его приласкали, поцеловали, поплакали бы над ним, как ласкают и утешают детей» (Толстой, 1936, с. 98).

Иван Ильич умирал долго и мучительно, перед смертью он слышал голос, который спросил его: «Как ты жил прежде, хорошо и приятно?» (Толстой, 1936, с. 106). Он стал вспоминать лучшие минуты жизни, но странное дело, лучшие минуты жизни сейчас казались пустяками, все, кроме первых воспоминаний детства, но того человека, который был в детстве, – его уже не было, это было как бы воспоминание о ком-то другом. «Как только начиналось то, чего результатом был теперешний он, Иван Ильич, так все казавшиеся тогда радости на глазах его таяли и превращались во что-то ничтожное и часто гадкое» (Толстой, 1936, с. 106). Чем дальше от детства, тем меньше хорошего: женитьба – разочарование, тяготы быта и утрата детей, запах изо рта жены, притворство; мертвая служба; постоянные заботы о деньгах. И чем дальше, тем мертвее. Ничто были его физические страдания в сравнении с нравственными: он думал, была ли его сознательная жизнь настоящей, он все более и более считал, что «все было не то, все это был ужасный огромный обман, закрывающий и жизнь и смерть» (Толстой, 1936, с. 110). За час до его смерти он спросил себя: что же было «то», что можно еще поправить? «Тут он почувствовал, что руку его целует кто-то. Он открыл глаза и взглянул на сына. Ему стало жалко его. Жена подошла к нему. Он взглянул на нее... Ему жалко стало ее... Жалко их, надо сделать, чтобы им не больно было... "Как хорошо и как просто", – подумал он» (Толстой, 1936, с. 112–113). Это были одни из последних мыслей Ивана Ильича перед смертью.

Только перед смертью пробудилась его душа, он осознал, что все, чем он жил большую часть своей сознательной жизни, было ничтожным, гадким, мертвым – это была ненастоящая жизнь, ужасный, огромный обман. Либи́до, которое раньше было отщеплено от объектов внешнего мира и обращено на собственное Я, вдруг перед самой смертью снова повернулось к объектам: он увидел сына и жену, пожалел их и понял, что же было «то» настоящее, чем он не жил: «Жалко их, надо сделать, чтобы им не больно было... "Как хорошо и как просто", – подумал он» (Толстой, 1936, с. 112–113).

Д.В. Винникотт в статье «Искажение Эго в терминах истинного и ложного Я» писал о крайнем варианте проявления ложного Я, ощущении обмана жизни. Нижеприведенные цитаты хорошо описывают проявления той ненастоящей жизни, о которой думал Иван Ильич перед смертью:

ложное Я «выдает себя за истинное, и со стороны именно оно обычно и воспринимается как настоящая личность. Между тем, в сфере рабочих и дружеских отношений, а также в целом ряде жизненных обстоятельств ложного Я ощутимо начинает не хватать. Иначе говоря, в ситуации, когда от человека ожидается, что он поведет себя как полноценная личность, в ложном Я неотвратимо обнаруживаются существенные провалы и изъяны. В этой крайней позиции истинное Я остается полностью сокрытым» (Винникотт, Московский психотерапевтический журнал. 2006, с. 8). «Особого рода опасность возникает в результате связи, которая нередко образуется между интеллектуальным развитием и ложным Я», «У здорового человека, как следует заметить, жизнь ума не становится сферой, куда индивид "сбегает", предавая забвению свое психосоматическое существование» (Винникотт, Московский психотерапевтический журнал, 2006, с. 10). Со стороны могут быть заметны только интеллектуальные успехи, успехи в работе и может быть совсем незаметен серьезный дистресс, но бессознательное такого человека ощущает всю «фальшь» этих достижений и такой жизни, и человек вдруг начинает «истреблять» себя любыми способами, нередко таким способом становится психосоматическая реакция, объектом уничтожения становится тело (Винникотт, Московский психотерапевтический журнал, 2006).

Принято считать, что прототипом главного героя повести был тульский прокурор Иван Ильич Мечников, с братом которого Ильей Ильичем Мечниковым – выдающимся биологом, лауреатом Нобелевской премии в области физиологии и медицины – Лев Толстой был знаком. Повесть «Смерть Ивана Ильича» – произведение, обладающее выдающимися литературными достоинствами, а также достоинствами, важными с точки зрения клинического осмысления теории нарциссизма, теории объектных отношений, психоаналитической психосоматики. В повести Толстого описываются внешние признаки нарциссического расстройства и психологические особенности личности человека с патологическим нарциссизмом, особенности формирования ипохондрического расстройства при нарциссизме, влияние глубинных психологических процессов на ипохондрический участок тела, отщепление его от Я, проецирование на орган всех непереносимых психикой эмоций и отношений к объектам, функционирование ложного Я в психике человека, и то, как эти процессы могут разъединять влечение к жизни и влечение к смерти, способствуя возникновению серьезной болезни, приводящей к смертельному исходу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винникотт Дональд В.* Искажение Эго в терминах истинного и ложного Я. Московский психотерапевтический журнал, 2006, №1.
2. Ипохондрия (ипохондрическое расстройство) – симптомы и лечение. <https://probolezny.ru/rasstroystvo-ipohondricheskoe/>.
3. *Кернберг О.Ф.* Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. Пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 364 с.

4. *Лидский А.Т.* Смерть, болезнь и врач в художественных произведениях Л.Н. Толстого. Русская клиника, 1929, XI, 6, 8–9.
5. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. Пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 1998. 480 с. (Библиотека психологии и психотерапии).
6. *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1998. С. 309.
7. Психоаналитические термины и понятия. Словарь / Под ред. Борнесса Э. Мура и Бернарда Д. Фаина. / Перев. с англ. А.М. Боковикова, И.Б. Гриншпуна, А. Фильца. М.: Независимая фирма «Класс», 2000. 304 с. (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 79).
8. *Толстой Л.Н.* Смерть Ивана Ильича. Государственное издательство «Художественная литература». Москва, 1936.
9. *Уильямс Дж.* Стоунер. ООО «Издательство АСТ», 2015. Издательство Corpus.
10. *Фрейд З.* Введение в нарциссизм, 1914.
11. *Хирш М.* Это мое тело... и я могу делать с ним что хочу: Психоаналитический взгляд на диссоциацию и инсценировки тела. Пер. с нем. М.: Когито-Центр, 2018. 381 с. (Библиотека психоанализа).

The dynamics of the hypochondriacal disorder development in the picture of pathological narcissism of the main character in Tolstoy's novel "The Death of Ivan Ilyich"

O.V. Tsanova

Tsanava Oksana Vladimirovna – psychologist (Institute of Practical Psychology and Psychoanalysis), psychoanalytic psychotherapist, candidate of the society for psychoanalytic psychotherapy. Lecturer at the Higher School of Psychology (Moscow).

The article describes the character's characteristics manifested in pathological narcissism of the main character in Tolstoy's novel "The Death of Ivan Ilyich" and the dynamics of the development of his hypochondriacal disorder which led to his illness and death.

Keywords: hypochondria, narcissism, Tolstoy's novel "The Death of Ivan Ilyich", false self, the theory of object relations, psychoanalytical psychosomatics.

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛАССИКИ ПРИКЛАДНОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Психотическая организация: социоаналитическая перспектива¹*

Б. Сиверс

*(Пер. с англ.: Наталья Редькина,
науч. ред.: Е. Шаповалова)*

Буркард Сиверс – заслуженный профессор по организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера при университете Bergische Universität Wuppertal в Германии, экс-президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO). Член правления SCOS – Постоянной конференции по организационному символизму. Более 30 лет работал организационным консультантом и руководил многими конференциями по групповым отношениям в Германии и за рубежом. Проводит семинары по анализу организационных ролей, социальной фотоматрице и социальной матрице снов. В 1995 году удостоен приза от The HBK-Spaarbank (Бельгия) за книгу «Работа, смерть и сама жизнь».

¹ Расширенная версия доклада в Центре психоаналитических исследований Университета Эссекса, 26 октября 2005 года. Я благодарен Хизер Хопфл и Роберту Д. Хиншелвуду за предоставленную возможность. Особую благодарность я хотел бы выразить Роуз Мерски за редактирование этой статьи для лучшего выражения моих идей на английском языке.

* Статья опубликована в журнале: *Ephemera articles theory & politics in organization*, 2006 *ephemera* 6(2): 104–120.

Психотическая организация: социоаналитическая перспектива» стала лейтмотивом моих публикаций и исследования организаций и менеджмента на протяжении почти десятилетия. Сначала я хотел бы представить свое видение организации с точки зрения социоаналитического подхода. Затем я кратко опишу опыт Конференции по групповым отношениям, на которой преобладало организационное безумие. В третьей части я в общих чертах изложу, что понимаю под «психотической организацией», и укажу несколько мыслителей и источников, на которых я построил свою концепцию. Четвертая часть включает некоторые инсайты, полученные мной при применении данного подхода к различным организационным и социальным системам. В заключение конкретизируется гипотеза, что понятие психотической организации как социоаналитической попытки глубинного понимания организаций открывает новое мышление и перспективы в теории и политике организаций.

Ключевые слова: организационные защитные механизмы, психотическая организация, социоанализ.

«На бессознательном уровне все мы знаем про нормальность и распространенность психотических тревог, но совсем другое дело – уметь размышлять о некоторых последствиях неизбежности этих бессознательных фантазий для жизни, культуры, политики и теории познания», Роберт М. Янг, 1994, с. 50

«Даже если руководители отрицают свои психотические тревоги, они бессознательно приходят к созданию организаций, предназначенных для удержания их в страхе», Гордон Лоуренс, 1995, с. 17

Предисловие

Эта статья представляет собой доработанную версию доклада в Центре психоаналитических исследований. Я хотел бы обратиться здесь к более широкому кругу читателей, к тем, кто, возможно, не знаком с психо- и социоаналитическим подходом (и риторикой), т. е. «непосвященным», как выразился один из рецензентов этой работы. По этой причине я следую рекомендациям рецензентов подробно рассмотреть этот вопрос. Поэтому мне хотелось бы начать с краткого обзора того, как я понимаю данный подход в контексте организации и управления.

Понимание психоанализа как науки о культуре, обществе и организации не слишком распространено. С классической точки зрения психоанализ рассматривается как раздел медицины или психологии. Таким образом, для гуманитарных наук, в частности контекста менеджмента и организации, психоанализ преимущественно сводится к *прикладной науке*, и ее значимость ограничивается применением идей, полученных из клинических исследований. Поскольку фокус психоанализа как *прикладной науки* ограничен прежде всего бессознательным отдельных членов

организации, или «пациентов», бессознательные явления и динамика на уровне организации в целом крайне сложны, если не невозможны, для понимания и концептуализации – и поэтому в основном считаются несущественными или даже несуществующими.

В противоположность только одной сфере применения психоанализа научный интерес к бессознательному в организационной (и общественной) среде тем временем стал самостоятельной дисциплиной, основанной на соответствующих теориях (например, *Elieli*, 1994; *Eisold*, 1997; *Erlich*, 1998; *Gabriel*, 1999; *Lawrence*, 1999; *Neumann & Hirschhorn*, 1999). В сравнении с более распространенным термином «организационная психодинамика» понятие «социоанализ», предложенное Бейном (*Bain*, 1999), кажется мне более подходящим для данной области исследования. Бейн описывает социоанализ как «деятельность по изучению, консультированию и экспериментальному исследованию, которая объединяет и синтезирует методологии и теории, полученные от психоанализа, теории групповых отношений, социальных систем мышления... организационного поведения», и социального сновидения (там же, 14). Несмотря на то что понятие социоанализа прямо ссылается на свои корни в психоанализе, оно преодолевает ориентацию на человека, преобладающую в терапевтическом использовании психоанализа.

Бейн видит происхождение социоанализа в работах Биона, Рикмана, Фольке в больнице Холлимур (Нортфилд, Бирмингем) в 1943 году (*Main*, 1946; *Harrison & Clarke*, 1992; *Harrison*, 2000). Распространение психоаналитического подхода на группы и организации приписывается главным образом Уилфреду Биону и его учению, созданному на основе Нортфилдских экспериментов (*Bion*, 1946, 1948a/b, 1961). Хотя соответствующая теория еще не была доступна в то время, Бейн первый внес «системный» подход в психоаналитическое мышление. Его работа с группами базировалась на гипотезе, что группами, как правило, управляют «примитивные» фантазии бессознательной природы, которые являются выражением психотических тревог. Это привело его к предположению, что традиционный уклон на индивидуальную или триадную части греческого мифа об Эдипе, почитаемого Фрейдом и большинством его преемников как «эдипов комплекс», может распространяться на социальную и политическую сферы. Выделяя другую часть мифа, а именно Сфинкса и его загадку: «Какое существо ходит на четырех ногах утром, на двух ногах в полдень и на трех вечером?» – Бейн (*Bion*, 1961, p. 8) предложил «бинокулярное» видение как необходимое условие для психоаналитического изучения групп и, следовательно, общества. В то время как «проект Эдипа» символизирует классическое пространство психоанализа в диадическом сеттинге аналитика и анализанда, «проект Сфинкса» относится к социальной сфере, которая формирует осознанность и намерение в организациях (*Lawrence*, 1999, p. 104; cf. *Sievers*, 1999b). Сфинкс олицетворяет способность освещать и подвергать сомнению господствующие (бессознательные) фантазии и психотическое мышление в группах, для того чтобы обеспечить тестирование реальности, необходимое для «рабочей группы». «Психоаналитическое исследование организаций складывается

вокруг Сфинкса как центральной фигуры и Эдипа как вторичного, но сопряженного признака. Иными словами, Сфинкс – это "рисунок" в изучении организаций, а Эдип – "фон"» (Lawrence, 1999, p. 106).

В современном контексте психотических организаций «Сфинкс» предлагает видение организационной динамики, которое допускает рассмотрение психотических явлений и реакций, вызванных не отдельными лицами, а обществом. Вместо того чтобы акцентировать внимание на конкретных людях, которые могут оказать критическое воздействие на динамику в организации, выбранный подход, наоборот, основывается на утверждении, что бессознательные эмоции и явления в организации социально обусловлены и, как следствие, «принимаются» обладателями организационной роли. Когда в организации преобладают психотические защиты против тревоги, ее сотрудники сознательно или бессознательно чувствуют необходимость мобилизовать собственные психотические части, вступая, таким образом, в сговор с «массовым психозом» на уровне организации.

Следующий пример может показать, в какой степени бессознательная динамика в организационной среде и мышление обладателей организационной роли могут восприниматься как побуждаемые организацией (и связанные с ее окружающей средой). Например, Лоуренс (1995; см. также Sievers, 1999; Knights & McCabe, 1997; Steingard & Fitzgibbons, 1993; Willmott, 1993) заметил, что внедрение Британской национальной службой здравоохранения традиционных методов управления привело к тому, что администрации больниц реализовывали и оправдывали тоталитарные способы мышления, несовместимые с профессиональными ценностными ориентациями врачей и медсестер. Насколько методы и инструменты управления ориентированы преимущественно на максимизацию прибыли и экономическое выживание, настолько теряется оригинальная «больничная атмосфера». Поэтому больницы больше не отличаются от других производственных или сервисных предприятий, а среди сотрудников господствует страх потерять работу. Сотрудники и пациенты превратились в экономические объекты, то есть в человеческий ресурс и потребителей. Страх аннигиляции – потери работы и профессиональной идентичности – реактивирует со стороны обладателей организационной роли (медицинского персонала) ранние страхи подобного рода. Поэтому они рискуют потерять способность контейнировать² аннигиляционные страхи пациентов, которые те испытывают в связи со своей болезнью и/или надвигающейся смертью (см. там же, Menzies, 1960).

² «Концепция контейнирования Биона основана на идее о том, что ребенок проецирует в свою мать чувства, которые утомительны, страшны, мучительны или каким-то другим образом невыносимы. Мать вбирает в себя проецируемые на нее ребенком части его психики и, придав им осмысленное содержание, возвращает их ребенку, чтобы он мог их освоить и реинтегрировать как свои собственные. Контейнируется не младенец как таковой, а чувства, которые мать переживает по отношению к младенцу, которого она должна контейнировать. В результате полный цикл представляет собой трансформацию детской проективной идентификации в осмысленное содержание. Но основное внимание матери сосредоточено не на контейнировании младенца, а на контейнировании специфического чувства, спроецированного в нее младенцем в определенное время» (Blackwell, 2006).

Кроме ранее упомянутой основы социанализа, т. е. работы Биона, моя основная концепция также находится под влиянием вклада Мелани Кляйн в теорию объектных отношений. Ее теория развития раннего детства была применена к организационному контексту Жаком (*Jaques*, 1953, 1955) и Менгиз (*Menzies*, 1960) с их упором на механизмы социальной защиты. Это развитие оказало существенное влияние на исследования в этой области.

Оба кляйнианских понятия – параноидно-шизоидная и депрессивная позиции – являются составными элементами этой теории и следующей темой для размышления. Так как они, скорее всего, непонятны большинству читателей этого журнала, я бы хотел кратко объяснить их.

В своей теории раннего детского развития Кляйн различает параноидно-шизоидную и депрессивную позиции. Вводя понятие «позиция», Кляйн подчеркивает, что, хотя младенчество можно рассмотреть как развитие от начальной (параноидно-шизоидной) к последней (депрессивной) стадии, их нельзя рассматривать как фазы в том смысле, что если последняя достигнута, первая остается позади. Обе позиции содержат определенный набор страхов и защит. Основным страх параноидно-шизоидной позиции заключается в преследовании и уничтожении «объектом» (страх аннигиляции). Преобладающие защиты этой позиции – проекция и интроекция, расщепление на плохие и хорошие объекты, идеализация и магическое всемогущее отрицание³. «В депрессивной позиции объект любим,

³ *Проекция*: буквально – бросание от себя. Отсюда использование этого термина в... психоанализе в значении «восприятие психического образа как объективной реальности». В психоанализе можно выделить два более частных значения: а) присущее всем искажение психической деятельности, как в сновидениях и галлюцинациях; б) процесс, посредством которого конкретные импульсы, желания, части себя или внутренние объекты локализируются воображением в каком-либо объекте, внешнем по отношению к индивиду. Проекция этих частей себя предшествует отрицанию, т. е. индивид отрицает, что у него есть такое-то и такое-то чувство, такое-то и такое-то желание, но утверждает, что они есть у кого-то другого... Проекция внутренних объектов состоит в приписывании чувств, которые индивид испытывает к себе, кому-то из его окружения; это обусловлено интроецированием какого-то внешнего объекта в прошлом (*Rycroft*, 1968/1995, p. 139).

Интроекция: процесс, посредством которого функции внешнего объекта берет на себя его психическое представление, посредством которого отношения с объектом «вовне» заменяются отношениями с воображаемым объектом «внутри себя». Образовавшуюся в результате психическую структуру называют по-разному: *интроект*, *интроецированный объект* или *внутренний объект* (*Rycroft*, 1968/1995, p. 87).

Расщепление: процесс (защитный механизм), посредством которого психическая структура теряет свою целостность, образуя взамен две или более подструктуры. Описано как расщепление Эго, так и расщепление объекта. После расщепления Эго обычно лишь одно из образовавшихся частичных Эго ощущается как «самость», другое же представляет собой (обычно) бессознательную «отколовшуюся часть Эго». После расщепления объекта эмоциональное отношение к двум подструктурам обычно прямо противоположное: один объект ощущается как «хороший» (принимающий, добрый и т. д.), другой – как «плохой» (отвергающий, злой и т. д.). Расщепление Эго и объекта часто связывается с отрицанием и проекцией; это трио составляет шизоидную защиту, посредством которой части себя (и внутренних объектов) не признаются своими и приписываются объектам в окружении» (*Rycroft*, 1968/1995, p. 173).

Идеализация: защитный процесс... посредством которого амбивалентно рассматриваемый... (внутренний) объект расщепляется на две части... и один из получившихся объектов воспринимается как идеально хороший, а другой – как абсолютно плохой. Понятие содержит два момента:

несмотря на его плохие части, тогда как в параноидно-шизоидной позиции осознание плохих частей внезапно превращает хороший объект в преследователя. Следовательно, любовь может поддерживаться в депрессивной позиции, давая начало стабильности» (*Hinshelwood, 1991, p. 141*). В то время как страх преследования в параноидно-шизоидной позиции «является страхом для Эго», страх в депрессивной позиции «является страхом за выживание любимого объекта» (там же, с. 273).

Обе позиции остаются составными частями психики в эмоциональной жизни взрослых. Тогда как достижение и усиленная стабилизация депрессивного положения понимаются как зрелость, регрессия к параноидно-шизоидному положению и параноидальной защите от депрессивных тревог даже для взрослого является повседневным опытом при определенных (объективных или субъективных) условиях.

В рамках социопсихоанализа и на основании того, что было изложено выше, эти позиции, их страхи и защиты понимаются в первую очередь как составляющие соответствующей *организационной* динамики и способов мышления, которые бессознательно могут мобилизовать тревоги и защиты раннего опыта со стороны обладателей организационных ролей. Например, в больнице, где, как описано выше, внешние угрозы из экономической и политической среды могут привести к тоталитарному мышлению, проявление бессознательных фантазий и страхов среди ее сотрудников (как руководителей, так и «рабочих») не может объясняться преимущественно индивидуальными недостатками характера, а должно рассматриваться как социально обусловленное. В условиях, в которых психодинамика больницы (или одной, или нескольких ее подсистем) поражена страхами и защитами параноидно-шизоидного типа, вряд ли обладатели организационных ролей смогут справиться с пациентами из депрессивной позиции, которая обеспечила бы достаточный уход, «любовь» и признание амбивалентности.

В отличие от преобладающего понимания организации в психоанализе как организации личности или психики, моя концепция организации фокусируется на внутренних резонансах, представлениях и в опыте обладателей организационных ролей в организации, в которой они работают и в которой они состоят. Таким образом, организация воспринимается как «организация-в-уме» (Хаттон и др., 1997), «учреждение-в-уме» (*Armstrong, 1997, 2005*) или как «учреждение-в-опыте» (*Long, 1999, p. 58*). Вместо утверждения, что организации (с их структурами, задачами,

построение идеального, совершенного объекта и овеществление идеи. Идеализация в более широком, не специальном значении при рассмотрении личности как совершенной и замечательной включает в себя помимо идеализации и проекцию» (*Rycroft, 1968/1995, p. 75*).

Фантазии всемогущества – это фантазии, согласно которым субъект всемогущ. *Всемогущество мысли* относится к вере в то, что мысли могут сами по себе изменить внешний мир. Согласно некоторым данным, все дети верят во всемогущество мысли и учатся посредством опыта фрустраций принимать принцип реальности. Согласно другим данным, всемогущество мысли является симптомом отчуждения и диссоциацией через фантазии от любого контакта с внешним миром» (*Rycroft, 1968/1995, p. 119*).

фирменным стилем и т. д.) являются «объективной реальностью», мой взгляд основан на предположении, что «все организации <...> зависят от мышления людей, которые занимают в них должности. Не будь мышления, не было бы никакой организации. Мышление является определяющей характеристикой жизни и работы людей в организации. И то же самое можно сказать и о любой другой общественной структуре» (Lawrence, 2000, p. 3). Это мышление может иметь как сознательные, так и бессознательные характеристики.

Организационное безумие

Я уже почти десять лет всячески пытаюсь понять и концептуализировать с социоаналитической точки зрения то, что в повседневном языке будет называться «организационное безумие» или «безумие нормальности». Мои поиски того, что я позже назвал «психотической организацией», на самом деле начались по случаю одной конференции по групповым отношениям⁴, которую я проводил в Германии более 10 лет назад.

Основополагающее понимание групп (и социальных систем) в традиции групповых отношений состоит в том, что человек – это групповое животное, воюющее с его groupishness (социальной природой) (Bion, 1961, p. 168). Обучение на опыте этих конференций всегда происходит в резонансе с «психотическим», которое одновременно является частью нормальной личности и фундаментальной характеристикой динамики групп и систем. Однако эта конкретная конференция имела очень сильное сходство с «безумием» (Sievers, 1999a).

Страх сойти с ума и желание свести с ума других прошли через всю конференцию от первого пленарного заседания до заключительной сессии восемь дней спустя. Все началось с того, что некоторые участники начали обвинять персонал и, в частности, руководителя в проявлении неосторожности и безответственного риска, подвергая людей такому безумному событию. Но вскоре параноидными фантазиями были заражены почти все, участники и персонал в равной степени. Мы как сотрудники работали над пониманием «безумия» с точки зрения системного измерения и динамики, а не личностной патологии. В наших исследованиях нам очень помогли два художественных произведения: «Бенито Серено» Германа Мелвилла (1855/1969) и «Система доктора Смоля и профессора

⁴ Подход конференции по групповым отношениям «был разработан Уилфредом Бином... и другими и развивался в Тавистокском институте человеческих отношений под руководством А.К. Райса. Он предполагает интенсивное изучение авторитета, лидерства и самоуправления участниками временного общества. Это достигается тем, что участники контролируют свой собственный опыт в процессе участия в индивидуальной, групповой и общественной динамике самой конференции. То есть это особенно интенсивная форма экспериментального обучения, которая концентрируется на интерпретации постоянно меняющихся, динамических бессознательных процессов, которые опосредуют отношения между индивидуумом и группой "здесь и сейчас". Модель групповых отношений эквивалентна психоаналитическому методу как инструменту социального и культурного исследования, и членам конференции предлагается устанавливать связи с их более обширным опытом в организационной и социальной жизни» (Young, 2006).

Перро» Эдгара Аллана По (1855/1969). В этих рассказах оба автора описывают организации: первый – испанский рабский корабль на побережье Чили в 1799 году, второй – частный приют для сумасшедших на юге Франции в начале XIX века, где рабы и больные скрывают мятеж или восстание за проявлением «рационального безумия» (Lawrence, 1995, p. 2, 11; Jacobson, 1959, p. 587). В конечном счете к концу каждой истории «истина» становится очевидной. Оба повествования предложили нам метафорические рамки для концептуализации опыта «психотического» на конференции с системным подходом.

Эти произведения неким образом послужили нам – сначала персоналу, а затем и конференции в целом – своего рода контейнером или переходным объектом⁵ к другому виду мышления от ограниченного личной психотической динамикой. Рассказы помогли ремобилизовать наши не-психотические части (Bion, 1957); это позволило нам в качестве руководителей и консультантов лучше выполнить основную задачу конференции, которая заключалась в осознании своего опыта и исследовании его, чтобы затем учиться на нем. Они также помогли нам донести до участников конференции осознание того, что происходит в системной психотической динамике.

И на открытии, и на закрытии пленарных заседаний рабочих совещаний я как руководитель обычно упоминаю, что наши сотрудники работают с мыслью, что конец конференции не обязательно означает конец обучения. В этом случае было достаточно доказательств, что это касается бывших участников и сотрудников. Для меня это действительно стало так, поскольку начатое здесь обучение оказало большое влияние на то, как я в дальнейшем концептуализировал свое понимание организаций, в частности «психотических». Некоторое время назад, в основном благодаря работе на конференциях, я усвоил, что любая попытка понять организации с психодинамической точки зрения требует «приоритета социального (над индивидуальным)». Я имею в виду, что, если исследовать группы и организации с точки зрения системного подхода, то поиск смысла относится к «социальным фактам» и, таким образом, попадает в область проекта Сфинкса. До этой конференции мне было трудно понять полноценную *социоаналитическую* концептуализацию «психоза», сравнимую, например, с дифференциацией Биона (1957) психотических и непсихотических частей человека.

Признание психотических тревог как составной части развития младенцев и человеческого развития – и, таким образом, жизни в целом – несомненно, способствует депатологизации психоза и соответствующих ему страхов (Young, 1994, p. 73ff.; Tarnopolsky, Chesterman & Parshall, 1995). Хотя организации «совершенно особым и изысканным способом приспособлены избегать сознательного переживания психотической тревоги... психотические процессы находятся под угрозой прорыва время от времени» (Young, 1994, p. 156). С другой стороны, принятие этой нормальности никоим образом не уменьшает боль и страдания, связанные с опытом

⁵ Переходный объект, см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Transitional_object (21.05.2006).

преследования, отмщения и уничтожения. Как аналитик работает, «чтобы стать аналитиком для психотических пациентов», так и менеджер и/или консультант, работающий с психотическим в организациях, должен быть способен «дойти до своих самых примитивных частей» в себе (*Winnicott, 1949*).

Психотическая организация

Стремясь достичь социоаналитической концептуализации психоза, я сначала посмотрел, как он оформлен относительно личности как персональной системы. Я начал с *патологической организации*, термина, который использовался различными психоаналитическими авторами в попытке лучшего понимания серьезных личностных нарушений (*Hinshelwood, 1991, p. 381ff.*). Оно (в числе прочих) основано на раннем наблюдении Кляйн, что «если страх преследования очень силен и по этой причине... младенец не может проработать параноидно-шизоидную позицию, то и функционирование через депрессивную позицию в свою очередь затруднено. Этот провал может привести к регрессивному усилению страха преследования и усилению точек фиксации для тяжелых психозов» (1952b, p. 294). Концепция *защитной организации* О'Шонесси (*O'Shaughnessy, 1981*) подчеркивает эту патологическую фиксацию среди детей, которые из-за слабого Эго и опыта экстремального страха преследований не вступают в депрессивную позицию. Их развитие Эго застаивается в защитных механизмах, типичных для параноидно-шизоидной позиции. Такой застой приводит либо к незрелому психическому равновесию между параноидно-шизоидной и депрессивной позицией, либо к чрезвычайно нарциссической структуре личности, организованной вокруг всемогущих защитных механизмов. Основываясь на бионовской (1957) дифференциации психотической и не-психотической частей личности и расщеплении, которое происходит вместе с этим, Мельтцер (*Meltzer, 1968*) и Мани-Керл (*Money-Kyrle, 1969*) описали внутренний конфликт между здоровой и больной частями личности. Чаще всего это приводит к проецированию последней во внешний мир (*Segal, 1956*). Вместо того чтобы расщепляться на плохие и хорошие части, Стайнер (*Steiner, 1979, 1982, 1987, 1990, 1993*), с другой стороны, пишет, что патологические структуры личности в основном характеризуются своего рода «связью фрагментов»⁶ под господством всемогущей нарциссической структуры личности, которая сама по себе является результатом неудачного расщепления.

Я предложил *психотическую организацию* как метафорическую рамку для дальнейшего социоанализа организаций. Хотя я чувствую определенное неудобство этой концепции – особенно в отношении социальных

⁶ Для Стайнера психотическая структура личности основана на том, что «фрагменты Я и внутренних объектов проецируются на объекты, которые, в свою очередь, собираются в мощную структуру. Из-за масштабов фрагментации, интенсивности жестокости и силы деструктивности и ненависти структура психики вынуждена примитивным способом полагаться на всемогущие механизмы. Таким образом, разумные части личности перегружены и насильственно завербованы для участия в психозе» (1993, с. 66).

явлений – из-за традиционных клинических патологических значений психоза (Young, 1994, p. 76ff.), с другой стороны, понятие психотической тревоги как пограничного состояния между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями побуждает меня использовать это понятие с организациями. На этот выбор меня особенно вдохновил Форнари (Fornari, 1966/1975), итальянский психоаналитик, который в своем «Психоанализе войны» предвосхитил большую часть основных сведений о том, что через некоторое время было концептуализировано как теория патологической организации.

Подобно Биону и раннему Жаке (1953, 1955, см. Menzies, 1960) Форнари описывает важную роль защиты от психотических тревог в формировании общества и его институтов. Исходя из предположения, что психотическое измерение групповой жизни находит свое самое эффективное воплощение в феномене войны, Форнари подчеркивает неспособность скорбеть, то есть параноидную проработку траура, как критическую динамику (или фактор) войны, так и психотического типа социальной организации. В то время как не-психотический способ борьбы с трауром основан на способности терпеть боль и страдания и сопутствует определенной уверенности в том, что в конечном итоге это пройдет (там же, с. 224), параноидная проработка траура основывается на собственном отчуждении и чувстве вины, которые проецируются на врага. Вопреки преобладающему представлению о том, что война является выражением ненависти, Форнари предлагает парадоксальное мнение о том, что «война... кажется безумием любви, а не безумием ненависти» (там же, с. 261). Вместо признания утраты и уничтожения «любимого объекта» и чувства вины, связанного с этим, параноидная проработка траура, характерная для войны, возлагает вину за потерю на врага, который затем считается ответственным за войну. Поражение противника является свидетельством его вины, а его уничтожение рационализируется как справедливое воздаяние за его преступление.

В сравнении, например, со Стайнером (1979, с. 389, 1990, 1993), чья точка зрения ограничена помехами гореванию в патологической организации пограничного пациента, т. е. индивида, анализ Форнари психотических измерений войны учитывает фундаментальную взаимосвязь между индивидом и обществом. Теория Форнари неявно основана на патологической фиксации и стагнации в параноидно-шизоидном положении и на защите, подобной той, что О'Шонесси (1981) спустя некоторое время концептуализировала как *защитную организацию*.

Я отношусь к психотической организации как к *метафорической* структуре главным образом потому, что я хочу избежать вхождения в более широкий эпистемологический спор о том, действительно ли или нет, и если да, то в какой степени, концепции, возникшие из психоанализа личности, могут быть перенесены или переведены в более широкий контекст общественных организаций. Я бы предпочел здесь занять более прагматичную позицию, чтобы выяснить, какие идеи могут быть получены, если предположить, что общественные организации (особенно предприятия) являются психотическими организациями (см. Morgan, 1986).

Подобно тому как пациенты с тяжелыми нарушениями личности часто не выглядят очень уж психотичными, а скорее создают впечатление, что они зафиксировали свое расстройство на определенном уровне, общественные организации – в частности, ориентированные на прибыль организации – похоже, часто скрывают свой внутренний уровень беспокойства за каким-то любопытным, но тем не менее нормальным видом. Будучи внешним наблюдателем или консультантом крупных корпораций, я часто вижу, что эти организации застряли в попытке защититься от очевидной угрозы и преследований, исходящих из внешнего мира рынков и конкурентов, над которыми сами они в то же время имеют тенденцию доминировать и контролировать с высокой степенью агрессии, садизма и деструктивности. В таких случаях, как мне кажется, психическая динамика организации оказывается в поведении и способе мышления, характерном для параноидно-шизоидной позиции. Перед лицом продолжающейся борьбы за превосходство, рост, выживание и стремление к увеличению доли рынка, похоже, почти нет возможностей для депрессивной позиции и ее страхов. Поскольку беспокойство по поводу хороших объектов внутреннего или внешнего мира отсутствует, преобладающая деструктивность и агрессия, похоже, не оставляют места для переживания вины, стремления к любви, траура или возмещения, характерных для депрессивного положения. Внешний мир и реальность, таким образом, формируются и уменьшаются внутренними психотическими тревогами и их соответствующими защитными механизмами.

Лоуренс описывает психоз вообще как «процесс, посредством которого люди защищают себя от понимания смысла и значения действительности, потому что они считают такое знание болезненным. Для этого они используют аспекты своего умственного функционирования, чтобы в разной степени разрушить сам процесс мышления, который бы заставил их соприкоснуться с реальностью» (2000, р. 4f). Таким образом, психотическая организация может пониматься как социальная система (или подсистема), которая вызывает временную или постоянную психотическую реакцию у ее обладателей. В тех случаях, когда обладатели организационной роли вынуждены сильнее, чем в других ситуациях, мобилизовывать свои психотические части и теряют способность к мышлению, они, как правило, сводят организационную реальность к тому, что кажется очевидным – «данным», соотносящимся с их преобладающими бессознательными фантазиями.

Психотическая организация и общественные организации

В своем первоначальном документе о психотической организации (Sievers, 1999b) я указал на полезность этой концепции, применив ее к различным системным ситуациям: *внутриорганизационной*, *межорганизационной* и *глобальной* динамике. Здесь я хотел бы изложить несколько недавних попыток понять мир организаций через объектив психотической организации: 1) международная немецкая автомобильная компания, 2) англо-американские системы пенсионных фондов и 3) австрийская

политическая партия. Однако структура этой статьи предоставляет пространство только для кратких набросков.

Международная немецкая автомобильная компания: конкуренция как война

Идея о том, что конкуренция внутри и между предприятиями может восприниматься как психотическая динамика войны, стала для меня поразительной очевидностью, когда я проводил анализ организационной роли (*Newton, Long & Sievers, 2006*) с некоторыми обладателями роли в Volkswagen несколько лет назад. Несколько интересных эпизодов по случаю посещения главного завода в Вольфсбурге привели меня к более глубокому исследованию социоистории этой компании (*Sievers, 2000*).

Когда я пришел в компанию в качестве посетителя, я чувствовал, что сотрудники службы безопасности в какой-то степени считают меня незванным гостем. Сопровождающая меня сотрудница вступилась за меня, спонтанно отметив, что люди у входа все еще олицетворяют дух СС (*Schutz-Staffel*, т. е. «отряд охраны»), который более полувека назад контролировал границы завода с внешним миром (*Nelson, 1966, p. 72*). Позже в ее кабинете садовый гном с кинжалом в спине, аккуратно стоящий на ее столе, вернул нас к ранней истории компании и, очевидно, все еще жестокой динамике борьбы. Сотрудница сказала мне, что установки, которые, по-видимому, использовались для пыток, были недавно найдены в подвале старого здания недалеко от того места, где мы сидели. Они использовались для уничтожения мыслей и личностей принудительных рабочих во время Второй мировой войны (*Amati, 1987*). При следующем посещении завода ее офис был временно перемещен в один из барачков, в которых, как говорят, жили иностранные рабочие, трудившиеся в качестве принудительной рабочей силы.

Эти эпизоды почти неизбежно сталкивали меня с мегаломанской частью мифа о возникновении компании (*McWhinney & Batista, 1988*), который сам был выражением нацистской идеологии. Встреча заставила меня осознать, что на самом деле может быть скрыто за метафорой войны, которая часто используется в организационной практике и теории. Для меня вскоре стало очевидно, что эта конкретная компания является выдающимся и, вероятно, уникальным примером взаимосвязи конкуренции и войны. Компания долгое время была вовлечена в войну за господство на мировом автомобильном рынке. Эта корпорация дает убедительные доказательства того, что ее изначальная поддержка мегаломанской военной мобилизации по-прежнему влияет на микрополитику корпорации и ее рыночную деятельность.

В отличие от бесчисленного множества других немецких корпораций, которые также сотрудничали с нацистским режимом и получали выгоды во время Второй мировой войны, Volkswagen был явно «желанным ребенком» Третьего рейха и самого Гитлера. Фирма, основанная в 1938 году, во время расцвета Третьего рейха (*Shirer, 1961, p. 258*), явно служила грандиозности Гитлера. Volkswagen «Жук», как он стал известен вскоре

после войны, был для Гитлера «лучшей работой» и его «любимой идеей». Проект с самого начала считался беспрецедентным «в истории человечества» и был предназначен не только для того, чтобы превзойти заводы Ford в Мичигане (*Nelson, 1966, p. 81, 98, 104*), но и вскоре возглавить лидерство на мировых рынках (*Roth, 1990, p. 82*).

Мой опыт и мое последующее исследование привели меня к вопросу о господствующей убежденности в том, что война не считается частью делового мира, организаций или мира, построенного вокруг них. Согласно этому пониманию, экономика войны и борьбы заточена исключительно на получение выгод от производства военного снаряжения, служит поддержанию военных сил (как во времена войны, так и мира) и восстановительных работ и реконструкции, необходимых после окончания битвы. Предполагаемое отсутствие кровопролития или жертв в коммерческих организациях побуждает нас предположить, что частое упоминание войны является просто метафорическим. В теории организации и менеджмента редко признается, что чрезмерное насилие, садизм, боль и потери – опыт и динамика, характерные для каждой войны, – преобладают в современном деловом мире. В теории и на практике, похоже, не слишком много осознания того, что обладатели организационных ролей часто «переполнены ужасными историями, деталями и образами» (*Krantz, 2006, p. 15*).

Случай с Volkswagen привел меня к гипотезе о том, что подобная военная динамика не только встречается во всей автомобильной промышленности, но и во множестве, если не в большинстве корпораций – с их отчаянным стремлением завоевать или сохранить доминирующую роль глобальных игроков.

В той мере, в какой организации – предприятия и некоммерческие организации – склонны преуменьшать свои собственные прибыли и убытки, а также прибыли и убытки конкурентов до простых цифр денежного учета, они так же игнорируют эмоциональный опыт побед и поражений на мировых рынках. Поскольку опыт потерь, в частности, не может быть воспринят, он не может быть признан и, следовательно, не может быть прожит. Вместо этого игнорируемые чувства проигрыша, страха или уничтожения психотически превращаются в поражение, вызванное «другими». Врожденные агрессия и деструктивность посредством рационализации, сокращения или увеличения маркетинговой активности направлены «вовне» – либо в сторону рабочей силы, либо в конкурентов.

Англо-американские системы пенсионных фондов

Моя попытка понять психотическую динамику мировой экономики привлекла мое внимание к влиянию революции финансовых услуг на системы пенсионных фондов (*Sievers, 2003*). Моей отправной точкой для этого исследования стала нынешняя англо-американская «частная» система пенсионных фондов, базирующаяся на абсолютно других образах человека, общества и социальной принадлежности, нежели традиционные

системы социального обеспечения и пенсионные схемы, характерные для социальных государств во многих европейских странах.

Это привело меня к рабочей гипотезе о том, что англо-американская система пенсионных фондов из-за присущей ей защиты от преследований и депрессивных тревог основана на психотической динамике. Для участников этих систем ожидаемые выплаты после выхода на пенсию считаются защитой от «жалкого» образа жизни, лишений и уничтожения, а также чувства зависимости, благодарности, любви и вины. Поскольку люди все чаще стремятся к обеспеченной старости, коммодитизированные деньги питают иллюзию, что чем больше денег накоплено, тем более уверенно смерть будет держаться на расстоянии.

Однако психотическая динамика, присущая системе пенсионных фондов, не ограничивается теми, кто вкладывает средства в фонды, а находит дальнейшее выражение в организациях, которые управляют фондами, и соответствующих им обладателях роли. Загруженные ожиданиями и опасениями своих клиентов относительно адекватных выплат после выхода на пенсию, пенсионные фонды склонны поддерживать и распространять глобальный сговор психотического мышления. Таким образом, деньги, отданные пенсионной системе, служат, помимо своей «денежной» функции, «проводником» психотических тревог. Как следствие, пенсионные фонды стали основными игроками на какой-то глобальной сортировочной станции, где лежащие в основе страхи передаются и изменяются разными способами.

Вызванная отрицанием смерти и отчаянной жадной бессмертия будущих пенсионеров неотъемлемая глобальная психотическая динамика превращается в деструктивность, которая, как правило, отрицает смертность людей, работающих на предприятиях, – как руководителей, так и рабочих – путем редуцирования предприятий через оптимизацию акционерной стоимости в простые денежные единицы. Таким образом, мир психотично сводится к своему денежному выражению. Все, что имеет значение, – это деньги, и деньги заставляют мир крутиться.

Австрийская политическая партия

Тогда как два предыдущих примера относятся к миру бизнеса и предпринимательства, последний взят из опыта работы с политической партией. Некоторое время назад я работал на семинаре по социальным сновидениям⁷ с группой австрийских социал-демократов, которые были членами

⁷ *Социальное сновидение* – «это дисциплина для раскрытия социального смысла и важности сновидений посредством обмена ими друг с другом. Это делается путем осознанного и устойчивого метода свободных ассоциаций и дополнения через социальную матрицу сновидений... С момента возникновения социального сновидения системный характер сновидений был признан и подтвержден. Спящие видят сны не только о своей экологической нише, но и сны, которые систематически взаимосвязаны. Социальное сновидение также является уникальной эмпирической дисциплиной, которая освобождает участников от их личных защит, ограничивающих свободное мышление и взаимодействие в обычных социальных ситуациях. Социальные сновидения могут использоваться в организационных системах, профессиональных сообществах и потребительских, фокус-группах и группах специальных интересов» (Институт социальных сновидений). Социальное сновидение было основано доктором Гордоном Лоуренсом в 1982 году.

местного совета в одном из федеральных штатов (Sievers, 2006b). Многие из снов, рассказанные во время части, посвященной социальной матрице сновидений (Lawrence, 1998, p. 2005), касались того факта, что участники чувствовали себя жестоко преданными своей политической партией.

Я был удивлен, узнав, что за несколько лет до этого партия не только сменила свое название с *Социалистической партии Австрии* на *Социал-демократическую партию Австрии*, но и отказалась от своей оригинальной риторики и языка – и, можно предположить, части своей первоначальной миссии. Если в 1978 году было заявлено: «Мы, социалисты, боремся за свободу и достоинство человека... против всякого подавления и эксплуатации посредством политического деспотизма и частной экономической или государственно-капиталистической власти» (*Sozialistische Partei Österreichs*, 1978, p. 1), то в документе 1998 года подчеркивалось, что социал-демократы «обязаны уважать идеал гуманного, демократического и справедливого общества... Этот идеал гуманного общества является целью, реализации которой мы постепенно надеемся достичь путем демократического соперничества с другими политическими концепциями» (*SPÖ-Bundesgeschäftsstelle*, 1998, p. 3).

Переход от партии для рабочих к партии «для всех трудящихся» (там же, с. 4) согласуется с тем фактом, что, хотя *социалисты* были «ведущей силой общественных изменений в Австрии» на протяжении более века (*Sozialistische Partei Österreichs*, 1978, p. 45), к 1998 году *социал-демократы* поставили себе в заслугу достижение большого прогресса в предыдущие годы.

В первой «матрице» один участник рассказал сон, в котором он был на политическом мероприятии, которое включало церемонию победы в лотерее. Главным призом была надувная машина. Ассоциации, связанные с этим сном, в основном касались вопроса о том, а не были ли результаты их политической работы и предвыборных кампаний, по сути, горячим воздухом в гигантском воздушном шаре. В отличие от настоящих лотерей в Австрии, главный приз в этом сне не был даже *настоящей* машиной. «Мы постоянно находимся на сцене, но забыли текст» – ассоциация другого участника. «Не было бы более уместным проткнуть воздушный шар иглой (призовой автомобиль) или вытащить пробку, чтобы выпустить воздух?» Партийные события воспринимаются как напыщенные и всего лишь являются подобием кабаре. Один из участников цинично задался вопросом, что они представляют собой на сцене. «Монтировщики декораций, техники освещения – мы не являемся ключевым светом, мы не играем роли» – таков был ответ одного из его коллег.

Еще один сон, которым поделился тот же участник, разворачивается в институте, где он работает. Руководитель ввел процедуру, по которой все события должны оцениваться. Он представляет и яростно защищает эту процедуру контроля качества, за которую несет ответственность, на собрании совета – несмотря на то что он сам не может отождествить себя с ней. «Мое сердце не лежит к этой работе, но она должна быть выполнена. Выполнение этой задачи – не самое ценное мое желание». Другой участник замечает, что между сном и реальностью нет большой разницы.

В какой мере эти вопросы о будущем социал-демократии являются одновременно подсознательными и в то же время парализующими повседневную жизнь этих участников и связаны с нынешним кризисом идентичности партии, становится очевидным в следующих ассоциациях во время первой «матрицы»: *«Если то, чего мы достигли с социал-демократией на сегодняшний день, по сути, является лишь сном, тогда мы должны бороться с этим сном. Это невероятная история». «...Когда мы или предыдущее поколение все еще имели видение, за которое стоило сражаться <...> Сегодня это только вопрос победы на выборах!»* Стремление партии к политике регулирования вместо достижения центра и, таким образом, большинства голосов сделало их подозрительными и полными злости и гнева. Как один из участников выразил это: *«Мы должны бороться против нашей коррумпированной партии, системы, которая существует. Я потерял мечту, видение того, что воплощает в себе социал-демократия. Больше не за что сражаться. То, что важно, уже сделано; нам не нужно бороться за это».* В то время как разочарование участников поначалу переживалось как предательство и циничным образом выражалось в обвинении партийных лидеров, позже они смогли понять, что они были не только жертвами предательства, но и играли активную роль в предательстве идей социализма.

Цинизм можно понимать как «отношение, которое сформировалось на опыте предательства и которое просто пытается иммунизировать себя от дальнейших травм такого рода» (Teichert, 1990, p. 100). Таким образом, цинизм можно рассматривать как психологическую попытку человека защититься от переживания параноидно-шизоидных тревог, связанных с изменой. Еще до Первой мировой войны (если не с самого начала XIX века) социал-демократия, по крайней мере в Германии и в Австрии, была поймана в порочном круге цинизма и предательства (Sievers, 2006a). Пренебрежительный и часто циничный упрек левых коммунистов и социалистов, что социал-демократия предала рабочих, довольно часто отвергается социал-демократами не менее циничным образом. Возможно, есть частичная правда в том, что заявил один из участников «социальной матрицы сновидений», – что «больше не за что сражаться». Возможно, социал-демократия либо выполнила свою миссию, либо ее миссия на самом деле невыполнима из-за присущего ей идеализма и утопичности. Как бы то ни было, кажется, что ни одна позиция не смогла бы удерживаться социал-демократами из депрессивной позиции в зрелом смысле, потому что это заставило бы их противостоять их собственному предательству и цинизму.

Выводы

Эти три примера иллюстрируют, что сосредоточение внимания на бессознательной психотической динамике в организациях дает новый взгляд на исследования и теорию и тем самым расширяет рамки того, что можно считать «реальностью». Каждый из этих примеров, безусловно, можно было бы прочитать с разных теоретических подходов, таким образом создавая отдельные интерпретации и ценные идеи.

Выбранная мной призма подчеркивает взаимосвязь бессознательной динамики личности и организации, что привело меня к новому пониманию организационного «безумия». Если рассматривать психотическую организационную динамику как социально обусловленную – и, следовательно, как часть «нормальных организаций», – «безумие нормальности» может считаться социальным фактом, а не объективным. Социоаналитический подход позволяет обладателям организационных ролей получить доступ к собственному опыту и побуждает их воспринимать это всерьез как источник новых мыслей и мышления. Один из очевидных недостатков этого подхода лежит, так сказать, в «природе зверя», то есть поиск рефлексии и понимания того, что находится за пределами (что скрыто), очевидно, ограничен тем фактом, что «человечество не может вынести слишком много реальности» (*T. S. Eliot, 1974*). Отчасти это связано с тем, что обладатели роли в организациях, видимо, часто бессознательно воспитывают отвращение к мышлению, которое сводит реальность к тому, что сознательно известно и понятно. Хотя мы склонны отрицать наши психотические тревоги, мы «бессознательно приходим к созданию организаций, предназначенных для удержания их в страхе» (*Lawrence, 1995, p. 17*).

Хотя понятие психотической организации фокусируется на ее психотической динамике, необходимо подчеркнуть, что психотические части организации обычно сосуществуют с ее не-психотическими частями. Аналогично дифференциации Биона (1957) психотических и не-психотических частей личности организационная динамика может быть психотической и не-психотической. Особенно в то время, когда преобладают капитализм и овеществление денег, весьма вероятно для каждой организации – промышленной, социальной или образовательной, – что растущая проблема дефицита ресурсов серьезно угрожает фундаментальным ценностям и будущим перспективам многих организаций. Обладатели организационной роли часто реагируют чрезмерной борьбой (как в конкуренции) или отступлением и цинизмом. Чаще всего это способствует формированию тоталитарного мышления и склонности сведения организационной реальности к тому, за что легко можно сделать кого-то ответственным, и тому, что легко может быть обосновано финансовыми данными. Признание руководством психотической динамики может открыть понимание и способность мобилизовать не-психотические части со стороны тех обладателей ролей, которые оказывают решающее влияние на ее судьбу и будущее.

Перед лицом все более преобладающей тенденции к овеществлению организаций концепция психотической организации способна привнести важные осознания о бессознательной конструкции и односторонности лежащего в основе организации мышления. Деконструкция мышления в организациях позволяет проникнуть в сущность социальной составляющей организационной психодинамики и делает возможным ее осмысление, что может расширить и усилить возможности для не-психотического мышления в организациях и, соответственно, нового толкования того, что предполагается считать «организационной реальностью».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Amati S.* (1987) Some thoughts on torture, *Free Associations*, 8: 94–114.
2. *Armstrong D.* (1997) The Institution-in-the-mind: Reflections on the relation of psychoanalysis to work with institutions, *Free Associations*, 7(41): 1–14.
3. *Armstrong D.* (2005) *Organization in the mind: Psychoanalysis, group relations and organizational consultancy.* London: Karnac.
4. *Bain A.* (1999) On Socio-Analysis, *Socio-Analysis*, 1(1): 1–17.
5. *Bion W.R.* (1946) Leaderless group project, *Bulletin of the Menninger Clinic*, 10: 77–81. *Bion W.R.* (1948a) Psychiatry in a time of crisis, *British Journal of Medical Psychology*, 21. *Bion W.R.* (1948b) Experiences in groups, *Human Relations*, 1–4, 1948–1951.
6. *Bion W.R.* (1957) Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities, *International Journal of Psycho-Analysis*, 38: 266–275.
7. *Bion W.R.* (1961) *Experiences in groups,* London: Tavistock.
8. *Blackwell D.* (2006) Holding, Containing and Bearing Witness: The Problem of Helpfulness in Encounters with Torture Survivors [http://www.torturecare.org.uk/UserFiles/File/publications/Black_2.rtf], accessed 21/05/2006.
9. *Eisold K.* (1997) Psychoanalysis today: Implications for organizational applications, *Free Associations*, 6(2): 174–191.
10. *Elieli R.* (1994) Psychoanalytic thinking and organizations, *Psychiatry*, 57: 78–91. *Eliot T.S.* (1974) *Murder in the cathedral.* London: Faber & Faber.
11. *Erlich S.* (1998) The search for the subject and the psychoanalytic study of organizations, Paper presented at the 1998 Symposium, International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations, Jerusalem [<http://www.sba.oakland.edu/ispso/html/1998/Erlich>].
12. *Fornari F.* (1966/1975) *The psychoanalysis of war.* Bloomington: Indiana University Press. *Gabriel Y.* (1999) *Organizations in depth: The psychoanalysis of organizations.* London: Sage.
13. *Harrison T.* (2000) *Bion, Rickman, Foulkes and the Northfield Experiments: Advancing on a different front.* London: Jessica Kingsley.
14. *Harrison T. & D. Clarke* (1992) The Northfield Experiments, *The British Journal of Psychiatry*, 160: 698–708.
15. *Hinshelwood R. D.* (1991) *A dictionary of Kleinian thought.* London: Free Association Books.
16. *Hutton J., J. Bazalgette & B. Reed* (1997) Organisation-in-the-mind: A tool for leadership and management of institutions, in J. Neumann, K. Kellner & A. Dawson-Shepherd (eds.) *Developing organizational consultancy.* London: Routledge, 113–126.
17. *Jacobson E.* (1959) 'Depersonalization', *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 7: 581–610.
18. *Jaques E.* (1953) On the dynamics of social structure, *Human Relations*, 6: 3–24.
19. *Jaques E.* (1955) Social systems as a defence against persecutory and depressive anxiety, in M. Klein.

20. *P. Heimann & R. Money-Kyrle* (eds.) *New directions in psycho-analysis: The significance of infant conflicts in the patterns of adult behaviour*. London: Tavistock, 478–498.
21. *Klein M.* (1952a) Some theoretical conclusions regarding the emotional life of the infant, in *M. Klein*.
22. *P. Heimann, S. Isaacs & J. Riviere* (eds.) *Developments in psycho-analysis*. London: Hogarth, 198–236.
23. *Klein M.* (1952b) On observing the behaviour of young infants, in *M. Klein, P. Heimann, S. Isaacs & J. Riviere* (eds.) *Developments in psycho-analysis*. London: Hogarth, 237–270.
24. *Klein M.* (1959) Our adult world and its roots in infancy, *Human Relations*, 12: 291–303.
25. *Knights D. & D. McCabe* (1997) Innovate to subjugate: The self-reconstituting manager and the reconstitution of employees in a motor manufacturing company, in *Conference proceedings Organizing in a multi voiced world*, Leuven, June 4–6.
26. *Krantz J.* (2006) Eric Miller memorial lecture, Unpublished manuscript, 3/16/2006.
27. *Lawrence W.G.* (1995) The seductiveness of totalitarian states-of-mind, *Journal of Health Care Chaplaincy*, 7(October): 11–22.
28. *Lawrence W.G.* (1998) Won from the void and formless infinite: Experiences of social dreaming, in *Social Dreaming @ Work*. London: Karnac, 9–41.
29. *Lawrence W.G.* (1999) Centring on the Sphinx for the psychoanalytic study of organizations, *Socio-Analysis*, 1(2): 99–126.
30. *Lawrence W.G.* (2000) Thinking refracted, in *Tongued with fire: Groups in experience*. London: Karnac, 1–30.
31. *Lawrence W.G.* (2005) *Introduction to Social Dreaming. Transforming Thinking*. London: Karnac.
32. *Long S.* (1999) Who am I at work? An exploration of work identifications and identity, *Socio-Analysis*, 1: 48–64.
33. *Main T.* (1946) The hospital as a therapeutic institution, *Bulletin of the Menninger Clinic*, 10: 66–70. *McWhinney W. & J. Batista* (1988) How remythologizing can revitalize organisations, *Organisational. Dynamics*, 17(2): 46–58.
34. *Meltzer D.* (1968) Terror, persecution, and dread, *International Journal of Psycho-Analysis*, 49: 396–400.
35. *Melville H.* (1855/1969) Benito Cereno, in *W. Berthoff* (ed.) *Great short works of Herman Melville*. New York: Harper & Row, 238–315.
36. *Menzies I.* (1960) A case-study in the functioning of social systems as a defence against anxiety: A report on a study of the nursing service of a general hospital, *Human Relations*, 13(2): 95–121.
37. *Money-Kyrle R.* (1969) On the fear of insanity in (1978) *The collected papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, 434–441.
38. *Morgan G.* (1986) *Images of organization*. Beverly Hills: Sage.
39. *Nelson W.H.* (1966) *Die Volkswagen-Story. Biographie eines Autos*. München: R. Pieper; trans. as (1967) *Small Wonder. The Amazing Story of the Volkswagen*. Boston: Little, Brown & Co.

40. *Neumann J. & L. Hirschhorn* (eds.) (1999) Towards the integration of the social sciences, *Human Relations*, 52(6) (Special Issue).
41. *Newton J., S. Long & B. Sievers* (eds.) (2006) Coaching-in-depth: The Organizational Role Analysis approach. London: Karnac.
42. *O'Shaughnessy E.* (1981) A clinical study of a defensive organization, *International Journal of Psycho-Analysis*, 62: 359–369.
43. *O'Shaughnessy E.* (1992) Psychosis: Not thinking in a bizarre world, in R. Anderson (ed.) *Clinical lectures on Klein and Bion*, London: Tavistock/Routledge, 89–101.
44. *Poe E.A.* (1845/1938a) The system of Doctor Tarr and Professor Fether, in *The complete tales and poems of Edgar Allan Poe*. New York: Modern Library, 307–321.
45. *Roth K.H.* (1990) NazismusgleichFordismus? Die deutsche Autoindustrie in den dreißiger Jahren, *Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20. und 21. Jahrhunderts*, 5(4): 82–91. Rycroft, C. (1968/1995) *A critical dictionary of psychoanalysis*. London: Penguin.
46. *Segal H.* (1956) Depression in the schizophrenic, *International Journal of Psycho-Analysis*, 37: 339–343.
47. *Shirer W. L.* (1961/1981) *Aufstieg und Fall des Dritten Reiches*. Köln: Kiepenheuer & Witsch; trans. as (1981) *The Rise and Fall of the Third Reich: A History of Nazi Germany*, New York: Simon & Schuster.
48. *Sievers B.* (1999a) Accounting for the caprices of madness: Narrative fiction as a means of organizational transcendence, in R. Goodman (ed.) *Modern organizations and emerging conundrums: Exploring the postindustrial subculture of the third millennium*, Lanham: Lexington Books, 126–142.
49. *Sievers B.* (1999b) Psychotic organization as a metaphoric frame for the socio-analysis of organizational and interorganizational dynamics, *Administration & Society*, 31(5): 588–615.
50. *Sievers B.* (2000) Competition as war: Towards a socio-analysis of war in and among corporations, *Socio-Analysis*, 2(1): 1–27.
51. *Sievers B.* (2003) Your money or your life? Psychotic implications of the pension fund system: Towards a socio-analysis of the financial services revolution, *Human Relations*, 56(2): 187–210.
52. *Sievers B.* (2006a): It is new, and it has to be done!': Socio-analytic thoughts on betrayal and cynicism in organizational transformation, *Culture & Organization*, (forthcoming).
53. *Sievers B.* (2006b): There's nothing more worth fighting for. Social Dreaming with Social Democrats in Austria, in W. Gordon Lawrence (ed.) *Case studies in Social Dreaming*. London: Karnac (forthcoming). Social Dreaming Institute What is Social Dreaming? [<http://www.socialdreaming.org>].
54. *Sozialistische Partei Österreichs* (ed.) (1978) *Das neue Parteiprogramm der SPÖ*. Wien: Zentralsekretariat.
55. *SPÖ-Bundesgeschäftsstelle* (ed.) (1998) *SPÖ – Das Grundsatzprogramm*. Wien.
56. *Steiner J.* (1979) The border between the paranoid-schizoid and the depressive position in the borderline patient, *British Journal of Medical Psychology*, 52: 385–391.

57. *Steiner J.* (1982) Perverse relationships between parts of the self: A clinical illustration, *International Journal of Psycho-Analysis*, 62: 241–252.
58. *Steiner J.* (1987) Interplay between pathological organisation and the paranoid-schizoid and the depressive position, *International Journal of Psycho-Analysis*, 68: 69–80.
59. *Steiner J.* (1990) Pathological organisations as obstacles to mourning, *International Journal of Psycho-Analysis*, 71: 87–94.
60. *Steiner J.* (1993) *Psychic retreats. Pathological organization in psychotic, neurotic and borderline patients.* London: Routledge.
61. *Steingard D. & D. Fitzgibbons* (1993) A postmodern deconstruction of total quality management (TQM), *Journal of Organizational Change Management*, 6(5): 27–42.
62. *Tarnopolsky A., P. Chesterman & A. Parshall* (1995) What is psychosis?, *Free Associations*, 5(4): 536–566.
63. *Teichert W.* (1990) *Jederist Judas: Der unvermeidliche Verrat.* Stuttgart: Kreuz Verlag.
64. *Willmott H.* (1993) Strength is ignorance: Slavery is freedom: Managing culture in modern organizations, *Journal of Management Studies*, 30: 515–553.
65. *Winnicott D.* (1949) Hate in the counter-transference, *International Journal of Psychoanalysis*, 30: 69–74.
66. *Young R.* (1994) *Mental space.* London: Process Press.
67. *Young R.* (2006) *Group Relations: An Introduction* [<http://human-nature.com/group/chap10.html>], accessed 21/05/2006.

The Psychotic Organization: A Socio-Analytic Perspective *

Burkard Sievers

*(Translation from English: Natalia Redkina,
scientific editor: E. Shapovalova)*

Dr. Burkard Sievers, Professor of Organizational Development in the Department of Economics, Management and Social Sciences at Bergische Universität Wuppertal in Germany, where he teaches and writes on management and organization theory from a psychoanalytic perspective and an action research approach. He received his Dr. Soz. Wiss. from the University of Bielefeld in 1972 and has held visiting appointments at various universities abroad. Dr. Sievers is co-editor of Freie Assoziation – Zeitschrift für das Unbewusste in Organisation und Kultur. He was awarded the 1995 International Award for Participation from the HBK-Spaarbank in Antwerp (Belgium) for his book Work, Death, and Life Itself. Essays on Management and Organization (de Gruyter, 1994). He is President of the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations for the period 2005-2007 and co-director of 'Organizations in Depth', an International Professional Development Program held in Coesfeld/Cologne, Germany.

"The Psychotic Organization: A Socio-Analytic Perspective" has somehow become the leitmotiv of my research and writing on organization and management for about a decade. First, I would like to introduce my understanding of organization from a socio-analytic perspective. I will then briefly describe the experience of a Group Relations Conference in which organizational madness predominated. In the third part I will outline my understanding of psychotic organization and indicate some of the thinkers and sources upon which I have built my conceptualization. The fourth part comprises some of the insights that I have gained in 'applying' this perspective to various organizational and societal dynamics. In the conclusion, the assumption is further elaborated that the psychotic organization as a socio-analytic attempt at understanding organizations in depth opens up new thinking and important vistas on the theory and politics of organizations.

Keywords: social defense mechanisms, psychotic organization, socioanalysis.

* Ephemera articles theory & politics in organization, 2006 ephemera 6(2): 104–120

Анализ организационной культуры и рефлексивное пространство*

Дж. Краниц

*(Пер. с англ.: А. Гудкова,
науч. ред.: Е. Шаповалова)*

Джеймс Краниц – организационный консультант, исследователь, Ph.D. из Нью-Йорка, где он является управляющим директором компании Worklab, специализирующейся на вопросах стратегии, развития лидерства и работе executive-команд. Среди клиентов – компании Google, Genzyme и Unilever. Изучал философию и экономику в Уэслианском университете (Wesleyan University) и имеет степень доктора философии в области системных наук Уортонской бизнес-школы (Wharton School). Преподавал в Йельском университете (Yale University) и Уортоне (Wharton), а также во многих других университетах, включая Колумбийский университет (Columbia), Гарвард (Harvard), Европейский институт управления бизнесом (INSEAD) и Университет Чили (Universidad de Chile). Паст-президент, а ныне почетный член Международного общества психоаналитических исследований организаций (ISPSO), заведующий кафедрой обучения и сертификации Института А.К. Райса.

Рефлексия является итоговой целью всех социоаналитических методов, и разнообразные социоаналитические техники направлены на создание рефлексивной практики в организации. Статья исследует значение рефлексивной практики с точки зрения социоаналитического подхода, подчеркивая как важность создания рефлексивных пространств в современных организациях, так и препятствия на пути включения такой практики в организационную жизнь.

Ключевые слова: организационная культура, диагностика организационной культуры, социоанализ, системно-динамический подход, рефлексивное пространство.

* Статья опубликована в сборнике: Long, S. (ed) Socioanalytic Methods: Discovering the Hidden in Organisations and Social Systems. London: Karnac, 2013. P. 23–46.

Вступление

Моя задача – обсудить анализ рабочей культуры, исследовать кейсы и рабочие гипотезы в рамках общей совокупности социоаналитических методов. Вспоминается чудесная история, рассказанная моим коллегой Томом Гилмором о маленьком мальчике, сидящем в классе и изучающем разные формы облаков – нимб, перистые облака, кучевые облака и так далее. Взмолванный, он выбегает после урока, чтобы опознать их, но с разочарованием обнаруживает, что на самом деле они не так уж различны. Чем сильнее он вглядывается в них, тем больше они размываются и тем труднее их различить: то же самое и со многими из тем, рассматриваемых в этой статье.

Я считаю, что это потому, что есть некоторые общие черты всех социоаналитических подходов. Моя нынешняя попытка состоит в том, чтобы обсудить три «технологии» и представить их в более широком контексте социоаналитической парадигмы с лежащими в ее основе объединяющими элементами. Только тогда, я думаю, становится понятным, почему мы делаем то, что делаем, так, как мы это делаем.

Сначала я описываю анализ рабочей культуры, признавая, что не существует фиксированного определения этого метода. Я буду определять некоторые качества, которые отличают его от других подходов, такие как использование рабочих гипотез и рабочих заметок в качестве основы для проведения совместного исследования.

Организационный анализ, или анализ культуры, – это на первый взгляд исследование кейсов, поскольку это попытка понять организацию как целое. В результате анализ культуры играет двойную роль, являясь одновременно и намеренным катализатором изменений, и методом исследования.

Однако в конечном итоге социоаналитический анализ культуры отличает то, что это способ создания рефлексивного пространства для клиентов, чтобы они могли понять свои собственные системы, распознать невидимые силы, которые влияют на их способность выполнять работу и в конечном итоге позволяют им действовать. Я рассматриваю социоаналитические методы как совокупность интеллектуальных технологий, направленных на открытие актуальных и значимых знаний о мире совместной работы, знаний, которые находятся под поверхностными. Отождествление понятия «технология» с машинами или компьютерами сужает понимание его значения. Слово «технология» происходит от греческого языка (*τεχνολογία* или *technología*), где *τέχνη* (*téchnē*) означает «искусство, умение, ремесло», а *λογία* (*logía*) – «изучение». Технология относится к инструментам, процессам и системам, которые люди открывают и развивают, чтобы добиться цели. С этой точки зрения социоаналитические методы могут быть также рассмотрены как технология.

Я считаю, что все социоаналитические методы имеют одну общую черту – все они направлены на создание условий для рефлексии. Рефлексия в целом и анализ рабочей культуры в частности позволяют открыть новое знание и понимание организации. Как сны могут быть королевской дорогой к бессознательному, так совместная рефлексивная практика –

это социоаналитический путь к пониманию рабочей культуры, бессознательной основы организаций, а также для развития содержательных рабочих гипотез, которые служат платформой для рефлексивного исследования.

Учитывая центральное место рефлексии и рефлексивной практики в социоаналитическом подходе к анализу культуры, вторая часть этой главы – это обсуждение рефлексии в организациях, опять же с социоаналитической точки зрения, а также попытка определить некоторые проблемы в творческом рефлексивном пространстве. Проблемы создания творческого рефлексивного пространства, учитывая мою рабочую гипотезу, эквивалентны вызовам проведения анализа культуры.

Но здесь возникает несколько вопросов: что мы понимаем под культурой, под анализом культуры и под рабочими гипотезами или «рефлексией»? Что такое методология кейс-стади (case-study) и как она вписывается во все это? Эта глава – попытка исследовать эти вопросы.

Культура изучалась и анализировалась с разных точек зрения. Культура – это система символов и знаков, которые люди используют, чтобы понять свой опыт работы в организациях (Geertz, 1973). Это символический контекст, в котором они думают и чувствуют. Основываясь на этом подходе, Шейн (Schein, 1985) разработал набор конкретных идей об организационной культуре, например:

«Паттерн основных предположений, которые данная группа изобрела, открыла или развила в процессе обучения, чтобы справиться с проблемами внешней адаптации и внутренней интеграции, – это паттерн предположений, который достаточно хорошо работает, чтобы его можно было назвать действенным, и, следовательно, новые члены группы должны быть обучены ему как верному способу воспринимать, думать и чувствовать себя по отношению к проблемам».

Эти основные предположения, говорит Шейн, можно разделить на пять категорий: отношение человека к природе; природа реальности и истины; природа человеческой натуры; природа человеческой деятельности и характер человеческих взаимоотношений.

Важно подчеркнуть, что культура – это не явное поведение или поверхностная реальность организации. И это, конечно, не заявленная миссия, ценности или видение или другие попытки сформулировать желаемое представление о себе. Это относится к тому, что находится «под поверхностью» предположения и убеждения, лежащих в основе поверхностной реальности и определяющих многое из того, что происходит.

Социоанализ, однако, добавляет особое измерение в понимание культуры, потому что он создается на системной психодинамической традиции, которая строит свой подход на понимании, что организационный мир находится на «стыке» между системной теорией и психодинамикой.

Теории открытых систем относятся к концепциям, которые обеспечивают понимание структурных и формальных аспектов организации. К ним относятся ее структура, разделение труда, уровни полномочий и система подчинения; характер рабочих задач, процессов и действий; а также ее миссия и первичная задача. «Социальное» измерение также

свидетельствует о том, что психоаналитические взгляды применяются в групповом, организационном и социальном контекстах.

К части психодинамики относятся те психоаналитические концепции, которые обеспечивают понимание иррациональных и часто бессознательных аспектов индивидуальных, групповых и социальных процессов. Поскольку эти процессы часто функционируют в бессознательном, они могут оказывать значительное влияние на работу организации и одновременно на эмоциональное и психологическое благополучие тех, кто в ней работает. Они во многом заимствованы из теории объектных отношений Фрейда, Винникотта и Кляйн. Среди прочей значимости эти теории групповой жизни продемонстрировали, что многие коллективные процессы, которые часто бывают бессознательными и разрушительными, могут оказать существенное влияние на производительность организации, а также на эмоциональное и психологическое благополучие ее членов.

Понимание иррациональности и устранение скрытых конфликтов и тревог может повлиять на то, насколько хорошо организация функционирует и выполняет свои задачи и в то же время усиливает эмоциональное благополучие тех, кто живет и работает в постоянно расширяющихся кругах семей, групп, организаций и сообществ. Социоаналитические исследования часто демонстрировали вещи, лежащие на поверхности: например, что простые организационные проблемы на самом деле выражают неосознаваемые эмоциональные конфликты. В результате устранение поверхностных проблем или симптомов в системном плане либо ничего не дает, либо фактически усугубляет ситуацию, потому что симптомы часто действуют как защита от тревог, вызванных основными проблемами. Гераклит указал на это своим знаменитым заявлением: «Кто не может искать непредвиденного, кроме известного пути, не видит ничего, кроме тупика» (1987).

Социоаналитический анализ культуры – это попытка решить эти проблемы таким образом, чтобы позволить клиентским системам предпринимать шаги по развитию. Еще один важный момент дифференциации – это методология социоаналитического анализа культуры. Консультанты обычно работают с позиции «эксперта». В этой модели консультант рассматривается как обладающий превосходными знаниями о проблемах организации-клиента и выдает отчет с рекомендациями о реорганизациях того или иного вида.

На этом подходе основана большая часть индустрии консалтинга. Направляются огромные суммы денег на такого рода решения. Я считаю, что такие консультации занимают важное место, прежде всего потому, что быстрое увеличение сложности и скорости изменений приводят ко многим ситуациям, когда знания, необходимые для решения проблем, не находятся в самой организации. Однако часто эта модель используется в целях защиты, как если бы проблема крылась не в самом клиенте. И часто желаемые эффекты никогда не достигаются именно потому, что основные культурные и социально-психологические факторы отвергаются или игнорируются.

Социоаналитический анализ использует совершенно иной подход. Этот подход занимает такую позицию, что оба, и консультант, и клиент, привносят свой опыт в решение проблемы и в итоге мышление клиента развивается через это взаимодействие, что и является наиболее значимым результатом. И консультант, и клиент учатся через совместное исследование. Любой, кто работал в такой позиции долгое время, испытал мощные силы, побуждающие его или ее к роли эксперта. Сопротивляться трудно; лежащая в основе защитная идеализация может быть очень приятна. В идеале один может сохранить – или восстановить – мысли другого, чтобы идентифицировать эту динамику как выражение скрытых тревог и использовать ее для обучения с клиентом. Все паттерны переноса и контрпереноса предлагают богатые возможности для дальнейшего понимания, если их можно использовать для решения поставленной задачи.

Противоречие между этими двумя моделями консультирования – «экспертной моделью» и, скажем так, «рефлексивной моделью» – можно обнаружить в давней дискуссии в философии науки о двух видах «знания» – объяснении и понимании. При объяснении авторитет для подтверждения или опровержения гипотез исходит из данных, которые генерируются независимо от гипотез. Для модели «понимания», также известной как интерпретирующий или герменевтический метод, полномочия по уточнению и замене гипотез возникают изнутри самой области исследования, будь то текст, группа или организация. Она саморефлексивна.

Модель «объяснения» берет верх. Этот позитивистский подход очень удобен, когда дело касается технологий и физических наук. Но когда дело доходит до человеческих дел, позитивистских подходов крайне не хватает. Многие практикующие сегодня видят скромное колебание маятника в организациях из-за (часто отчаянного) поиска смысла на работе. Социоаналитические методы и, в частности, анализ культуры особенно хорошо подходят для удовлетворения этого желания и в то же время помогают организациям улучшить их общее функционирование. Социоанализ давно признал, что индивидуальное и организационное развитие неразделимы.

Создание условий для такого взаимного исследования – первая и самая большая проблема. Я хотел бы выдвинуть идею о том, что есть две разные, хотя и связанные плоскости, на которых это должно держаться. Одна из них – это проведение анализа культуры с помощью клиентской системы. Это включает в себя «социальные технологии» сбора данных, генерации гипотез, разработки рабочих заметок и последующего диалога. Вторая более общая и неуловимая – вопрос о творческом рефлексивном пространстве. Как я упоминал выше, основа анализа культуры (и всех социоаналитических методов) – это создание рефлексивного пространства в организациях. После обсуждения социальной технологии анализа культуры я перейду к этой второй плоскости.

Социальная технология социоаналитического анализа культуры

Есть много способов провести этап «сбора данных». Чаще всего основой служит серия интервью (возможно, как групповых, так и индивидуальных). Это может быть дополнено просмотром архивных материалов; наблюдением за встречами и другими важными событиями; исследованием проблем, связанных с используемыми технологиями, и т.д. Проективные методы, такие как «ментальные карты» и социальная фотоматрица, также могут использоваться и быть эффективными. Продолжительность этапа сбора данных необходимо тщательно согласовывать в начале любого взаимодействия.

Лично я считаю интервью методом историй самым ярким источником данных. Вместо того чтобы спрашивать собеседников о том, как они видят организацию и ее дилеммы, когда они описывают мне свои роли, почти всегда возникает отсылка к какому-то событию, которое вызывало беспокойство или сбивало с толку. Я подхватываю это и вовлекаю их в рассказ, который затем приводит к другим историям, и так далее.

Какие бы конкретные методы сбора данных ни использовались, они нацелены на разработку серии «рабочих гипотез», призванных стимулировать размышления и оживить продуктивный диалог о тех аспектах ситуации, о которых клиент ранее не подозревал. Рабочие гипотезы похожи на психоаналитическую интерпретацию, так как они выявляют несоответствия или ранее не распознанные модели и предлагают своего рода иное возможное объяснение, призванное побудить клиента взглянуть на ситуацию с другой точки зрения. И снова, однако, важно подчеркнуть, что рабочие гипотезы не являются ответами или объяснениями проблемы. Иррациональная динамика может привести к ситуациям, когда «ответы» замаскированы под «рабочие гипотезы». Тон подлинной рабочей гипотезы носит предварительный и исследовательский характер. Он побуждает клиентов не соглашаться и предлагать более глубокие и богатые идеи. Это рабочий процесс, который не имеет конца.

Обычно эти первоначальные гипотезы представлены в рабочем документе, который написан для клиента. Предлагаются гипотезы, чтобы предоставить новые способы связывания данных таким образом, чтобы это стимулировало диалог с системой клиента. Он также остается открытым – часто даже способствует этому – для введения новых данных, чтобы опираться на то, что было собрано. Независимо от того, подтверждают ли новые данные рабочие гипотезы или опровергают их, разработка более обширных и убедительных гипотез на основе диалога является признаком успеха. Другими словами, консультанту не обязательно быть правым, хотя полезно, если консультант может осветить важные вопросы. В итоге цель состоит в том, чтобы прийти к более полному пониманию проблем, с которыми сталкивается система клиента, и в конечном итоге сводится к тому, чтобы помочь клиентам прийти к общему пониманию, которое станет основой либо для решения, либо для принятия значимых шагов к нему.

Поскольку целью рабочей записки является создание диалога, она пытается воплотить тот же тон, что и рабочие гипотезы, которые служат ее центральным элементом. Каждая рабочая записка, которую я видел, вначале включает формулировку, подчеркивающую предварительность гипотез, и предлагает клиентам уточнить и улучшить их. Вот вводные комментарии к трем рабочим запискам, каждая из которых написана разными практиками.

1. «На основании такого ограниченного исследования я не мог претендовать на то, чтобы давать четкие рекомендации. В этой рабочей записке у меня более ограниченная цель – предложить некоторые гипотезы и указать направление для более детального исследования г-ном X и другими».

2. «Следующее рабочее примечание основано на проведенных собеседованиях... а также на обзоре финансовой отчетности и обзоре мнений партнеров о характере проблем, с которыми сталкивается фирма. Заметка разделена на четыре раздела: "Меняющийся рынок", "Лидерство г-на X", "Текущие конфликты фирмы" и "Ключевые проблемы на будущее". Пожалуйста, внимательно прочтите примечание, отмечая, где вы согласны и не согласны, а где, по вашему мнению, я упустил из виду важные вопросы. Цель этой записки – предоставить платформу для обзора недавней истории фирмы с момента ухода г-на Y и разработки стратегии дальнейшего продвижения».

3. «Настоящая рабочая записка представляет собой попытку резюмировать ключевые темы, которые были выявлены в ходе интервью, проведенных с группой сотрудников штаб-квартиры от г-на А до г-на Б. Она также выдвигает некоторые предварительные гипотезы, которые могут быть полезны для объяснения реальности, которую я понял, разговаривая с людьми о г-не X. Вместе эти гипотезы и наблюдения предлагаются как основа для дальнейшего обсуждения, а не как попытка дать какие-либо определенные ответы».

Последующая рабочая записка содержит любые предварительные выводы и рабочие гипотезы, которые предлагаются в качестве основы для диалога. В одной из представленных выше записок говорится: «Я всегда исходил из того, что любое понимание организационной жизни и ее проблем должно в первую очередь ориентироваться на социальные и структурные аспекты. Под этим я подразумеваю общую среду, которая создается коллективно, но в то же время не зависит от контроля какого-либо отдельно взятого участника. Именно это создает условия, в которых люди работают». Далее записка содержит серию разделов, обобщающих данные: «Роль заместителя директора»; «Отсутствие г-на X»; «Атмосфера обучения и сотрудничества»; «Карьера в компании X»; и «Компания X как открытая система».

Такой анализ фактически представляет собой «тематическое исследование». Это подход к исследованиям, ориентированный на действия и основанный на признании Курта Левина, что лучший способ изучить

систему – попытаться изменить ее. По мере того как консультант и клиент пытаются решить проблему, вызывающую беспокойство у системы клиента, процесс изменения (который включает обсуждение ранее предотвращенных проблем) неизбежно вызывает защиту и сопротивление. С системной точки зрения гомеостатические механизмы (которые поддерживают статус-кво) появляются и могут быть рассмотрены. Этот метод исследования стал известен как «исследование действием». В подавляющем большинстве исследовательских институтов этот подход считается менее эффективным по сравнению с моделью обособленного исследования, которое часто пытается подражать позитивистскому подходу к объективности. Но знания и понимание, полученные в результате такого рода исследований, могут представлять общий интерес и иметь важное значение, а также быть полезными для систем клиентов. Возьмем, к примеру, исследование системы медсестер, проведенное Изабель Мензис Лит. Это было не только очень ценно для системы клиента, которая пыталась решить проблемы с моральным духом и продуктивностью среди студентов-медсестер, но и предоставило понимание и идеи, которые оказали глубокое влияние на психодинамическую традицию систем и несколько поколений практикующих врачей.

Рефлексия в организациях

Социоаналитические методы и технологии, на мой взгляд, направлены на одну и ту же цель: создание рефлексивных пространств в группах и организациях, которые позволяют людям достичь глубокого распознавания системных факторов и бессознательных психических реальностей, которые способствуют возникновению текущей ситуации. Этот вид работы следует отличать от психотерапевтической работы, направленной на выявление важных бессознательных факторов. Социоаналитические методы, как и вся системная психодинамическая работа, ориентированы на функционирование организации. Хотя разрешение личных конфликтов или увеличение счастья могут быть результатом психотерапии, это строго побочный эффект, если он вообще возникает при социоаналитическом вмешательстве. Социоаналитическая работа направлена на повышение способности системы противостоять вызовам за счет включения в уравнение принятия решений набора переменных, которые трудно обнаружить другими способами.

Важный пример практичности рефлексивной практики можно найти в знаменитом комментарии Биона о том, что тревога служит «тенью будущего». С одной стороны, это напоминание о том, что мы, так сказать, знаем больше, чем знаем, как это обсуждал Кен Эйсольд в своей недавней книге с таким названием. Это напоминает иллюстрацию разрушительного цунами в Азии. Среди огромного количества тел почти не было найдено мертвых животных. Каким-то образом их реакции бегства были активированы каким-то тонким изменением окружающей среды. Согласно другому рассказу, турист арендовал на день рыбацкую лодку. Капитан

почувствовал, что что-то не так, за несколько часов до цунами. Он не знал, что это было, но интуитивно встревожился, поэтому решил сократить рыболовную экспедицию. Однако он поступил совершенно неправильно. Можно было бы быть в безопасности, направившись туда, где цунами было не более чем волной, а не оставаться там, где оно принимало такие смертоносные размеры.

Я всегда чувствовал, что поэтическое заявление Биона содержит понимание огромной пользы для менеджеров. Это дает возможность расшифровать пока еще неявные, невысказанные изменения в контексте работы, которые, если их расшифровать, могут предоставить бесценную информацию о возникающих проблемах и силах. Но способность «собирать» знания, которые передаются через переживание тревоги, требует – как и все интерпретативное понимание – рефлексии.

В этом разделе я хочу рассмотреть некоторые дилеммы, связанные с рефлексией в современных организациях. Моей отправной точкой является идея о том, что, хотя рефлексия и рефлексивная практика более важны, чем когда-либо, в современных организациях, часто встречаются нормы и практики, которые эффективно запрещают занимать «рефлексивное пространство», тем самым делая недоступными очертания тени будущего и других ценных данных системного уровня, которые передаются по этому каналу. Множество социальных защит, созданных против рефлексивной практики, требуют внедрения социоаналитических методов в жизнь организации.

Под размышлением я имею в виду посвящение времени и «пространства» пониманию опыта организации. Это предполагает размышление о своей работе, а не о том, как ее делать. Речь идет, например, не о том, чтобы выяснить, сколько служба здравоохранения должна потратить на новые компьютеры или правильную дозировку для пациента, хотя рефлексивная позиция может повлиять на то, как эти задачи решаются.

Меня интересуют процессы размышления о своей работе, ее эффективности и значимости: регистрация того, что человек наблюдает за организацией, способность получать информацию с помощью своего воображения и интуиции, возможность конструктивно критиковать и влиять на рабочую среду. Это деятельность второго порядка – попытка представить себе и осмыслить основные виды деятельности группы или организации. Или, другими словами, работать в уме с организацией как с системным процессом, а не с ее отдельными процессами.

Системная психодинамическая традиция подчеркивает роль рефлексии посредством ее сосредоточения на эмоциональном контейнировании, теории социальных защит, обучении на опыте, необходимости лидерства рабочей группы над функционированием базового допущения, важности депрессивной позиции для эффективной управленческой практики и в последнее время – роли «негативной способности» в налаживании эффективного сотрудничества. Путем рефлексии – и способности контейнировать тревоги, связанные с переживаниями, – эти утраченные способности могут быть восстановлены или защищены.

Зачем рефлексировать?

В общем смысле цель рефлексии – дать людям и организациям возможность стать более компетентными. Здесь я хочу предложить четыре различные, но связанные причины необходимости рефлексии в организациях, основанные на слиянии традиций системной психодинамики, моем собственном опыте консультирования организаций и более широком понимании возникающих постиндустриальных условий, в которых должны работать наши организации. Каждая цель имеет значение для практики.

1. Контейнирование и изменение воздействия тревоги на рабочие группы

Рефлексия системной динамики обращается к измерению организационной жизни, которое скрыто за операциями, подчеркивающими ложную дихотомию между человеком и организацией. Это, конечно, представляет собой фундаментальные и классические идеи системной психодинамической традиции. Следуя открытиям Биона о том, как управлять психотическими тревогами в групповом контексте, Изабель Мензис и Эллиот Жак строят концептуальные линзы, позволяющие визуализировать влияние тревоги на явное функционирование организаций.

Суть их открытия заключалась в том, чтобы проиллюстрировать, как культура и структура организации развиваются, частично поглощая и усиливая тревогу и защитные функции людей в них. Индивиды воплощают «те импульсы и внутренние объекты, которые в противном случае вызывали бы психотическую тревогу и [объединяли] их в жизни организации». Аналогичным образом, медсестринское исследование Мензис показывает, как эти внешние тревоги кодируются в самих, так сказать, «строительных блоках» организации – их структурах, практиках, технологиях, процедурах и т. д.

В то время как устоявшаяся «социальная защита» (*Menzies, 1961*) и стабильные проективные конфигурации (*Jaques, 1974*) позволяют людям продолжать работу, не отвлекаясь на тревогу, они также влекут за собой значительное снижение их возможностей. Без доступа к важным – хотя и провоцирующим беспокойство – областям своего опыта люди не могут принимать обоснованные суждения, взвешенные решения или интуитивно связывать важные рабочие вопросы.

Если бы у медсестер в исследовании Мензис были альтернативные способы справиться с тревогами, вызванными практикой ухода за больными, и тем, что это влечет за собой близкий контакт с больными и умирающими пациентами, согласно ее гипотезе, они могли бы улучшить свое чувство компетентности, качество ухода за пациентами и чувство зрелого сотрудничества.

Подразумеваемое «решение» – это рефлексия, разработка такой среды, в которой люди могут думать о своем опыте и интегрировать различные части своего опыта во всеобъемлющее понимание задачи, роли и системы. Благодаря интеграции люди могут действовать более централизованно из

депрессивной позиции, что приводит их к более полному контакту с самими собой и своими коллегами и дает им доступ к более полному спектру их способностей, хотя и с более трезвым набором ожиданий.

2. Управление организационными изменениями

Еще одно направление мысли и развития в системной психодинамической традиции – акцент на роли рефлексии в отношении организационных изменений. Истоки системной психодинамической традиции тесно переплетены с признанием, что операционная среда стала изменчивой во второй половине XX века, требуя новых способов осмысления как технических, так и социальных аспектов организационной жизни. Две работы Эмери и Триста – «Причинная текстура организационной среды» (1965) и «На пути к социальной экологии» (1973) – проиллюстрировали, как глубоко последствия дестабилизация внешней среды проникают в реальность организационной жизни и какое влияние они оказывают как на предприятие, так и на социальный и психологический опыт участников.

Также росло понимание утраты и разрыва значимых отношений, вызванных бурным социальным, экономическим и организационным контекстом, в котором оказались люди. Когда на первый план вышли психологические проблемы активной, постоянной адаптации к изменяющейся среде, смысл, создаваемый постоянными привязанностями и отношениями, оказался под постоянной угрозой, и переживание потери стало обычным явлением.

Как многие уже рассуждали, психологическое здоровье и организационная способность адаптироваться зависят от того, как справляться с этими потерями и нарушениями. Когда потерю отрицают, процесс оплакивания не может происходить эффективно и люди не могут принять новый порядок и возникающие динамические реальности.

Воздействие быстрых изменений окружающей среды может быть разрушительным, приводя к быстрому ухудшению социальных и организационных условий и, в свою очередь, к появлению примитивных защитных реакций: повышенной агрессии, враждебному расколу и отчужденному уходу. Многие из нас, кто работает в крупных корпоративных средах, видят рутинную практику таких, очень деструктивных, качеств (например, *Sievers, 2002*).

В работах Бриджера (1980, 1986), Бар Элели и Амато (2001) систематически исследуется роль рефлексии в предоставлении людям и их организациям возможности управлять переходными состояниями, которые в настоящее время являются отражением беспокойной среды современных организаций. Единственный эффективный ответ – это обзор и рефлексия или, по словам Бриджера, «предоставление людям возможности изменить то, как они думают о проблемах вокруг них, изменить свои взгляды и открыть новые возможности для действий, которые никогда не могут прийти им в голову, пока они остаются на безопасных рельсах своего привычного мышления» (2001, р. Хvi).

3. Предоставление участникам возможности создавать достаточно сложные образы организации и ее среды

Закон необходимого разнообразия Эшби (1960) исследует, почему, если внутреннее разнообразие не равно внешнему разнообразию, с которым сталкивается система, наказанием является неспособность выжить. Повышенная сложность современной организации создает серьезные проблемы для тех, кто пытается работать в ней. Например, как рассуждал Том Гилмор, количество «заинтересованных сторон», о которых нужно помнить, резко выросло. Точно так же расшатывание привычных иерархических структур в свете того, что Питер Вэйл (1982) называет «постоянной бурей» современных организаций, привело к использованию временных рабочих групп, множественных и сквозных схем подотчетности и упору на согласованные, а не делегированные полномочия.

Задача состоит в том, чтобы нарисовать новые карты, создать новые меры и заново изобрести свою организацию. Задавая вопросы, которые углубляют их: чем мы занимаемся? какова наша бизнес-модель – конкурируем ли мы за продукт или используем какой-то уникальный способ добавления стоимости? как должна выглядеть наша организация – какой она должна быть формы, какие границы, насколько вертикальная, насколько горизонтальная? какие навыки нам нужны, если мы соревнуемся за знания? как мы относимся к нашим клиентам, как к потребителям или как-то еще?

Участие в таких системах ложится на людей соответствующим бременем. Рефлексия дает возможность людям лучше понять свою организацию, более полно представляет сложные динамические силы, с которыми им приходится справляться. Внутреннее представление, или образ организационного контекста, которое игнорирует тонкое взаимодействие сложных сил, формирующих все роли, неизбежно приведет к неэффективности и конфликту.

4. Содействие организационному знанию

Хотя в этой области проводились некоторые исследования (Пава, 1986; Хиршхорн, 1990), я думаю, что системная психодинамическая традиция уделяет слишком мало внимания влиянию работы со знаниями и ее растущему преобладанию в современных организациях. Психодинамические аспекты работы со знаниями глубоки.

Работа со знаниями – это разговор, и он возникает через отношения. Говоря и слушая, работники умственного труда учатся, вводят новшества, вносят свой вклад и меняются. Ценность добавляется через совместный разговор.

Работа в этом контексте носит исключительно личный характер. Поскольку работа связана с идеями и знаниями, а не с продуктами и услугами, работа начинается с самого себя. Это сплав интуиции и опыта, полученный путем расшифровки шаблонов. В каждом решении, в каждом разговоре работники умственного труда проверяют некоторые аспекты

своего личного взгляда на мир. И каждое решение – это предсказание будущего, основанное на предположениях, перенесенных из прошлого – прошлого, которое все больше отрывается от будущего.

Работа лидеров все чаще сводится к управлению «комнатой идей», чтобы работники умственного труда рискнули довериться собственным чувствам. Предвидение системного мышления А.К. Райса и других исследователей, которые рассматривали управление как управление границами, а не людьми, находящимися в них, производит еще большее впечатление, поскольку становится яснее, что управление работой над знаниями – это создание контекста. Менеджеры не руководят работниками умственного труда, они управляют контекстом.

Там, где преобладает интеллектуальная работа, все менеджеры сталкиваются с проблемой создания пространства вдумчивого разговора, включающего разногласия, и тем, как сподвигать работников умственного труда превращаться в добровольных последователей. С одной стороны, это поднимает вопрос об управлении «комнатой идей», чтобы работники умственного труда рискнули довериться собственным чувствам. С другой стороны, это ставит задачу создания контекста, в котором люди могут учиться публично подвергаться риску в целях развития общего системного понимания, а также сотрудничать таким образом, чтобы уязвимость не была ни скрыта, ни превращена в патологию.

Социальная защита от опыта рефлексии

После классических исследований Мензиса и Жака возникло много новых моделей социальной защиты. Чтобы назвать две, Аластер Бейн (2002) недавно определил защиты «доменного уровня». Это примеры защиты, относящиеся к конкретным практикам, которые развиваются в определенных отраслях промышленности, таких как образование или здравоохранение. Другая была отмечена в более ранней статье, написанной Гилмором и Кранцем (1990), которая показывает, насколько широко распространены культурные нормы могут служить социально-защитным целям, как, например, разделение лидерства и управления.

К этим и другим моделям, которые обсуждались в литературе, я хотел бы добавить следующие защитные паттерны, с которыми я столкнулся в связи с тревогами, вызванными опытом рефлексии в современных организациях.

- *Нет времени и места для размышлений*

Убеждение, что активность и продуктивность каким-то образом тождественны, ведет к неявному обесцениванию рефлексии. Я часто вспоминаю концепцию «негативной способности» в лидерстве, которую недавно обсуждал Роберт Френч (2001).

Я считаю, что нам нужна соответствующая концепция, что-то вроде «негативного пространства», которое распознает и ценит невысказанные и неизвестные субстраты, лежащие в основе организованной деятельности.

Это своего рода силуэт, пустота, содержащая чрезвычайно важные знания об организации (см. *Armstrong, 1997*). Но это можно распознать, только если уделить время тому, чтобы увидеть, что происходит в организации и как связаны между собой тревоги людей.

Глобализация и технологическое ускорение трудовой жизни способствуют устойчивости этой защитной позиции. Особенно сильно сопротивление рефлексии, которая требует проработки, в частности во время организационных трансформаций, когда требуется дополнительное время, поскольку глубокие изменения влекут за собой проработку проблем как на депрессивном, так и на параноидном уровнях.

- *Разделение рефлексии и действия*

Часто, особенно в коммерческих предприятиях, рефлексия считается чем-то слабым («связанным с распусканием нюней») и связана с лишними (по отношению к реальной работе) аспектами работы отдела кадров. Гендерные коннотации очевидны и пагубны. Однако это также приводит к ситуации, в которой рефлексивная работа обесценивается и рассматривается, что, в свою очередь, усиливает жесткую защиту от новизны и личных последствий серьезных изменений.

- *Давление техник и технологий*

За последние 20 лет техники и технологии организационного развития получили широкое распространение. Как и в случае с моей второй вступительной историей, где результаты были переданы через компьютерную программу, часто есть защитные инвестиции в инструменты, методы организационного развития, которые затем ограждают людей от подлинного размышления или участия. Создается впечатление, что выгода исходит от использования определенных социальных технологий, а не от каких-либо размышлений и идей, которые могут возникнуть в результате их использования. По мере того как техники и технологии становятся ритуалистическими и приобретают признаки компульсивного повторения в психодинамическом смысле, они разрушают или устраняют явления, которые должны были исследовать.

- *Превращение понимания в клише*

Меня часто поражает то, как мысль нейтрализуется заменой клише о динамике социальных систем. Как и в случае с социальными технологиями организационного развития, деловая пресса популяризировала – и упростила – глубоко важные знания о психосоциальных реалиях организационной жизни. Когда эти важные идеи превращаются в клише, они становятся своего рода валютой, которая используется для предотвращения открытий и размышлений. Припевы: «О, это сопротивление переменам», «групповое мышление» или «потеря из-за изменений» – заменяют опыт.

• *Признаки необычности*

В последнее время я становлюсь все более чувствительным к тому, как я участвую в «денормализации» рефлексии, помогая создавать контексты, которые непреднамеренно «помечают» рефлексивную работу как находящуюся за пределами обычной работы. Как и в случае с кружками качества, создание специальных структур вокруг рефлексивной работы может помочь связать тревогу в достаточной степени, чтобы позволить работе происходить, но определенной ценой. Когда рефлексивная работа определяется как «необычная», я думаю, что мы участвуем в помощи организациям в сохранении сегментированных и в некоторой степени нейтрализованных рефлексивных знаний.

На мой взгляд, задача рефлексии состоит в том, чтобы интегрировать ее в обычную работу – то есть сделать ее авторизованной частью обычной работы. Два примера того, что с системной точки зрения считается «маркером контекста»: еда и планирование рефлексии вне естественных ритмов рабочих встреч.

Метафора и рефлексия

В конечном счете я считаю, что любая рефлексивная работа включает создание и развитие метафоры: развитие внутренних образов организации, ее задач и заинтересованных сторон, наших ролей и возникающих экологических сил. Основы системного психодинамического мышления указывают на представление о том, что повышенная компетентность и жизнеспособность лежат в тех метафорах, которые контекстуализируют опыт, в отличие от метафор, исключающих связь опыта с опытом других и обеспечивающих возможности увидеть контекстуальные корни опыта в роли. Из метафор, которые позволяют контекстуализировать опыт, возникает потенциал для согласованного понимания задачи, цели и роли, которые Шапиро и Карр (1991) обсуждают в своей трактовке дилемм обретения значимого авторитета в сегодняшних условиях.

Дело о медицинских услугах

Я хотел бы предложить описание недавнего опыта работы со службой здравоохранения, который открыл мне кое-что о рефлексии и ее месте в жизни организации. Эта служба пропитана традициями рефлексивной практики, и ее исполнительный директор, которого я назову Марком, был глубоко привержен исследованию влияния бессознательной и неявной социальной динамики на функционирование сервиса. Организация предоставляет медицинское обслуживание, услуги для людей с ограниченными возможностями, психологическое консультирование и другие сопутствующие услуги крупному университету.

Я консультировал эту службу и Марка почти шесть лет, и со временем мы разработали особый подход к интеграции ретритов в их годовой цикл

встреч. Они проходили – один в январе, другой в июле – каждый год. Каждый ретрит длился три дня и пытался объединить в себе планирование и анализ текущих операций с возможностями для размышлений о динамике команд, о работе службы здравоохранения в целом и о том, как решаются возникающие проблемы в университете и в более широкой среде, влияющей на службу.

В прошлом году, однако, Марк почувствовал, что ему нужно отменить январское выездное мероприятие, потому что было две вакансии, которые должны были быть закрыты на ключевых должностях в управленческой команде. Марк был недоволен тем, что пропустил ретрит, но время приема новых сотрудников в сочетании с ритмом учебного года делало это неразумным.

Мы решили провести эксперимент – созвать то, что мы назвали «мини-ретритом». План состоял в том, чтобы посвятить этой рефлексивной деятельности 30 минут еженедельных собраний управленческой команды в течение восьми недель. В течение первых 15 минут один человек в команде обсуждал, какие из его приоритетов, по его мнению, продвигаются вперед, в которых прогресс был меньше всего и каков их главный «скрытый» приоритет – приоритет, который возложил на себя менеджер из-за непредвиденных событий. Вторые 15 минут были посвящены рассмотрению инцидента, произошедшего в течение недели, результат которого был либо неожиданным, либо разочаровывающим. Опять же, каждому человеку в команде было поручено предложить рассмотреть один из этих эпизодов, над которым команда работала во второй 15-минутный период.

Именно эту вторую часть мини-ретрита я хочу здесь рассмотреть. Мы волновались, что не будет достаточно времени для содержательного разговора, но решили продолжить эксперимент. Мы выбирали последовательность, чередуя людей с большим и меньшим стажем работы в системе здравоохранения.

Краткие истории разворачивались следующим образом.

1. Директор по планированию рассказала о том, как она была расстроена и удивлена во время подготовки к предстоящей забастовке. Все считали очевидным, что ее функция не была «критической деятельностью», требующей освещения. Хотя на первый взгляд это было очевидно: она боролась с опытом маргинализации и девальвации.

2. Новый медицинский директор говорил о своем чувстве изоляции – он часто не работает с другими членами команды в течение недели, кроме операционного директора, который отвечает за функции поддержки. Он упомянул, что его офис находится рядом с «мусоропроводом».

3. Новый директор по санитарному просвещению и информационно-пропагандистской работе рассказала о встрече на неделе, на которой ее сотрудники выразили обеспокоенность своим «чувством маргинальности», заявив, что, по их мнению, работники в сфере первичной медико-санитарной помощи (врачи, медсестры и связанный с ними персонал) даже не знают, что они делают. Она была поражена интенсивностью чувства, которое они выражали по поводу своей легитимности.

4. Директор службы поддержки людей с ограниченными возможностями рассказала о взаимодействии, в результате которого она почувствовала себя ущемленной и обиженной.

5. Директор психологической службы выразил свое удивление по поводу комментария, сделанного другим, новым директором группы. Когда он спросил, как, по ее мнению, прошла недавняя программа, она ответила, что это «пустая трата времени». Он был поражен откровенной критикой, и это заставило его задуматься о своей искренности и готовности открыто решать проблемы.

6. Операционный директор рассказала о провалившемся делегировании. Она попросила одного из своих помощников решить проблему, а он сделал так, что ей было неудобно.

7. В заключение Марк, исполнительный директор, рассказал о своем стыде и беспокойстве по поводу того, что в течение недели он обнаружил большое несоответствие в бюджете.

В каждом случае группа пыталась понять системный смысл представленного рассказа с разной степенью комфорта и понимания. Что было шокирующим, когда мы проанализировали этот опыт, так это выявленная закономерность. Неосознанно последовательность была разделена по возрастным группам – первые четыре были моложе, а последние три – старше. Постоянной темой первой подгруппы была маргинализация, виктимизация и девальвация. Вторая группа тематически выразила проблемы неудач и выявления некомпетентности. С динамической точки зрения параноидно-шизоидная динамика сдерживалась первой группой, депрессивные темы – второй.

Приближение к этой рефлексивной работе команды и сервиса «в реальном времени» придало ей иное качество. Плавное колебание между мыслительной работой предприятия и размышлениями о нем – это, на мой взгляд, идеал, которого я иногда достигаю, но редко, и он помогает организациям-клиентам в достижении целей. Обычно рефлексивная работа находится в некотором роде «на расстоянии вытянутой руки» от обычной, продолжающейся работы организации, которую я все чаще считаю защитной по своей природе. Хотя это может быть полезным, она также имеет тенденцию укреплять тонкое и, я считаю, разрушительное представление о том, что рефлексия не является частью обычной рабочей жизни.

Опыт службы здравоохранения, пусть даже случайно, был напоминанием о важности постоянного тестирования границы между рефлексией и текущей деятельностью, а также о ценности попыток увеличить их интеграцию и взаимную проницаемость. Образ, с которым я столкнулся, – это «поэтический момент», интегрированный в текущую работу.

Лидерство как авторитетное любопытство

Один вопрос, который ставит на передний план эта дискуссия, касается роли лидерства в развитии рефлексивных практик. Метафоры, которые трансформируют и расширяют наше понимание, – это те, которые

содержат потенциал для новизны, неожиданности и открытий. Те, что фиксированы, однозначны и неизменны, характерны для конкретных параноидно-шизоидных паттернов организационной жизни и неизбежно разрушают связи и мышление. Я считаю, что организации, наиболее травмированные воздействием постоянных гипертурбулентных изменений, – это те, которые меньше всего способны разрешить такое рефлексивное пространство, которое позволило бы появиться трансформирующей метафоре. Те, которые жестко замещают одну область другой без возможности двусмысленности или новизны, исключают обучение.

В этом ключе лидерство касается утверждения любопытства и использования ресурсов – времени и пространства – для достижения этой цели. Базовое допущение противоположно любопытству – это защитная уверенность, относящаяся к состояниям базовых допущений, которые существуют вне времени и контекста. Хотя эмоциональность, связанная с уверенностью, необходима при некоторых условиях, она вредна для рефлексивной практики и усилий по развитию взаимно уточненного понимания задачи, организации и контекста.

Размышления о социоаналитических методах

Одно из разочарований в моем профессиональном развитии – это признание того, что честность и открытость в отношении самих себя не является обязательным условием финансового успеха, хотя это все же кажется более необходимым в системах, которые, так сказать, «обрабатывают» людей.

Тем не менее я думаю, что данные подтверждают идею о том, что рефлексивные практики дают возможность, создают существенные адаптивные возможности для организаций и оказывают большое влияние на психическое истощение или удовлетворение их членов.

Все системы в какой-то степени управляются членством в концептуальной системе – системе, которая имеет тенденцию оставаться непрозрачной по глубине в силу того факта, что она предоставляет инструменты, правила и методы, с помощью которых должна быть исследована сама система. Рефлексивное пространство создает возможность для нового мышления, обогащения внутреннего представления о системе, в которой функционируют люди, и более четкого понимания факторов, которые формируют и влияют на их идентификацию на работе.

Однако рефлексия об опыте вызывает беспокойство, которое, в свою очередь, укрепляет системы социальной защиты. Поощрение и поддержка рефлексивной практики – важный вклад, который могут сделать лидеры. С моей точки зрения, задача состоит в том, чтобы создать жизнеспособные пространства, в которых может происходить рефлексия, и найти способы санкционировать рефлексивную практику, чтобы ее можно было рассматривать и воспринимать как обычную часть рабочей жизни.

Социоаналитическая рефлексия обещает превратить тревогу в знания и осмысленные действия; она дает возможность использовать интуитивный субстрат опыта и связать его с целенаправленным организационным

поведением. Обеспечение контекста, в котором люди могут «поднять якорь» и двигаться в правильном направлении, в отличие от истории, представленной в этой статье, является одной из самых больших проблем для лидерства сегодня. Многие из знакомых структур и практик, которые исторически контейнировали тревогу, больше нежизнеспособны в сегодняшнем нестабильном и беспокойном организационном мире. Однако способность рефлексировать и освещать тени, содержащие проблески будущего, остается инструментом с огромным потенциалом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Amado G. and Ambrose A.* (2001) *The Transitional Approach to Change* London: Karnac.
2. *Armstrong D.* (1997) *The Institution in the Mind* London: Free Associations, Vol. 7, No. 1.
3. *Bain A.* (2002) *Defenses Against Learning from Experience*. Unpublished manuscript.
4. *Bion W.* (1961) *Experiences in Groups* New York: Basic Books.
5. *Bridger H.* (1980) The kinds of organizational development required for working at the level of the whole organization considered as an open system. In: K. Trebesch (ed.), *Organizational Development in Europe*, Vol. 1A: Concepts. Berne: Paul Haupt Verlag.
6. *Bridger H.* (1987) To Explore the Unconscious dynamics of Transition as it affects the Interdependence of Individual, Group and Organizational Aims in Paradigm Change. Unpublished paper presented at the ISPSO symposium on Integrating Unconscious Life in Organizations: Psychoanalytic Issues in Organizational Research and Consultation. Montreal.
7. *Emery F. & Trist E.* (1965) The causal texture of organizational environments *Human Relations*, 18: 21–31.
8. *Emery F. E. & Trist E.* (1973) *Towards a Social Ecology* London: Tavistock.
9. *French R.* (2001) Negative Capability: managing the confusing uncertainties of change. *Journal of Organizational Change Management*, 14(5): 480–92.
10. *Geertz C.* (1973) *The interpretation of cultures* New York: Basic Books.
11. *Gilmore T. & Krantz J.* (1990) The Splitting of Leadership and Management as a Social Defense. *Human Relations*. Vol. 43. No. 2. P. 183–204.
12. *Hirschhorn L.* (1988) *The workplace within Psychodynamics of organizational life* Cambridge, MA: MIT Press.
13. *Hirschhorn L.* (1990) Leaders and followers in a postindustrial age *Journal of Applied Behavioral Science*, 26, 529–542.
14. *Jaques E.* (1974) Social systems as a defence against persecutory and depressive anxiety. In *Analysis of Groups*, edited by G.S. Gibbard, J.J. Hartmann, and R.D. Mann. San Francisco: Jossey-Bass.
15. *Jaques E.* (1951) *The Changing Culture of a Factory* London: Tavistock.
16. *Kahn W.* (2004) Facilitating and Undermining Organizational Change: A Case Study. *The Journal of Applied Behavioral Science*, Vol. 40. No. 1, March, p. 7–30.

17. *Menzies I.* (1961) The Functioning of Social Systems as a Defense Against Anxiety. *Human Relations* 13, p. 95–121.
18. *Pava Cal.* (1986) Redesigning sociotechnical systems Design: concepts and methods for the 1990's *Journal of Applied Behavioral Science*, 22 (3).
19. *Shapiro E. & Carr W.* (1991) Lost in familiar places. New Haven, CT: Yale University press.
20. *Vaill P.* (1982) The purposing of high-performing systems *Organizational dynamics* (Autumn): 23–39.
21. *Winnicott D.W.* (1965) The maturational processes and the facilitating environment New York: International Universities Press.

Work Culture Analysis & Reflective Space *

James Krantz

*(Translated from English: A. Gudkova,
scientific editor: E. Shapovalova)*

James Krantz is an organizational consultant and researcher from New York City where he is the Managing Principal of Worklab, a firm that concentrates on strategy implementation and senior team development. Worklab draws on psychoanalysis and systems thinking to address organizational challenges from an integrated psychological and technical perspective. Jim earned a B.A. in Philosophy and Economics from Wesleyan University and a Ph.D. in Systems Sciences from the Wharton School. He has served on the faculties of Yale and Wharton, and has taught at numerous universities including Columbia, Harvard, INSEAD, the Universidad de Chile. Jim is a Distinguished Member and past president of the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations (ISPSO), a Fellow of the A.K. Rice Institute, and former Director of the Center for Socio-Analytic Studies at IPTAR. He serves on the editorial boards of the Journal of Applied Behavioral Science, Organisational and Social Dynamics, and Socio-Analysis. Jim's writing has focused on the impact of emerging social trends on management, issues of leadership in contemporary organizations, and on the socio-psychological challenges posed by new forms of organization.

Reflection is the goal that underlies all socioanalytic methods, and the various social technologies that comprise socioanalytic method are ultimately aimed at reflective practice. The article explores what reflective practice means from a socioanalytic viewpoint, emphasising both the importance of reflection in today's organisations as well as the considerable barriers to incorporating it in ongoing work life.

Keywords: work culture, organizational culture analysis, socioanalysis, systems-psychodynamic approach, reflective space.

* Long, S. (ed) Socioanalytic Methods: Discovering the Hidden in Organisations and Social Systems. London: Karnac, 2013. P. 23–46

ПРИКЛАДНЫЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Роль личностных деструкторов в оценке надежности персонала производственных организаций

*Д.В. Смирнов, В.В. Федин, А.Д. Кияткина,
Е.А. Стрижова, А.С. Евдокименко*

Смирнов Дмитрий Викторович – генеральный директор ООО «ЭсАрДжи-ЭКО».

Федин Виталий Викторович – кандидат экономических наук, партнер группы компаний SRG.

Кияткина Анастасия Дмитриевна – аспирант факультета социальных наук, департамента психологии НИУ «Высшая школа экономики».

Стрижова Екатерина Андреевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ «Высшая школа экономики».

Евдокименко Александр Сергеевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психоанализ и психоаналитическое бизнес-консультирование» НИУ «Высшая школа экономики».

В исследовании представлены результаты разработки и апробации методики диагностики личностных деструкторов, повышающих вероятность совершения ошибок на производстве. Апробация велась на базе нескольких промышленных организаций. При проведении анализа выделены основные деструкторы, которые коррелируют с ошибками, аварийными ситуациями, фактами хищения и различными формами саботажа. Диагностическая методика ориентирована на диагностику данных деструкторов с помощью блоков отобранных и апробированных вопросов. Для исследования основных психометрических показателей (ретестовая надежность, внутренняя согласованность, валидность) использовался метод альфа-Кронбаха, факторный и корреляционный анализ.

Ключевые слова: надежность человеческого фактора, личностные деструкторы, аварийность, саботаж, хищения.

Личностные характеристики, повышающие вероятность ошибок на производстве

Общей тенденцией для исследований, посвященных изучению человеческого фактора на производстве или в сферах с повышенной опасностью труда, является выделение организационных, социальных и ситуативных характеристик, влияющих на вероятность возникновения ошибки. Однако имеется и ряд исследований, которые акцентируют внимание на устойчивых личностных чертах, повышающих вероятность ошибки на производстве. Эти исследования показывают, что вероятность ошибки человека при нормальных условиях труда равняется приблизительно 10^{-3} (Swain, Guttman, 1983). Другие исследования говорят, что в среднем автоматическое высококвалифицированное действие занимает у специалиста около двух секунд, следовательно, учитывая вышеупомянутую вероятность ошибки, среднестатистический специалист в нормальных условиях труда ошибается раз в 33 минуты. При этом ошибки могут варьироваться от мелких незначительных до тех, что приводят к травмам, авариям и катастрофам. Для новых схем действий вероятность ошибки меньше, соответственно, при новых операциях ошибки совершаются в среднем раз в 50 минут. Соответственно, чем меньше склонность человека к консервативным паттернам, тем меньшей является вероятность совершения ошибки. Общая познавательная когнитивная способность, или же осознанность, напрямую влияет на производительность и качество труда. Мотивационные составляющие также вносят свой вклад в вероятность возникновения ошибки: человек, удовлетворенный собственной деятельностью, склонен более внимательно ее осуществлять, тем самым снижая риск возникновения ошибок.

И. Балинт и М. Мурани (1968) выделяют факторы, устойчиво и временно повышающие подверженность опасности несчастного случая. В частности, к факторам, устойчиво повышающим индивидуальную подверженность опасности, авторы относят эмоциональную неуравновешенность и неудовлетворенность работой, отсутствие интереса к ней. В то же время факторами, временно повышающими подверженность опасности, они называют неспособность рационально управлять своим вниманием и сознательно контролировать свои действия.

М.А. Котик (1989) в качестве основания для классификации выбирает функционально-динамическую структуру личности К.К. Платонова и выделяет среди прочего следующие факторы, обуславливающие способность человека противодействовать опасности в труде: индивидуальные особенности психического отражения и психических функций человека, то есть психофизиологические качества и состояния; направленность – мотивация к труду и его безопасности.

По данным Х. Поттера (Бондарев И.П., Юровских В.Г., 1986), при анализе 1708 причин 881 несчастного случая было установлено, что 700 из них обусловлены различными социальными факторами, прежде всего ограниченностью коммуникаций в группе и плохими межличностными отношениями (как по горизонтали, так и по вертикали).

В.Г. Юровских (1982), исследуя взаимосвязь между уровнем травматизма и различными социометрическими характеристиками, показал, что чем выше удовлетворенность взаимоотношениями с товарищами и руководителем, а также чем выше удовлетворенность организацией труда, тем меньше травм в бригаде. Также он отмечает, что нарушения безопасности труда чаще происходят там, где у руководителей отсутствуют волевые качества, инициативность, настойчивость, энергичность, так как это приводит к ослаблению дисциплины, слабому контролю соблюдения правил охраны труда, недооценке опасности грубых нарушений правил, неприятию мер к нарушителю, разобщению коллектива.

Л.М. Давыденко (1983) утверждает, что в 75% несчастных случаев косвенными нарушителями безопасности труда являлись руководители производственных подразделений. Объяснение подобной точки зрения можно найти в исследовании В.Г. Юровских (1982), который обратил внимание на роль личности лидера и управленческой культуры в охране труда.

Модель Фернхема (*Furnham, 1992*) предлагает пять основных категорий индивидуальных факторов (личность, интеллект, демография, мотивация и способности), которые влияют на общее профессиональное поведение.

Ниже представлена таблица сравнительного мета-анализа подобных исследований (см.: *табл. №1*), проведенных Т. Бэйнсом и Р. Ашем с коллегами (*Baines, Asch, and other, 2005*).

По модели К. Левина современными авторами была разработана модель диагностики вероятности ошибок на производстве. Они отталкиваются в построении собственной модели диагностики от следующего базиса (см.: *рис. 1*).

Работник в данном случае описывается следующими индивидуальными параметрами:

- Частота невыхода на работу: насколько последовательно человек участвует в трудовой деятельности в течение длительного периода?
- Частота несчастных случаев в прошлом опыте: насколько безопасно оператор выполняет свою работу?

Авторы также выделяют еще четыре фактора, которые относятся к самой позиции и организации (*Baines, Asch, and other, 2005*). По результатам данного исследования особо значимыми личностными чертами, понижающими риски на производстве, стали общие когнитивные способности и личностная шкала «сознательность» (см.: *табл. №2*).

Ф. Фругейро с коллегами (*Fruggiero, 2016*) выделяют еще два фактора повышающих риски ошибок. Они рассматривают общую утомляемость и выгорание как основополагающие личностные черты, увеличивающие риск ошибок на производстве. В третьей главе книги *Guidelines for Preventing Human Error in Process Safety* авторы рассматривают такие личностные факторы, как локус контроля, склонность к риску и внутреннее состояние гомеостаза как ключевые в понимании природы человеческих ошибок (*Embrey, Kontogiannis, Green, 2010*). По данной схеме авторы книги рассматривают примеры конкретных катастроф, возникших из-за человеческого фактора.

Таблица 1
Результаты метаанализа

	Авторы	Теоретическая рамка	Содержание	Применение
1	К. Левин (<i>Lewin, 1935</i>)	Теория поля	Объясняет поведение человека через детерминацию взаимодействия индивидуальных и средовых факторов	Общее понимание природы поведения человека
2	Д.П. Миллер и А.Д. Свейн (<i>Miller, Swain, 1987</i>)	Факторы, влияющие на производительность	Исследование факторов, предрасполагающих к ошибкам рабочих в промышленном производстве	Анализ факторов ошибок на производстве
3	А. Фернхэм (<i>Furnham, 1992</i>)	Факторы, предсказывающие профессиональное поведение	Определяет базовые факторы профессионального поведения и их взаимодействие	Анализ взаимодействия факторов профессионального поведения
4	Д. Стоун и Е. Эдди (<i>Stone, Eddy, 1996</i>)	Факторы, влияющие на качество результата деятельности	Моделирование взаимодействия индивидуальных и организационных факторов качества деятельности	Развитие и улучшение подходов к руководству, нацеленных на качество деятельности
5	Д. Дан и К. Лохари (<i>Dahn, Laughery, 1997</i>); А. Бантинг и А. Белявин (<i>Bunting, Belyavin, 1999</i>)	Интегрированная среда моделирования производительности (IPME)	Моделирование человеческих факторов производительности системы	Моделирование производительности человека в промышленной и военной отраслях
6	Б. Дэс (<i>Das, 1999</i>)	Комплексная модель структуры промышленной деятельности	Моделирование взаимодействия между факторами, связанными с человеком, машиной, работой, рабочим пространством и структурой деятельности	Структура промышленной деятельности

7	К. Ичниовски и К. Шоу (<i>Ichniowski, Shaw, 1999</i>)	Управление человеческими ресурсами (HRM) и производительностью	Набор методик управления человеческими ресурсами, использующихся в японской промышленности	Анализ общей продуктивности японских и американских сотрудников промышленных заводов
8	М. Бонни, М. Хэд, С. Рачев, И. Молек (<i>Bonney, Head, Ratchev, Moualek, 1999</i>)	Основа проектирования производственной системы	Анализ продукта, процесса и дизайна производственной системы с акцентом на влияние человеческого фактора	Программное обеспечение для компьютерного проектирования производственных систем
9	Б. Шмидт (<i>Schmidt, 2000</i>)	Физическое и эмоциональное состояние, когнитивные способности, социальный статус (PECS)	Моделирование системы физических, эмоциональных, когнитивных, социальных эффектов, влияющих на производительность группы	Моделирование деятельности человека в социальных системах
10	С. Паркер, Т. Уолл, Дж. Кордери (<i>Parker, Wall, Cordery, 2001</i>)	Модель структуры рабочей деятельности	Выделяет пять категорий переменных структуры рабочей деятельности, включая индивидуальные, групповые и организационные факторы	Моделирование структуры рабочей деятельности
11	Т. Торизука (<i>Toriizuka, 2001</i>)	Факторы, влияющие на производительность деятельности при техническом обслуживании промышленных предприятий	Изучение факторов, влияющих на надежность человека, эффективность его работы и перегрузку	Улучшение работы по техническому обслуживанию на промышленных предприятиях

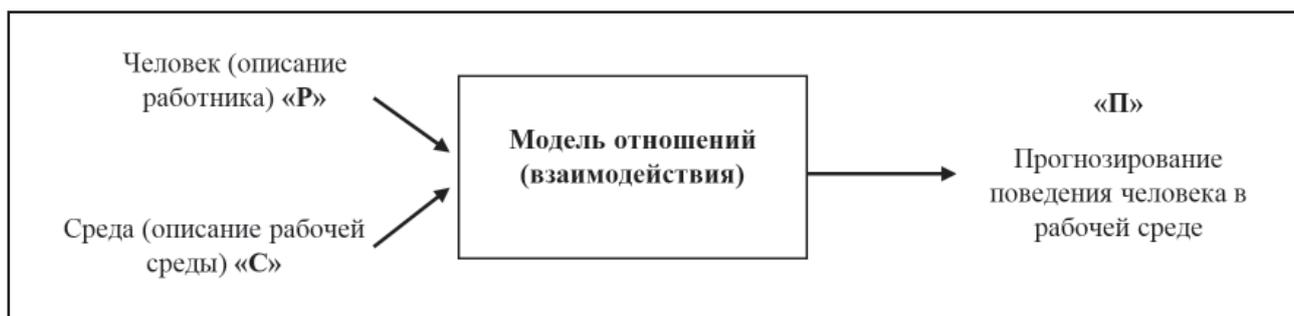

Рис. 1. Модель К. Левина

Таблица 2
Ключевые качества личности в оценке рисков на производстве

Ранг	Индивидуальные переменные	Физическая среда	Организационная среда
15			Смены схем
14	G (Общие когнитивные способности)		Рабочие группы
14	Добросовестность		
13	Экстраверсия		Обслуживание
13	Нейротизм		Обучение
12	Организационная приверженность	Уровень шума	Ротация
12	Удовлетворенность работой	Температура воздуха	Коммуникация
12	Возраст		
11	Отношение к работе (установки, ценности, убеждения)		Разнообразие
11	Трудовая этика		
10	Цели		Иерархическая структура
10			Климат
9	Доброжелательность	Уровень освещенности	
9	Открытость	Влажность	
9	Пол	Вентиляция	
9	IQ		
9	Локус контроля		
9	Навыки, уровень, опыт		
8	Образ жизни	Монооксид углерода	Лидерство
8	Особенности сна	Озон	Система оплаты труда
8			Рекрутмент/адаптация
8			Гарантия занятости
7	Здоровье	Частота и интенсивность вибрации	
7	Биоритмы	Дневной свет (естественное освещение)	
7	Циркадные ритмы	Диоксид углерода	

6	Семейный статус	Частота шума	
6	Образование	Кислород	
5	Сила/выносливость	Частота света/цвет	
5	Внимание		
5	Концентрация		
4	Социально-экономический статус	Продолжительность шума	
4	Этническая принадлежность	Освещение/блики	
4	Религия	Освежение/отражение	
4	Адаптивность		
4	Схемы		
3	Диета	Предсказуемость/постоянство шума	
1	Скорость/качество скорости		
1	Аналитичность/креативность		
1	Форма		

Примечание: В исследовании ранг рассчитывается как сумма оценок по четырем критериям (общая значимость, конкретная значимость, надежность, измеримость). Далее переменные упорядочиваются по трем категориям. В модель вошли выделенные переменные в соответствии с присвоенным рангом по критериям.

Международный опыт исследования роли личностных деструкторов при прогнозировании аварийности, саботажа и риска хищений в охране труда

HRA (Human Reliability Analysis) предполагает использование качественных и количественных методов для оценки вклада человека в риске. Обычно он включает три этапа: идентификация действий человека, моделирование важных действий и оценка вероятностей действий человека. На рисунке 2 показана предлагаемая структура междисциплинарной модели HRA, в которой она связывает вероятностный и психологический подходы, включая системный анализ, поведенческие науки, физический анализ и контекст. Существует два типа методов HRA, которые оценивают влияние действий человека на надежность систем, и методы, разработанные для объяснения механизмов внутренних отказов человека. Организационные и контекстуальные факторы вероятности человеческой неудачи часто выступают в качестве факторов, влияющих на производительность (PSF) (Пуу, 2000).

Лаборатория здравоохранения и безопасности (HSE) провела обзор литературы о типах доступных инструментов HRA. Они подразделяются на три поколения используемых инструментов HRA. Методы первого поколения помогают экспертам по оценке риска разбивать задачи на компоненты, а затем учитывать потенциальное влияние модифицирующих факторов (например, нехватка времени, стресс, дизайн). Они концентрируются

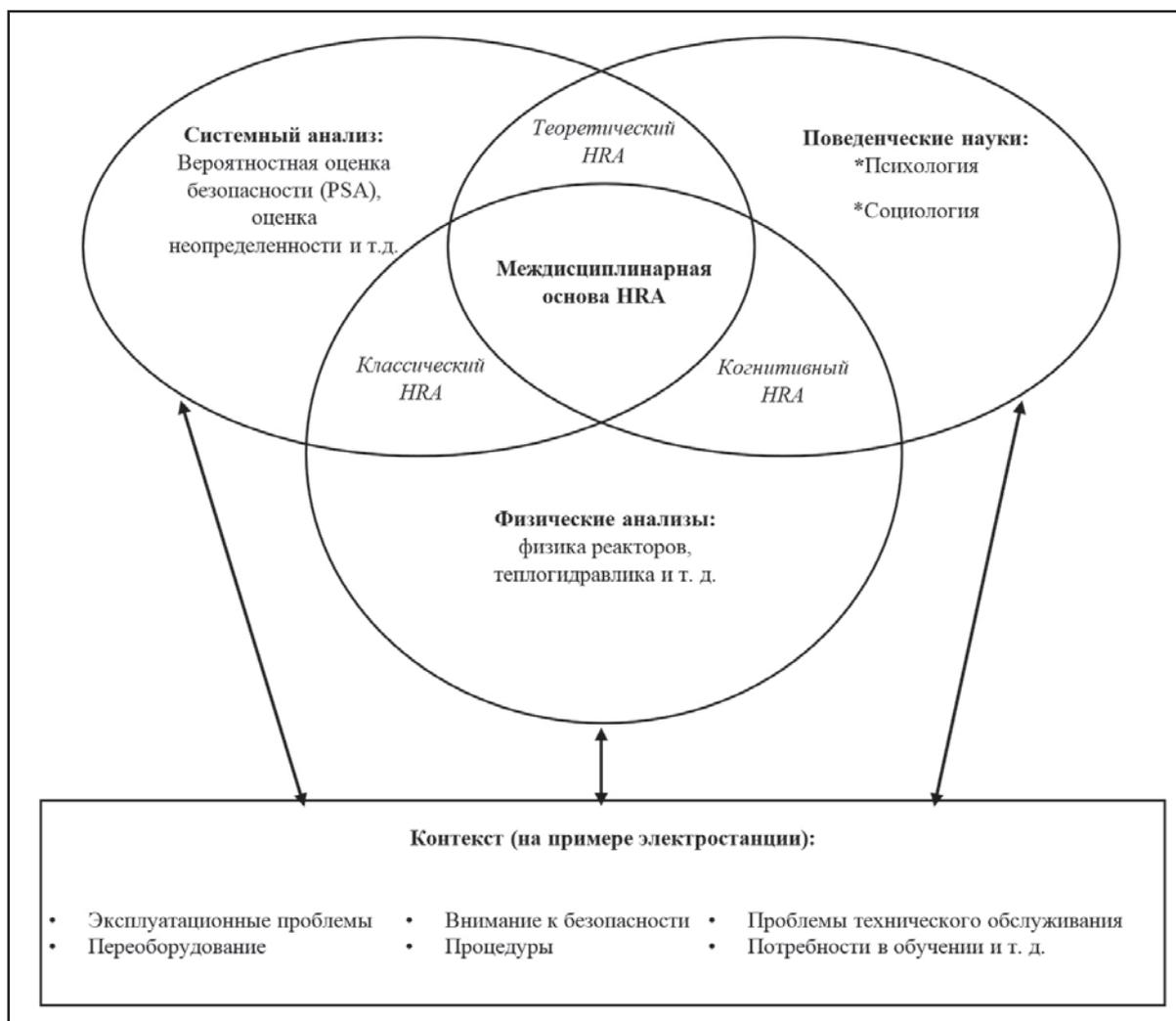

Рис. 2. Модель Human Reliability Analysis

на навыках и типах потенциальных человеческих ошибок, основанных на правилах, но могут испытывать недостаток влияния контекста, организационных факторов и ошибок комиссии. Методы второго поколения пытались включить контекстную ситуацию в предсказание ошибок человека, но они не были подтверждены эмпирически. Методы третьего поколения основаны на более ранних инструментах первого поколения. Методы, основанные на экспертных оценках, помогают структурированным средствам для МСП рассматривать потенциальные ошибки в конкретном сценарии с оговоркой, что это может внести некоторую предвзятость в анализ (Feigh, 2010).

Human error assessment and reduction technique (HEART) – это общедоступный инструмент первого поколения, который использует общие типы задач, связанные с номинальным потенциалом человеческой ошибки и условиями возникновения ошибок. Из личностных характеристик, которые учитывает данная методика, – это общая стрессоустойчивость специалиста.

Cognitive reliability and error analysis method (CREAM) – это общедоступный инструмент второго поколения. Данный инструмент проводит

границу между компетенцией и контролем, генотипами (причинами) и фенотипами (проявлениями) с неиерархической организацией. Генотипы делятся на три категории:

- генотипы, которые имеют прямую или косвенную связь с поведением;
- человеко-машинное взаимодействие и интерфейс;
- локальная среда (например, шум, температура).

Последствия действий оператора или его бездействия находятся в группе фенотипов, которые в CREAM делятся на четыре подгруппы: действия в неподходящее время, неправильного типа, в неправильном объекте, в неправильном месте. Первым шагом CREAM является разработка анализа задач в контексте группы «Здоровье и производительность» (HN&P), а затем передается группе «Безопасность и миссия» (S&MA) для запуска инструмента.

INTENT – инструмент первого поколения, недоступный для общего использования, используется только в атомной промышленности. Метод определяет четыре категории ошибок: последствия конкретных действий, набор ответов экипажа, отношение к хитростям и обходу инструкций, зависимость от ресурсов. Данный инструмент включает 20 вариантов ошибок в этих четырех категориях, личностные факторы, влияющие на производительность, а затем, принимая во внимание весовые коэффициенты, можно рассчитать показатель надежности человека во взаимодействии с оборудованием и командой.

PSF – данная методика содержит ряд комплексных факторов, которые предсказывают эффективность специалиста на рабочем месте. Среди личностных характеристик выделяются такие факторы, как стрессоустойчивость, прошлый опыт ошибок, структура реакции на похвалу/наказание, профессиональные навыки, способности (например, развитость кратковременной памяти), мотивация, целеполагание.

CAHR (connect ionism assessment of human reliability) – это инструмент, недоступный для открытого использования, который объединяет анализ и оценку событий, использующий прошлый опыт в качестве основы для HRA. Одним из преимуществ его применения является то, что он рассматривает ошибки человека в результате взаимосвязи нескольких ситуационных и причинных факторов рабочей системы. Моделирование человеческого познания основано на моделях искусственного интеллекта, где на работу человека влияет взаимосвязь множества условий и факторов, а не единичных причин, которые можно рассматривать изолированно (Everdij, 2008).

В NASA подобные тестирования, ориентированные на риски, связанные с человеческим фактором, проводятся на этапе Cross cutting and management, который включает оценки: Measures of Effectiveness (MOEs) и Measures of Performance (MOPs), а также далее тестируются в части Production and operations методом Human-in-the-loop testing, где исследуются личностные деструкторы.

В российских исследованиях для диагностики личностных деструкций, способствующих возникновению аварийных ситуаций (Тюлюбаева, Симонова, Дегтева, 2015), используются такие методики, как опросник

«Акцентуации характера» (Х. Смишек); опросник «Я-структурный тест» Г. Аммона (в адаптации Ю.Я. Тупицина, В.В. Бочарова и др.). По результатам исследования было обнаружено, что у сотрудников с высоким уровнем безопасности наблюдаются тенденции к увеличению показателей застревающего, тревожного, дистимического типа акцентуации характера, тревоги дефицитарной, внешнего Я-отграничения конструктивного и внутреннего Я-отграничения дефицитарного, нарциссизма дефицитарного, деструктивной и дефицитарной сексуальности. А также более низкие значения по шкале возбудимого типа акцентуации характера, агрессии конструктивной, внешнего Я-отграничения деструктивного, сексуальности конструктивной по сравнению с группой работников, имеющих низкий уровень безопасности при выполнении своих профессиональных обязанностей.

Апробация методики оценки личностных деструкторов в охране труда

Методика направлена на оценку личностных качеств сотрудников организаций промышленного сектора, влияющих на соблюдение безопасности и представляющих важность с точки зрения соблюдения правил охраны труда. Диагностические показатели методики позволяют принимать решение при отборе и аттестации персонала, эффективно управлять кадровыми рисками на промышленном объекте.

Работа с методикой организована в форме двухэтапной процедуры, в ходе которой по результатам детального опроса пользователь получает сведения об особенностях поведения сотрудника на промышленном предприятии. В апробации методики принимали участие 208 человек, работающих на промышленных предприятиях.

Диагностическая часть представлена в виде структурированной методики опросного типа, включающей шесть основных шкал и соответствующих им субшкал (см.: табл. №3), а также проективной части методики, позволяющей произвести оценку особенностей неконструктивного профессионального поведения. Формирование структуры опросника проводилось в соответствии с утвержденным техническим заданием. Каждая основная шкала опросника состоит из блоков коротких вербальных утверждений или пунктов опросника. Диагностическую часть методики предваряет сбор анкетных параметров: пол, возраст, стаж в отрасли, занимаемая должность (специалист, руководитель).

Следует отметить, что методика разрабатывалась как средство для оценки рисков, связанных с человеческим фактором на промышленном производстве. Основным объектом исследования при этом является конкретный специалист, принятый на работу или являющийся кандидатом на должность линейного рядового сотрудника или линейного руководителя.

Оценочная часть методики. На основе собранных в ходе диагностики материалов методика позволяет получить количественные и качественные оценки поведения человека на промышленном объекте. Она базируется на комплексе следующих интегративных показателей:

- субшкалы, подсчитываются на основе вопросов методики;
- основные шкалы, отражают суммарную оценку по субшкалам, входящим в каждую из основных шкал;
- индекс социальной желательности, который используется для определения степени достоверности получаемых результатов опроса;
- тип неконструктивной профессиональной позиции, который оценивается при помощи проективного блока стимулов.

Для получения сопоставимых количественных оценок предлагается использовать процедуру линейной стандартизации сырых баллов. Правомерность применения этого типа статистических трансформаций подкреплена данными о нормальности распределения исходных тестовых оценок внутри основных шкал и индекса социальной желательности по результатам стандартизации методики.

- Процедура линейной стандартизации и подготовка тестовых норм для интерпретации результатов методики были рассчитаны для T -значений по индексам основных шкал в два этапа.

- Перевод в Z -значения. Это мера относительного разброса наблюдаемого или измеренного значения, которая показывает, сколько стандартных отклонений составляет его разброс относительного среднего значения. Это безразмерный статистический показатель, используемый для сравнения значений разной размерности или шкалой измерений. Позволяет перейти далее к любой стандартной шкале и рассчитывается по формуле

$$Z_i = (V_i - M) / \sigma.$$

- Перевод в стандартную шкалу T -баллов по следующей формуле:

$$T_i = Z_i \cdot 10 + 50,$$

где V_i – сырой балл, M – среднее значение по субшкале, σ – стандартное отклонение по субшкале.

- Показатели надежности и валидности теста были получены для всех основных шкал.

Для всех основных шкал гипотеза о нормальности распределения (см.: табл. №4) подтвердилась на высоком уровне значимости. Таким образом, применение статистических процедур нормирования и стандартизации первичных оценок, а также дальнейшая оценка психометрических свойств возможны и обоснованны.

Стандартизация тестовых норм и выделение нормативных диапазонов

Критические диапазоны T -баллов для основных шкал и проективной диагностики. Процедура расчета нормативных диапазонов T -баллов базировалась на модели нормального распределения и выделении соответствующих процентильных интервалов (см.: табл. №5).

Таблица 3
Структура методики

Шкалы апробируемого опросника	Шкалы оценки из методик оценки личностных качеств для проверки внешней валидности	Методики оценки личностных качеств для внешней валидности
Аварийность (аварийно опасное поведение) Злоупотребление полномочиями (хищения) Саботаж (несотрудничество) Конфликтность	Уровень субъективного контроля Уровень субъективного контроля (рук) Готовность к риску Консерватизм Выгорание Дефицитарная тревога Дефицитарный нарциссизм Деструктивное внешнее Я-отграничение Сознательность Алкоголизм Цинизм Враждебность Социальная ответственность Недисциплинированность, внутренняя конфликтность Настойчивость, ригидность Оптимизм, отрицание тревоги Общая плохая приспособляемость Паранойя Фарисейство Рецидивизм Эмоциональная лабильность, демонстративность Соперничество	УСК Роттера RSK Шуберта IPIP-NEO-120 MBI (section A) MMPI Я-структурный тест Г. Аммона (в адаптации Ю.Я. Тупицина, В.В. Бочарова) 16PF Методика Кука-Медлей Тест акцентуаций Леонгарда

Таблица 4
Оценка нормального распределения

Основные индексы	Среднее	σ	Критерий Колмогорова-Смирнова	Знач.
Шкалы опросника				
Аварийность (аварийно опасное поведение)	200,59	42,44	0,756	0,617
Злоупотребление полномочиями (хищения)	100	20,93	0,697	0,716
Саботаж (несотрудничество)	350	46,06	0,713	0,688
Конфликтность	50	10	0,836	0,733

Показатели надежности опросниковой части (Test-Retest надежность)

Показатели ретестовой надежности определялись с помощью коэффициента корреляции Пирсона по данным повторных измерений, проведенных через один-полтора месяца (см.: табл. №6).

Вывод: полученные значимые коэффициенты корреляции свидетельствуют в пользу надежности измерений по шкалам.

Внутренняя согласованность. Показатели надежности по внутренней согласованности пунктов в каждой из основных шкал оценивались с помощью α – коэффициента Кронбаха (см.: табл. №7).

Показатели валидности опросниковой части

Конструктивная валидность. Обоснованием конструктивной валидности теста служат результаты факторизации показателей методом главных компонент с использованием Varimax-вращения. Факторный анализ – многомерный метод, применяемый для изучения взаимосвязей между значениями переменных. Предполагается, что известные переменные зависят от меньшего количества неизвестных переменных и случайной ошибки. С помощью факторного анализа возможно выявление скрытых переменных факторов, отвечающих за наличие линейных статистических корреляций между наблюдаемыми переменными. Благодаря проведению факторного анализа получается возможность сравнить теоретическую структуру опросника с тем, как эмпирически группируются данные. Для проверки факторного анализа испытуемые отвечали на вопросы методик: апробируемой методики оценки надежности человеческого фактора, УСК Роттера, RSK Шуберта, IPIP-NEO-120, MBI (sectionA), MMPI, Я-структурного

Таблица 5
Оценка диапазонов Т-баллов основных шкал

Основные индексы	Критические диапазоны для Т-баллов				
	Низкий	Умеренный	Выраженный	Высокий	Предельно высокий
Шкалы опросника					
Аварийность (аварийно опасное поведение)	≤40	>40; ≤46	>46; ≤53	>53; ≤58	>58
Злоупотребление полномочиями (хищения)	≤42	>42; ≤49	>49; ≤52	>52; ≤57	>57
Саботаж (несотрудничество)	≤40	>40; ≤48	>48; ≤54	>54; ≤59	>59
Конфликтность	≤41	>41; ≤48	>48; ≤51	>51; ≤58	>58

Таблица 6
Показатели ретестовой надежности

	Аварийность (аварийно опасное поведение)	Злоупотребле- ние полномо- чиями (хищения)	Саботаж (несотрудничество)	Конфликтность
Корреляция	0,823	0,628	0,697	0,622
Знач.	менее 0,000	менее 0,000	менее 0,000	менее 0,000

Таблица 7
Показатели внутренней согласованности

Шкалы опросника			
Аварийность (аварийно опасное поведение)	Злоупотребление полномочиями (хищения)	Саботаж (несотрудничество)	Конфликтность
α – коэффициент Кронбаха			
0,720	0,734	0,662	0,605

теста Г. Аммона (в адаптации Ю.Я. Тупицина, В.В. Бочарова), 16PF, методики Кука-Медлей, теста акцентуаций Леонгарда).

Факторы, полученные в результате факторного анализа, имеют две характеристики: объем объясняемой дисперсии и нагрузки. Желательно, чтобы общая описываемая дисперсия получилась более 70%: это означает, что полученная факторная структура описывает большую часть наблюдаемого разнообразия ответов испытуемых. Переменные (в нашем случае – субшкалы) вносят разный вклад в каждый фактор факторной структуры. Анализ фактора основан на интерпретации того, какие переменные (субшкалы) вошли в него с наибольшим (максимальное положительное значение) и наименьшим (максимальное отрицательное значение) весом. В таблице 8 уже приведены результаты анализа факторов (принтерпретированное название), а также переменные (субшкалы), сформировавшие полюсы фактора.

Результаты факторного анализа базовых факторов методики. Исходное решение: восьмифакторная структура, описываемая дисперсия 69%.

Полученное факторное решение получилось статистически значимо. Факторная структура теста описывает основные компоненты рисков, связанных с человеческим фактором и заложенных в структуру основных шкал.

Для сравнения эмпирической и теоретической структуры опросника был проведен корреляционный анализ. Результаты анализа представлены в таблице 9.

По итогам корреляционного анализа эмпирических факторов и основных шкал опросника были получены высокие значимые корреляции

Таблица 8
Объединение в факторную структуру шкал опросников
(первая часть оценки валидности)

Проинтерпретированное название фактора	Положительный полюс (отмечены наиболее значимые переменные)		Отрицательный полюс (отмечены наиболее значимые переменные)	
	Субшкала	Вес в факторе	Субшкала	Вес в факторе
Самообесценивание	Дефицитарный нарциссизм	,771	Сознательность	-,563
	Деструктивное внешнее Я-ограничение	,695		
Упрямство, принципиальность	Настойчивость, ригидность	,739	Дефицитарная тревога	-,266
	Рецидивизм	,694	Социальная ответственность	-,267
	Оптимизм, отрицание тревоги	,847		
Социальная безответственность	Алкоголизм	,745	Социальная ответственность	-,563
	Фарисейство	,628		
Самоконтроль	УСК	,610	Дефицитарная тревога	-,435
Конфликтность	Эмоциональная лабильность, демонстративность	,850	Соперничество	-,639
Враждебность	Враждебность	,734	Недисциплинированность, внутренняя конфликтность	-,403
	Цинизм	,766	Паранойя	-,183
Консерватизм	Консерватизм	,881	Фарисейство	-,383
Готовность к риску	Готовность к риску	,855	УСК (РУК)	-,327

эмпирических конструкторов с теоретическими факторами, что дополнительно подтверждает конструктивную валидность методики. Мы видим, что факторная структура позволяет четко выделить и валидировать четыре шкалы опросника. Исключением является эмпирический фактор «социальная безответственность», который связан со «злоупотреблением полномочиями» (хищением) и «саботажем» (несотрудничеством).

Таким образом, мы можем утверждать, что при апробации методики диагностики личностных деструкторов, повышающих вероятность

Таблица 9
Результаты корреляционного анализа эмпирических факторов и основных шкал опросника

Шкалы апробируемой методики		Аварийность (склонность к аварийно опасному поведению)	Злоупотре- бление полномочи- ями (склон- ность к хище- ниям)	Саботаж (склон- ность к несотруд- ничеству)	Конфликт- ность
Выделенные в факторном анализе эмпирические факторы личностных методик					
Самообесценивание	Коэф.	,806**	-,005	,112	-,118
	Знач.	,000	,958	,191	,847
Упрямство, принципиальность	Коэф.	-,093	,101	,743**	,140
	Знач.	,279	,242	,000	,131
Социальная безответственность	Коэф.	-,016	,448**	,608**	,081
	Знач.	,850	,000	,000	,346
Самоконтроль	Коэф.	-,429**	,349	,081	-,079
	Знач.	,000	,022	,348	,684
Конфликтность	Коэф.	-,014	,031	,041	,729**
	Знач.	,871	,721	,636	,000
Враждебность	Коэф.	-,019	,512**	,081	,121
	Знач.	,826	,000	,346	,242
Консерватизм	Коэф.	,253**	,115	-,153	-,012
	Знач.	,003	,181	,075	,771
Готовность к риску	Коэф.	,214*	-,137	,012	,021
	Знач.	,012	,111	,885	,621

совершения ошибок на производстве, обнаружены значимые связи с факторами личностных методик. Оценка же связи с частотой тех или иных инцидентов определена исследованиями вышеупомянутых коллег и будет оцениваться в дальнейших испытаниях методики для оценки ее прогностических характеристик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Baines T.S., Asch R., Hadfield L., Mason J.P., Fletcher S., Kay J.M.* (2005) Towards a theoretical framework for human performance modelling within manufacturing systems design / *Simulation Modelling Practice and Theory* 13(6), 486–504.
2. *Bonney M., Head M., Ratchev S., Moualek I.* (2000) A manufacturing system design framework for computer aided industrial engineering, *Int. J. Prod. Res.* 38(17), 4317–4327.

3. *Bunting A.J., Belyavin A.J.* (1999) Modelling Human Performance in Semi-Automated Systems in People in control-international conference on human interfaces in control rooms, cockpits and command centers, 21–25, IEE CP.
4. *Dahn D., Laughery K.R.* (1997) The Integrated Performance Modelling Environment – Simulating Human-System Performance, in: Proceedings of the 1997 Winter Simulation Conference, Atlanta, Georgia, 1141–1145.
5. *Das B.* (1999) Development of a comprehensive industrial work design model, *Hum. Fact. Ergon. Manufact*, 9(4), 393–411.
6. *Embrey D., Kontogiannis T., Green M.* (2010) Guidelines for Preventing Human Error in Process Safety / Center for Chemical Process Safety. American Institute of Chemical Engineers.
7. *Everdij M., Blom H.* Safety Methods Database. Retrieved from: www.nlr.nl/documents/flyers/SATdb.pdf; 2008.
8. *Feigh K.* (2010) Human reliability analysis overview. Human contribution to safety. Atlanta, GA: Georgia Institute of Technology.
9. *Fruggiero F.* (2016) Incorporating the Human Factor within Manufacturing Dynamics.
10. *Furnham A.* (1992) *Personality at Work*, Routledge, London.
11. *Ichniowski C., Shaw K.* (1999) The effects of human resource management systems on economic performance: An international comparison of US and Japanese plants, *Manag. Sci.* 45(5), 704–721.
12. *Lewin K.* (1935) *A Dynamic Theory of Personality: Selected papers*, Translated by D.K. Adams and K.E. Zener, McGraw Hill Book Company Inc., London.
13. *Miller D.P., Swain A.D.* (1987) Human error and human reliability, in: G. Salvendy (Ed.), *Handbook Hum. Fact.*, Wiley-Interscience, New York.
14. NASA/SP-2015-3709 Human Systems Integration (HSI) Practitioner’s Guide, NASA Johnson Space Center, November 2015.
15. *Parker S.K., Wall T.D., Cordery J.L.* (2001) Future work design research and practice: Towards an elaborated model of work design, *J. Occupat. Organ. Psychol.* 74, 413–440.
16. *Pyy P.* (2000) Human reliability analysis methods for probabilistic safety assessment. VTT Publications: Technical Research Centre of Finland.
17. *Schmidt B.* (2000) *The Modelling of Human Behaviour*, SCS-Europe BVBA, Ghent, Belgium.
18. *Stone D.L., Eddy E.R.* (1996) A model of individual and organizational factors affecting quality-related outcomes, *J. Qual. Manag.* 1(1), 21–48.
19. *Swain A.D., and Guttman H.* (1983) *Handbook of human-reliability analysis with emphasis on nuclear power plant applications*. Final report. United States.
20. *Toriizuka T.* (2001) Application of performance shaping factor (PSF) for work improvement in industrial plant maintenance tasks, *Int. J. Ind. Ergon.* 28, 225–236.
21. *Котик М.А.* Психология и безопасность / М.А. Котик. 3-е изд., испр. и доп. Таллин: Валгус, 1989. 447 с.
22. Психология безопасности труда / И. Балинт, М. Мурани; пер. с венгер. М.: Профиздат, 1968. 208 с.

23. Психофизиологические и социально-психологические основы профилактики производственного травматизма / сост. И.П. Бондарев, В.Г. Юровских. М.: ВЦНИИОТ ВЦСПС, 1986. 49 с.
24. Тюлюбаева Т.О., Симонова Н.Н., Дегтева Г.Н. Изучение взаимосвязи субъективной оценки безопасности с личностными деструкциями у работников вахтовым методом в условиях Арктики / Психология экстремальных профессий // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Отв. редактор: Корнеева Я.А., Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова: Архангельск, 2015, с. 245–249.
25. Юровских В.Г. Физиолого-психологические механизмы адаптации к труду с повышенной опасностью травмирования: автореф. дис. ...канд. биол. наук / В.Г. Юровских. Ашхабад, 1982. 21 с.
26. Role of personal destructors in assessing the reliability of personnel in production organizations

Role of personal destructors in assessing the reliability of personnel in production organizations

***D.V. Smirnov, V.V. Fedin, A.D. Kiyatkina,
E.A. Strizhova, A.S. Evdokimenko***

Smirnov Dmitry, Director General SRG-ECO ltd.

Fedin Vitaly, PhD in Economic, Partner SRG Group of companies.

Kiyatkina Anastasia, post-graduate student of the faculty of social sciences, Department of psychology, Higher School of Economics.

Strizhova Ekaterina, PhD, associate Professor of the Department of Psychoanalysis and psychoanalytic business consulting, Higher School of Economics.

Evdokimenko Alexander, PhD, associate Professor of the Department of Psychoanalysis and psychoanalytic business consulting Higher School of Economics.

The study presents the results of the development and testing of methods for diagnosing personal destructors that increase the likelihood of making mistakes in the workplace. Testing was conducted on the basis of several industrial organizations. The analysis identified the main destructors, which are correlated with the errors, accidents and emergency situations are facts of embezzlement and various forms of sabotage. The diagnostic method is focused on diagnostics of these destructors using blocks of selected and tested questions. To study the main psychometric indicators (retest reliability, internal consistency, validity), the alpha-Cronbach's method, factor and correlation analysis were used.

Keywords: reliability of the human factor, personal destructors, accidents, sabotage, theft.